

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

44 2021
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 44 (386) / 2021

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Пол Кругман (родился в 1953 году), американский экономист.

Пол Кругман родился в Олбани, США, а вырос в Меррике, штат Нью-Йорк. Его корни уходят к представителям еврейской диаспоры в Беларуси. Учился он в Белморе и уже в те годы влюбился в экономику. Кругман говорил, что на его выбор жизненного пути заметное влияние оказало творчество Айзека Азимова. После школы он продолжил обучение в Йельском университете, а позже получил докторскую степень на базе Технологического института в Массачусетсе. В этих же учебных заведениях будущий гений экономики начал свою преподавательскую деятельность.

Кругман признается, что направление в работе ему помог выбрать Рудигер Дорнбуш — научный руководитель диссертации Пола. Кругман поделился своими идеями с наставником, и Дорнбуш отметил модель торговли в условиях монополистической конкуренции. Эти события стали отправной точкой в успешной карьере будущего Нобелевского лауреата. Кругман стал активно развиваться в этой сфере и написал ироническое эссе о процентных ставках на транзитные товары.

Пол Кругман является сотрудником Национального бюро экономических исследований, а также членом наблюдательного совета Института международной экономики. Он входит в G30 — международную группу, объединяющую лучших представителей мира экономики и финансов. Они изучают проблемы в этой сфере и анализируют последствия принимаемых нововведений для общества.

За время работы Кругман написал более двух десятков профильных книг. В их число входит несколько учебников по экономике, соавтором которых стала его жена Робин Уэлс. С 2000 года он постоянно пишет для The New York Times. Эксперты отмечают, что ему удастся скучную для большинства читателей экономику преподнести действительно легко и понятно.

Наибольший интерес для Кругмана представляла международная экономика: по сути, он создал новую теорию торговли.

В ее основе лежат две идеи: потребитель предпочитает разнообразие; производство становится экономичнее за счет повышения производительности. Работа над ней заняла одиннадцать лет и ознаменовала создание новой интерпретации экономической географии.

Еще одна проблема, над которой активно работал Кругман, — так называемая ловушка ликвидности. Он призывал менять денежно-кредитную политику для вывода экономики на новый уровень, доказывая, что привычное понижение ставок в итоге приводит к потере интереса населения к наличным и облигациям из-за практически нулевой доходности. В результате такой ситуации банки перестают контролировать денежную базу.

За свои работы Пол Кругман получил множество наград: медаль Джона Бейтса Кларка, премия Адама Смита, премия Ректенвальда, премия принца Астурийского, премия Джеральда Лоэба и EPI. А в 2008 году Кругману была присуждена Нобелевская премия по экономике, что вызвало особенный резонанс: есть предположения, что это произошло по политическим мотивам.

Заслуги Кругмана перед мировым экономическим сообществом очевидны, и сам факт его победы не вызывал вопросов. Но многие отметили, что вручение премии человеку, который открыто выступал против экономической и внешней политики Джорджа Буша накануне выборов в США, выглядит двусмысленно. И что еще удивительно, вся премия досталась только одному человеку, хотя обычно победителей несколько.

Сегодня Пол Кругман по-прежнему востребован в исследовательской и аналитической деятельности. Он пишет колонки для The New York Times и ведет блог в Twitter, который расходится на цитаты. Критикует политику государств и их лидеров, дает прогнозы по экономической обстановке и входит в число самых влиятельных экономистов в мире.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Аревшатян С. А.

Гражданско-правовая ответственность
единоличного исполнительного органа общества
с ограниченной ответственностью79

Балицкий А. А.

Социально-правовая природа молодежного
экстремизма83

Барнагян В. А., Танкаев Э. С.

Перспективы развития договора условного
депонирования (эскроу) в Российской
Федерации85

Берсанов А. М.

Типичные способы совершения краж
с банковского счета, а равно совершаемых
в отношении электронных денежных средств...87

Буларга А. Д.

Некоторые аспекты возникновения института
деловой репутации в праве России.....89

Буянова Т. С.

Особенности рассмотрения дел о защите прав
потребителей в судах общей юрисдикции91

Васечко В. В.

Дифференциация и место недвижимости
в системе объектов гражданского оборота на
современном этапе.....92

Вдовина М. В.

Организационно-правовые основы деятельности
ФСИН России96

Вивенцов Д. Е.

К вопросу об административном надзоре за
лицами, освобожденными из мест лишения
свободы в советский период98

Газикова Е. М.

Управление в сфере внутренних дел и его место
в системе государственного управления99

Газикова Е. М.

Совершенствование правового регулирования
деятельности органов внутренних дел
Российской Федерации 101

Емеров Д. В.

Основные конституционные права
и свободы человека и гражданина как объекты
защиты при проведении оперативно-розыскных
мероприятий 103

Захарова А. Э., Гупанова П. А.

Особенности правового статуса самозанятых
граждан 105

Зыков А. С.

Защита права на недвижимое
имущество в спорах, связанных
с государственной регистрацией перехода права
собственности 107

Зюлева А. Э.

Режим коммерческой тайны
для самозанятых лиц 109

Колесникова Н. О.

Заключение и показания специалиста
и эксперта: разграничение и их оценка
судом в качестве доказательств в уголовном
судопроизводстве 111

Комова Н. Б., Корнилова Ю. А.

Классификация земельных участков
в российском законодательстве 113

Копанова А. Е.

О возможности участия некоммерческих
организаций в договоре коммерческой
концессии 115

Костенко Р. Л.

Коррупция в таможенных органах: понятие,
причины появления и методы борьбы с ней... 117

Куломзина А. А.

К вопросу об обеспечении эффективности
прокурорского надзора за исполнением
органами следствия требований закона
о соблюдении разумного срока на досудебных
стадиях уголовного судопроизводства 118

Куприянова Е. Е.

Трудовые споры и порядок их разрешения 121

Логманов Х. И., Велиева Р. Ш., Ярунгина К. В. Анализ типичных ошибок, допускаемых при проведении оперативного эксперимента по делам о взяточничестве 124	Селезнев С. Д. Движение в сторону либерализации назначения наказания за хранение и употребление наркотических средств 137
Мионов К. О. Достоинства и недостатки приказного производства 127	Сивова А. В. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка и разграничения смежных составов преступлений 139
Мухина И. В. Суды общей и конституционной юстиции, квазисудебные органы в механизме защиты прав и свобод человека 128	Скуридина О. О. Понятие и виды административных правонарушений в таможенной сфере 142
Парунова Е. А. Совместное завещание супругов 130	Скуридина О. О. Объективные признаки административных правонарушений в таможенной сфере 144
Приходченко Ю. С. Превышение пределов необходимой обороны по законодательству Российской Федерации 131	Тлимахова С. А. Роль прокурора в возбуждении дел об административных правонарушениях о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма 146
Свиридова С. А. Некоторые особенности убийств, совершенных женщинами 133	Тлимахова С. А. Правовые последствия неисполнения требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма 148
Селезнев С. Д. Текущее состояние норм назначения уголовного наказания для несовершеннолетних в Российской Федерации 135	

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Гражданско-правовая ответственность единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью

Аревшатян Сусанна Акоповна, студент магистратуры

Научный руководитель: Есенова Валентина Петровна, кандидат юридических наук, доцент

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Санкт-Петербург)

Актуальность темы обусловлена тем, что в связи с реформированием гражданского законодательства о правовой форме юридических лиц, правовом статусе единоличных и коллегиальных органов управления, критериях ответственности за виновные действия и действия в пределах обычного разумного предпринимательского риска органов управления. Судебно-арбитражная практика последних лет свидетельствует о значительном увеличении количества исков с требованием обществ или его участников о взыскании убытков с единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью. Эффективность реализации института гражданско-правовой ответственности единоличного исполнительного органа общества зависит от многочисленных факторов, таких как: непротиворечивости законодательства, разработанной правовой доктрины, а также особенностей применения норм гражданского законодательства и арбитражного процессуального права. Следует признать, что в судебной практике обозначились существенные изменения в подходах к решению некоторых проблемных вопросов, таких как активная роль единоличного исполнительного органа в предпринимательской деятельности общества, определения критериев его добросовестности в финансово-хозяйственных отношениях с другими участниками гражданского оборота, ответственность участников общества при принятии решений на общих собраниях общества и др.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, общество с ограниченной ответственностью, единоличный исполнительный орган, добросовестность, разумность, предпринимательский риск.

Civil liability of the sole executive body of limited liability company

The relevance of the topic is due to the fact that in connection with the reform of civil legislation on the legal form of legal entities, the legal status of sole and collegial management bodies, the criteria for liability for guilty actions and actions within the usual reasonable entrepreneurial risk of management bodies. The judicial and arbitration practice of recent years testifies to a significant increase in the number of claims demanding companies or its participants to recover damages from the sole executive body of a limited liability company. The effectiveness of the implementation of the institution of civil liability of the sole executive body of a company depends on numerous factors, such as: the consistency of legislation, the developed legal doctrine, as well as the specifics of the application of civil law and arbitration procedural law. It should be admitted that in judicial practice there have been significant changes in approaches to solving some problematic issues, such as the active role of the sole executive body in the entrepreneurial activity of the company, determining the criteria for its good faith in financial and economic relations with other participants in civil turnover, the responsibility of the participants in the society when making decisions at general meetings of the company and others.

Keywords: civil liability, limited liability company, sole executive body, good faith, reasonableness, entrepreneurial risk.

Многие годы вопрос о понятии гражданско-правовой ответственности в корпоративных отношениях в юридической науке является спорным, научные исследования содержат различные мнения относительно структуры и сущности этого важнейшего института гражданского права.

По общему правилу основанием гражданско-правовой ответственности является правонарушение. Правонарушение всегда противоправно, то есть представляет собой нарушение запрета, указанного в законе или в подзаконных актах, либо невыполнение обязанности, вытекающей из нормативного

правового акта или заключенного на его основе договора, а применительно к корпоративным отношениям — также обязанности, вытекающей из устава, внутренних документов компании [10].

К условиям привлечения гражданско-правовой ответственности относится противоправный характер поведения (действий или бездействия) лица, на которое предполагается возложить ответственность, наличие вреда в виде возникших убытков, причинную связь между действием (бездействием) и понесенными убытками, а также вины лица, причинившего убытки.

Так, О.С. Иоффе утверждал, что гражданско-правовая ответственность есть санкция за правонарушение, вызывающая для нарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав либо возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей [9].

В.П. Грибанов определял гражданско-правовую ответственность как одну из форм государственного принуждения, связанную с применением санкций имущественного характера, направленных на восстановление нарушенных прав и стимулирование нормальных экономических отношений юридически равноправных участников гражданского оборота [5].

Таким образом, в гражданском праве ответственность традиционно носит имущественный характер. Гражданско-правовая ответственность направлена, прежде всего, на восстановление имущественной сферы потерпевшего, а не на наказание нарушителя, и носит компенсаторно-восстановительный характер, как уже было указано ранее. Такое восстановление осуществляется в первую очередь посредством возмещения причиненных убытков¹. Помимо возмещения убытков в гражданском праве могут применяться иные имущественные санкции — например, неустойки, а также различного рода компенсации (компенсация морального вреда, компенсация за нарушение интеллектуальных прав и т.п.) [3].

Нормы о привлечении к ответственности юридических лиц, а именно коммерческих корпораций содержатся в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) и в иных федеральных законах.

В соответствии с пунктом 3 статьи 65.3 ГК РФ в корпорации образуется единоличный исполнительный орган (директор, генеральный директор, председатель, президент и другие) [12], который избирается общим собранием участников общества на срок, определенный уставом общества, если уставом обще-

ства решение этих вопросов не отнесено к компетенции совета директоров (наблюдательного совета) общества. Единоличный исполнительный орган общества может быть избран также не из числа его участников. Таким образом, по своей правовой природе единоличный исполнительный орган является волеизъявляющим органом в системе корпоративного управления, в лице которого корпорация проявляет себя вовне, приобретает права и принимает на себя обязанности.

Руководство текущей деятельностью в обществе в соответствии с частью 4 статьи 32 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО) осуществляется единоличным исполнительным органом общества или единоличным исполнительным органом общества и коллегиальным исполнительным органом общества. Исполнительные органы общества подотчетны общему собранию участников общества и совету директоров (наблюдательному совету) общества [13].

В пункте 2 статьи 40 Закона об ООО закреплено, что только физическое лицо может выступать в качестве единоличного исполнительного органа общества, за исключением случая, предусмотренного статьей 42 Закона об ООО, согласно которому общество вправе передать по договору² осуществление полномочий своего единоличного исполнительного органа управляющему [13].

Ответственность исполнительного органа общества регулируется статьей 53.1 ГК РФ и статьей 44 Закона об ООО³, в которых содержатся обстоятельства, при которых единоличный исполнительный орган и члены коллегиального исполнительного органа общества будут нести гражданско-правовую ответственность за убытки, причиненные обществу их виновными действиями (бездействиями). При этом не несут ответственности члены коллегиального исполнительного органа общества, голосовавшие против решения, которое повлекло причинение обществу убытков, или не принимавшие участия в голосовании [13].

Согласно вышеупомянутым законам, исполнительный орган (директор, генеральный директор и другие) при осуществлении прав и исполнении обязанностей должны действовать в интересах общества, осуществлять свои права и исполнять обязанности в отношении общества добросовестно и разумно.

В корпоративных правоотношениях добросовестность, справедливость и разумность единоличного исполнительного органа имеет практическое значение как во внутренних (управ-

¹ Согласно п. 2 ст. 15 ГК РФ под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). При этом расчет убытков осуществляется в соответствии с нормами, предусмотренными гражданским законодательством Российской Федерации. // СПС «КонсультантПлюс» — 15.07.2021.

² Договор с управляющим подписывается от имени общества лицом, председательствовавшим на общем собрании участников общества, утвердившем условия договора с управляющим, или участником общества, уполномоченным решением общего собрания участников общества, либо, если решение этих вопросов отнесено к компетенции совета директоров (наблюдательного совета) общества, председателем совета директоров (наблюдательного совета) общества или лицом, уполномоченным решением совета директоров (наблюдательного совета) общества. // СПС «КонсультантПлюс» — 15.07.2021.

³ Согласно пункта 1 статьи 44 Закона об ООО к субъектам гражданско-правовой ответственности относятся: члены совета директоров (наблюдательного совета) общества, единоличный исполнительный орган общества, члены коллегиального исполнительного органа общества или управляющий. Перечень лиц, к которым могут быть применены меры гражданско-правовой ответственности, предусмотренные законами о хозяйственных обществах, является закрытым. // СПС «КонсультантПлюс» — 20.07.2021.

ленческих) отношениях, так и во внешних отношениях (гражданско-правовых).

К внутренним вопросам относятся: принятие решений о стратегии развития корпорации, формирование финансовой политики корпорации, налоговый учет, управление затратами и осуществление внутреннего аудита, управление капиталом корпорации и др.

К внешним вопросам относятся: оценка предпринимательских рисков при заключении сделок, заключение обычных и крупных сделок, оценка экономической выгоды заключенных сделок, определение способов минимизации убытков, представление интересов корпорации в суде защита прав собственности корпорации и др.

В свою очередь доктринальной и практической проблемой является отсутствие содержательных нормативных критериев добросовестности и разумности директора при реализации ими своих полномочий.

К определению добросовестности существует несколько подходов. Под добросовестностью В.К. Бабаев понимает честное, со всей тщательностью и аккуратностью выполнение обязанностей, старательность и исполнительность [2]. Так, С. А. Иванова определяет добросовестность как составляющую грань принципа социальной справедливости [1].

В российском гражданском праве добросовестность рассматривается: как оценочное понятие для определения поведения субъектов гражданского правоотношения. Так, в пункте 3 статьи 1 ГК РФ закреплено, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, а пункт 4 статьи 1 ГК РФ устанавливает, что никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения [12]. Исходя из вышесказанного следует, что статьей 1 ГК РФ устанавливается обязанность добросовестного поведения, а не закрепляет принцип добросовестности.

Ранее данное требование пунктов 3, 4 статьи 1 ГК РФ вытекало из смысла положений пункта 2 статьи 6 ГК РФ, согласно которому при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости. Фактически законодатель устанавливал «барьер» для применения принципа добросовестности, поскольку необходимо было прежде применить аналогию закона, и только потом на права и обязанности сторон могли повлиять общие начала и смысл гражданского законодательства (аналогия права) [7].

О понятии «разумность» речь в гражданском законодательстве Российской Федерации идет гораздо чаще, чем о добросовестности. А.В. Волков считает, что «под разумными действиями в большинстве случаев в гражданском праве следует

понимать действия обычного дееспособного лица, если не с высоким, то, по крайней мере, со средним уровнем интеллекта, позволяющим действовать так, как действовали бы большинство членов общества (не самая худшая его часть)». Именно в таком правовом смысле — обычный, логический, здравый, стандартный — оценочное понятие «разумность» работает в большинстве норм ГК РФ [4]. Разумность применительно к корпоративным отношениям означает принятие решения при оценке возможных, предсказуемых рисков, с учетом анализа различных вариантов развития отношений, а также действия единоличного исполнительного органа, которые нормальны для гражданского оборота.

Так, Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА раскрывают принцип разумности через совокупность нескольких взаимосвязанных правовых категорий. При определении разумности должны быть приняты во внимание, в частности [7, с. 100–104]: цель нормы, которая была нарушена; категория лиц, для защиты которых действует норма; любая санкция, которая может быть наложена за нарушение нормы; серьезность нарушения; знала или должна была знать одна или обе стороны о нарушении; было ли нарушение необходимо для исполнения договора; разумные ожидания сторон.

В ГК РФ говорится о разумности действий (статья 10), о разумных сроках (статьи 314, 345 и др.), разумных расходах (статьи 520, 530 и др.) и другие.

Так, существует точка зрения, согласно которой именно разумность носит объективный характер, в то время как добросовестность — это субъективная категория. Например, В. И. Емельянов, говоря о добросовестности как об извинительном незнании субъекта о вреде, который он своими действиями мог причинить другому лицу, полагает, что, в свою очередь, разумными являются действия, которые совершил бы в конкретной ситуации человек, обладающий нормальным, средним уровнем интеллекта, знаний и жизненного опыта [6]. По мнению М. Ю. Тихомирова, если добросовестность предполагает «соблюдение правовых предписаний, честность и заинтересованность в положительном развитии организации», то разумность означает, «с одной стороны, поиск оптимального пути разрешения конкретной хозяйственно-управленческой ситуации, а с другой — ту степень профессионализма, которая минимально необходима для исполнения соответствующих служебных обязанностей, обусловленных занятием той или иной должности (осуществлением функции)» [11].

Между тем ГК РФ не раскрывает содержания добросовестности и разумности, и только судебная правоприменительная практика по отдельным арбитражным делам формирует основания и порядок их применения.

В связи с тем, что нет законодательно закрепленного стандарта поведения лица, осуществляющего функции директора⁴,

⁴ Согласно абз. 1 пункта 1 Постановлении Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» к директору относятся лица, входящие в состав органов юридического лица, (единоличный исполнительный орган — директор, генеральный директор и т.д., временный единоличный исполнительный орган, управляющая организация или управляющий хозяйственного общества, руководитель унитарного предприятия, председатель кооператива и т.п.; члены коллегиального органа юридического лица — члены совета директоров (наблюдательного совета) или коллегиального исполнительного органа (правления, дирекции) хозяйственного общества, члены правления кооператива и т.п.; далее — директор) // СПС «КонсультантПлюс» — 15.07.2021.

ВАС РФ предпринял попытку сформировать и раскрыть содержание понятий добросовестности и разумности в Постановлении Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее — Постановление Пленума ВАС РФ № 62), согласно которому ВАС РФ устанавливает цель, ради которой создается общество, в качестве оценки действий директора, и широко толкует обязанность единоличного исполнительного органа способствовать получению обществом этой цели, которая заключается в сохранении долгосрочной экономической успешности, прибыльности [8].

Привлечение единоличного исполнительного органа к гражданско-правовой ответственности зависит от того, действовал ли он при исполнении своих обязанностей разумно и добросовестно как уже было указано ранее, то есть проявил ли он заботливость и осмотрительность и принял ли все необходимые меры для надлежащего исполнения своих обязанностей.

Так, критерии недобросовестности и неразумности действий (бездействия) директора закреплены в Постановлении ВАС РФ № 62, согласно которому [14]:

1. недобросовестность действий (бездействия) директора считаются доказанной, когда директор:

1) действовал при наличии конфликта между его личными интересами (интересами аффилированных лиц директора) и интересами юридического лица, в том числе при наличии фактической заинтересованности директора в совершении юридическим лицом сделки, за исключением случаев, когда информация о конфликте интересов была заблаговременно раскрыта и действия директора были одобрены в установленном законодательством порядке;

2) скрывал информацию о совершенной им сделке от участников юридического лица (в частности, если сведения о такой сделке в нарушение закона, устава или внутренних документов юридического лица не были включены в отчетность юридического лица) либо предоставлял участникам юридического лица недостоверную информацию в отношении соответствующей сделки;

3) совершил сделку без требующегося в силу законодательства или устава одобрения соответствующих органов юридического лица [15];

4) после прекращения своих полномочий удерживает и уклоняется от передачи юридическому лицу документов, касающихся обстоятельств, повлекших неблагоприятные последствия для юридического лица;

5) знал или должен был знать о том, что его действия (бездействие) на момент их совершения не отвечали интересам юридического лица, например, совершил сделку (голосовал за ее одобрение) на заведомо невыгодных для юридического лица условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом («фирмой-однодневкой» и т.п.).

2. Неразумность действий (бездействия) директора считается доказанной, когда директор:

1) принял решение без учета известной ему информации, имеющей значение в данной ситуации;

2) до принятия решения не предпринял действий, направленных на получение необходимой и достаточной для его принятия информации, которые обычны для деловой практики при сходных обстоятельствах, в частности, если доказано, что при имеющихся обстоятельствах разумный директор отложил бы принятие решения до получения дополнительной информации;

3) совершил сделку без соблюдения обычно требующихся или принятых в данном юридическом лице внутренних процедур для совершения аналогичных сделок (например, согласования с юридическим отделом, бухгалтерией и т.п.).

Таким образом, исходя из вышесказанного следует, что в каждой конкретной спорной ситуации в зависимости от того, какие конкретно обстоятельства повлекли наступление у общества убытков и какие нарушения вменяются единоличному исполнительному органу, набор критериев оценки его поведения на предмет добросовестности и разумности может быть различным. Сформулированные в Постановлении Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 общие критерии недобросовестности и неразумности действий единоличного исполнительного органа должны быть раскрыты более детально, руководствуясь сформированной судебной практикой и доктринальными подходами, так как не только суды, но и сами лица, осуществляющие управленческие функции, должны иметь уверенное представление о том, какие действия могут быть неправомерными в отношении общества.

Литература:

1. Анциферова Э. Ю. Принципы разумности, добросовестности и справедливости как основополагающие категории частного права // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2016. — Т. 2. — № 2 (6). — 5 с.
2. Бабаев В. К. Презумпции в советском праве: учеб. пособие. — М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 1974. — 124 с.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. — М.: Статут, 2002. — 848 с.
4. Волков А. В. Добросовестность и разумность в концепции «Злоупотребление гражданским правом / А. В. Волков // Актуальные проблемы российского права. 2009. — № 3. — 6 с.
5. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. Изд. 2-е. стереотип. — М.: Статут, 2001. // [Электронный ресурс] <http://civil.consultant.ru/elib/books/1/> — 10.07.2021.
6. Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. — М.: Лекс-Книга, 2002. — 160 с.
7. Есенова В. П. Добросовестность, разумность и справедливость в гражданском праве России // Научные труды СЗИУ РАН-ХиГС. 2015. — Т. 6. № 3 (20). — 5 с.
8. Жукова Ю. Д. Проблемы установления оснований ответственности директоров за причинение убытков организации. Анализ правовых позиций Пленума ВАС РФ // Вестник арбитражной практики. 2014. — № 1. — 11 с.

9. Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит. 1975 // [Электронный ресурс] <https://private-right.ru/wp-content/uploads/Иоффе-О.С.-Обязательственное-право.pdf> — 10.07.2021.
10. Омаровский А. А. Особенности гражданско-правовой ответственности генерального директора ООО и АО в Российской Федерации / А. А. Омаровский // Проблемы науки. 2016. — № 12 (13). — с. 3.
11. Тихомиров М. Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью» в новой редакции (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс» — 10.07.2021.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. От 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
13. Федеральный закон 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Российская газета. 1998. № 30.
14. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). — № 34. — 2013.
15. Постановление Арбитражный суд Волго-Вятского округа от 24.05.2016 № Ф01-1538/2016 по делу № А82-5948/2014 // СПС «КонсультантПлюс» — 20.07.2021.

Социально-правовая природа молодежного экстремизма

Балицкий Александр Александрович, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье раскрывается сущность молодежного экстремизма как социально-правового явления.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, молодежный экстремизм.

Сущность молодежного экстремизма возможно понять при его исследовании в общетеоретическом представлении об экстремизме как социально-правовом явлении. Молодежный экстремизм — разновидность экстремизма. Поэтому логичным в исследовании его сущности является познание экстремизма как такового.

В настоящее время определение экстремистской деятельности или экстремизма имеет свое закрепление в законодательстве либо же отображает различные подходы ученых в доктринальных источниках.

В нормативных правовых актах имеется легитимное определение, которое предлагается принять за основу при регулировании общественных отношений.

Как видно из анализа определения, представленного в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», законодатель не попытался раскрыть социальную природу экстремизма, а лишь остановился на содержании этой противоправной деятельности, тем самым четко очертил круг тех действий, которые должны признаваться экстремистскими.

В научных источниках прослеживается несколько другой подход к определению экстремизма, когда ученые, действуя из анализа частных элементов экстремистской деятельности, дают общее определение, раскрывающие его социальную природу.

Экстремизм (от лат. *extremus* — крайний) — приверженность к крайним взглядам и мерам (преимущественно в политике). Экстремист — человек, придерживающийся крайних взглядов, сторонник крайних мер [7]. Следует отметить, что данное толкование является ядром в построении других авторских определений экстремизма. Однако, единой, четко сформулированной дефиниции отечественная наука не имеет до сих пор. «Несмотря на то, что в действующем законодательстве и ряде междуна-

родных правовых актов предпринята попытка определения экстремизма, в российской юридической науке на сегодняшний день отсутствует единая позиция по поводу его содержания, форм экстремизма, не выработаны четкие критерии, разграничивающие смежные с ним явления и понятия» [5, с. 15].

Это позволяет сделать вывод о существовании лишь концептуальных определений экстремизма, отражающих авторскую позицию тех или иных ученых в различных отраслях гуманитарных наук.

С. Н. Фридинский под экстремизмом предлагает понимать «социальное системное явление, в рамках которого объединены на основе общих политических, идеологических, национальных, религиозных, расовых, социальных, экологических, экономических взглядов и убеждений представители последних совершают, движимые экстремистскими побуждениями, противоправные действия, направленные на насильственное распространение таких взглядов и искоренение взглядов, отличных от отстаиваемых ими» [9, с. 9].

В политологии экстремизм позиционируется как форма политического радикализма, представляющий комплекс убеждений в необходимости насильственного изменения существующего порядка путем физического, психического или морального принуждений; опосредованный политическими ориентациями политической позицией институциональных субъектов в пределах широкой системы идеологических предпочтений: консерватизма, либерализма, национализма, коммунизма и т.д. Экстремизм институционализируется как результат трансформации политического радикализма, требующего коренных изменений существующего порядка, когда действующая государственная власть не способна эффективно противостоять растущим в обществе шовинизму, ксенофобии, сепаратизму, терроризму [6].

Философское понятие «экстремизм» отражает деструктивно-деятельностный характер осуществления человеком своей сущности, направленный на периферию процесса укоренения бытийного статуса; характеризует крайние устремления индивида в условиях процесса экстремального развития; представляет собой специфическую форму отчуждения, направленную на уничтожение регулярной идентичности [9].

Подобный перечень определений можно продолжить дальше. Как видно единого определения экстремизма как внутри одной отрасли науки, так и межотраслевого понятия нет. Однако подробный анализ множественных дефиниций позволяет выделить ряд устойчивых признаков, который свойственен сущности экстремизма в политологии, юриспруденции, философии, социологии.

Таким образом, основными признаками экстремизма следует признать:

1. Наличие экстремистской идеологии. В соответствии со Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации идеология экстремизма — это система взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения социальных, расовых, национальных, религиозных и политических конфликтов.

Для конкретного понимания учеными выделяются особенности экстремистской идеологии:

- 1) идея исключительной истинности именно данной идеологии, так называемый «комплекс абсолютной истинности»;
- 2) идея агрессивной нетерпимости по отношению ко всем идеологическим конкурентам или конкурирующим, альтернативным идеологиям;
- 3) деление человечества на две большие группы: своих и чужих, на друзей и врагов (не важно, по какому принципу проводится это деление, оно всегда характеризует антигуманную идеологию);
- 4) установка на немедленную практическую деятельность по исправлению мира и людей (программа немедленного и решительного преобразования существующей социальной реальности);
- 5) преобладание деструктивных задач по разрушению ложного враждебного мира над конструктивными задачами в программе преобразовательных действий;
- 6) фантастический, практически невыполнимый, слишком суровый и извращённый кодекс личного поведения, требующий от человека каких-то экстраординарных, чрезвычайных поступков и жертв [3].

2. Соответствующая направленность личности. Данный признак отражает субъективную сторону экстремизма. При расследовании уголовного дела следователю или дознавателю предстоит наравне с объективными признаками преступления определить и особенности, связанные с личностью подозреваемого или обвиняемого. При этом зачастую в ходе расследования при отсутствии соответствующих субъективных признаков уголовное преследование прекращается либо же происходит переквалификация преступления.

Направленность личности в экстремизме характеризуется приверженностью к экстремистской идеологии, т.е. осознанным признанием «правоты» такой идеологии и внутренней готовностью к претворению её положений в действитель-

ность преступным путём. Таким образом, одним из основополагающих моментов в понимании социальной природы экстремизма является мотив и цель деятельности. В экстремизме мотив и цель могут появиться не сиюминутно, а быть результатом устойчивого формирования деформированных социальных потребностей или интересов у экстремиста.

Анализируя указанные признаки, следует сделать умозаключение об экстремизме как системе взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения социальных, расовых, национальных, религиозных и политических конфликтов, сформированных у лица, имеющих соответствующую направленность из-за деформированных социальных потребностей или интересов.

Молодежный экстремизм как разновидность экстремизма является общеизвестным понятием и поэтому ему свойственны все его атрибуты. Выделение его в отдельную группу осуществлено исходя из обособленной категории субъектов, принимающих участие в этой противоправной деятельности. Кроме того, молодежный экстремизм по-прежнему остается самым распространенным. Социологи, исследуя вопросы экстремизма, определили, что всплеск экстремистской активности наблюдается в возрасте от 14 до 18 лет (72,7% от общего числа), от 18 до 25 лет — 15,3%, от 25 до 30 лет — 9,6%, лица старше 30 лет — 2,4% [4, с. 105].

Данная обособленность обусловлена теми обстоятельствами, что у данной категории общества происходят или завершаются этапы социализации. Свою роль играют и некоторые биологические особенности организма в данном возрасте.

«Молодёжь в силу своих социальных характеристик и остроты восприятия окружающей обстановки — та часть общества, в которой наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала. Под влиянием социальных, политических, экономических и иных факторов в молодёжной среде легче формируются радикальные взгляды и убеждения» [1, с. 31].

Согласно Основам государственной молодежной политики Российской Федерации до 2025 г., под молодежью понимается — социально-демографическая группа, отличающаяся определенным статусом в обществе, предоставляющим ей возможности для социального становления и обеспечивающим ее льготами, включающая молодых граждан — физических лиц в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях, определенных законодательством Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, — до 35 и более лет, имеющих постоянное место жительства в Российской Федерации или проживающих за рубежом. Как правило при определении возрастного ценза молодежи берется период именно в 14–30 лет.

Таким образом, под молодежным экстремизмом учеными понимается многогранный феномен, выражающийся в отрицании правовых и иных общепринятых норм и правил поведения слоями населения в возрасте от 14 до 30 лет, подрывающий национальную и общественную безопасность государства посредством насильственных методов и психофизического воздействия [2, с. 165].

Оставаясь видовым понятием экстремизма, молодежный экстремизм обладает специфическими чертами, которые возможно и обосновывают наличие крайних идей и взглядов в обществе в целом.

Экстремизм в молодежной среде — это выражение своего «я», которое не адаптировано к социализации. Поэтому молодежь более склонна к социальному экстремизму.

Содержательная природа экстремизма взаимосвязана с явлениями экстремального характера, которые выступают необратимым условием смены регулярной идентичности (где экстремизм предстает либо общим следствием данного процесса, либо фактором, приводящим к подобным процессам). Системный анализ экстремальных явлений раскрывает соответствующие ракурсы человеческого бытия, когда происходит «сбой» функционирования организации общества [9].

Таким образом, природа молодежного экстремизма построена на системе взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения социальных, расовых, национальных, религиозных и политических конфликтов, сформированных у лица в возрасте от 14 до 30 лет.

Характерными особенностями молодежного экстремизма является наличие обособленного объекта в виде молодой личности, в которой происходят процессы по социализации и индивидуализации лица, способные при неблагоприятных детерминантах сформировать у нее радикальные взгляды и убеждения.

Литература:

1. Ережипалиев Д. Надзор за исполнением законов о профилактике экстремизма в молодёжной среде // Законность.— 2016.— № 6.— С. 31–35.
2. Леготин М. П., Голубых Н. В., Алимпиев С. А. Вопросы общесоциального предупреждения экстремизма в молодежной среде // Актуальные проблемы российского права.— 2016.— № 3.— С. 161–167.
3. Муцалов Ш. Ш. Экстремизм и экстремистская идеология: общенаучное определение // Евразийский научный журнал.— 2016.— № 5.
4. Петрянин А. В. Личность экстремиста: криминологический аспект // Вестник Нижегородской академии МВД России.— 2012.— № 20.— С. 104–109.
5. Ревина В. В. Экстремизм в российском уголовном праве: автореферат дис... кандидата юридических наук: 12.00.08.— М., 2010.— 25 с.
6. Семенцов А. М. Институциональные формы молодежного экстремизма в российском политическом процессе: диссертация... кандидата политических наук: 23.00.02.— Ростов-на-Дону, 2007.— 154 с.
7. Словарь иностранных слов.— М: Русский язык, 1982.
8. Фридинский С. Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России: социально-правовое и криминологическое исследование: диссертация... доктора юридических наук: 12.00.08.— М., 2011.— 366 с.
9. Хоровинников А. А. Экстремизм как социальное явление: философский анализ: диссертация... кандидата философских наук: 09.00.11.— Саратов, 2007.— 201 с.

Перспективы развития договора условного депонирования (эскроу) в Российской Федерации

Барнаган Виктория Аркадьевна, студент магистратуры
Южный университет (Институт управления, бизнеса и права) (г. Ростов-на-Дону)

Танкаев Эмиль Сергеевич, студент магистратуры
Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

Научный руководитель: Чебоньян Татьяна Гайковна, кандидат юридических наук, доцент
Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

Статья посвящена новому для российского гражданского права договору — договору условного депонирования (эскроу). В статье рассматривается понятие договора условного депонирования, его происхождение. В статье описываются различные позиции отечественных ученых о разумности и обоснованности внедрения нового договора эскроу в российское гражданское право. Указывается на наличие проблемы соотношения договора условного депонирования (эскроу) и договора счета эскроу. На основе анализа норм гражданского законодательства выделяются основные преимущества договора условного депонирования (эскроу). Делается вывод о необходимости развития и совершенствования правового регулирования договора условного депонирования в Российской Федерации. В статье выделяются основные сферы возможного применения эскроу отношений в России, и особое внимание обращается на актуальность совершенствования интернет-эскроу.

Ключевые слова: договор условного депонирования, договор счета эскроу, счет эскроу, обязательство эскроу, институт эскроу, эскроу-агент, эскроу-конструкция, депонирование.

Prospects for the development of an escrow agreement in the Russian Federation

Barnagyan Viktoriya Arkadyevna, student master's degree
Southern University (Rostov-on-don)

Tankayev Emil Sergeevich, student master's degree
Rostov Branch of the Russian State University of Justice (Rostov-on-don)

Scientific adviser: Chebonyan Tatyana Gaykovna, candidate of legal sciences, associate professor
Rostov Branch of the Russian State University of Justice (Rostov-on-don)

The article is devoted to a new agreement for Russian civil law — an escrow agreement. The article deals with the concept of an escrow agreement, its origin. The article describes the positions of Russian scientists on the rationality and validity of the new escrow agreement in Russian civil law. Indicates that there is a problem with the relationship between the escrow agreement and the escrow agreement. Based on the analysis of normal legislation, the advantages of an escrow agreement are highlighted. The conclusion is made about the need to develop and improve the legal regulation of escrow in the Russian Federation. The article highlights the spheres of possible application of escrow relations in Russia, and special attention is paid to the relevance of improving the Internet escrow.

Keywords: *escrow agreement, escrow account agreement, escrow account, escrow obligation, escrow institution, escrow agent, escrow construction, escrow.*

Одной из важных задач российского гражданского законодательства является обеспечение полного и своевременного исполнения обязательств контрагентами, а также обеспечение безопасности проведения денежных расчетов в рамках договорных отношений. В этой связи в Гражданский кодекс Российской Федерации [1] на разных этапах его развития внедрялись юридические конструкции, призванные защищать интересы сторон договора и снижать риски совершения ими недобросовестных действий по отношению друг к другу. Так, в ходе очередного обсуждения реформы гражданского законодательства была предложена разработка конструкции нового договора — условного депонирования (эскроу), которая в дальнейшем была включена в качестве отдельной главы во вторую часть Гражданского кодекса Российской Федерации (глава 47.1) [2]. Ранее механизм эскроу-отношений был известен российскому гражданскому законодательству: в 2013 году в Гражданском кодексе Российской Федерации были закреплены нормы о договоре счета эскроу [3]. И хотя такая последовательность действий законодателя привела к различным дискуссиям в научных кругах по поводу соотношения договора условного депонирования и договора счета эскроу, тем не менее оба договора играют большую роль в развитии системы обеспечения своевременного исполнения сторонами договорных отношений своих обязательств, поскольку обе конструкции предполагают привлечение третьей независимой стороны для осуществления сделки.

Договор условного депонирования представляет собой такое соглашение, по которому одна сторона (депонент) обязуется передать определенное имущество эскроу-агенту, который, в свою очередь, обязуется обеспечить его сохранность и передать другому лицу (бенефициару), в случае исполнения последним определенных в соглашении условий.

Конструкция договора условного депонирования в общих чертах была заимствована из стран общего права. В связи с этим некоторыми отечественными учеными было выдвинуто мнение о том, что договор условного депонирования, равно, как и договор счета эскроу, не приживутся в законодательстве Россий-

ской Федерации, поскольку эскроу является институтом английского права, где главенствующими являются положения о так называемой «расщепленной собственности», под которым в основном понимается именно траст. При этом Е. А. Суханов указывает на то, что правовые инструменты английского законодательства, в том числе и траст, невозможно было внедрить в отечественный правовой порядок в том виде, в котором существует в английском праве [7, с. 29], поскольку российская правовая система не закладывает существование той самой «расщепленной собственности». Если в Англии на одну вещь одно лицо получает титул по общему праву, а другое — по праву справедливости, то у нас собственник один, а другие лица могут лишь владеть вещью на основе вещного либо обязательственного права.

Механизм траста заключается в том, что владелец имущества передает само право собственности на это имущество другому лицу в управление. На первый взгляд, действительно, эскроу напоминает конструкцию траста, однако, есть одно принципиальное отличие: при условном депонировании эскроу-агент не получает титула на передаваемое имущество, и при этом действует в целях своевременного и полного исполнения обязательств обеими сторонами. Именно эта особенность эскроу-отношений дает возможность другой группе исследователей утверждать, что внедрение и развитие механизма эскроу в российском гражданском обороте вполне возможно и перспективно, в отличие от траста.

Преимущества механизма условного депонирования перед другими схожими конструкциями, закреплёнными в Гражданском кодексе Российской Федерации, также дает нам право говорить о необходимости дальнейшего развития и усовершенствования данного договора. К таким преимуществам относятся, во-первых, невозможность обращения взыскания на депонированное имущество, во-вторых, невозможность ареста депонированного имущества, в-третьих, недопущение принятия в отношении депонированного имущества обеспечительных мер по долгам депонента или эскроу-агента. Таким образом, применение договора условного депонирования может гарантировать бенефициару исполнение обязательств depo-

нением даже в случае, если депонент оказался в тяжелой экономической ситуации. В связи с этим, договор условного депонирования может стать востребованным во многих сферах российского гражданского оборота.

Договор условного депонирования вызывает большой интерес у представителей российского бизнес-сообщества, поскольку его эффективно можно использовать в различных сферах предпринимательства: при поставке товаров, купле-продаже недвижимого имущества, купле-продаже дорогостоящего движимого имущества, акций, при строительстве недвижимого имущества и заключении договора ипотеки. Отдельно можно

выделить Интернет-эскроу, с помощью которого становится возможным защита сделок, совершенных через сети Интернет.

На наш взгляд, преодоление законодателем некоторых известных проблем регулирования договора условного депонирования, подтолкнёт участников гражданского оборота все чаще пользоваться механизмом эскроу, поскольку он обладает целым рядом преимуществ, делающих его привлекательным для предпринимательской среды. Также отметим, что совершенствование института эскроу и возможность его использования в электронном бизнесе может благоприятно повлиять на развитие цифровой экономики в Российской Федерации.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996, № 5. — Ст. 410.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 26.07.2017 № 212-ФЗ // Российская газета. 31.07.2017. № 167.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 21.12.2013 № 379-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Российская газета. 25.12.2013. № 291.
4. Квициния Н. В. Перспективы развития договора эскроу в России // Legal Concept. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-dogovora-eskrou-v-rossii> (дата обращения: 26.10.2021).
5. Магомадова Э. И. Общие положения и проблемы правового регулирования договора условного депонирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obshchie-polozheniya-i-problemy-pravovogo-regulirovaniya-dogovora-uslovnogo-deponirovaniya> (дата обращения: 27.10.2021).
6. Мухамедова Э. Э. Договор условного депонирования (эскроу) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-uslovnogo-deponirovaniya-eskrou> (дата обращения: 27.10.2021).
7. Суханов Е. А. Доверительное управление имуществом // Вестник ВАС РФ. 2000. № 1. С. 29.

Типичные способы совершения краж с банковского счета, а равно совершаемых в отношении электронных денежных средств

Берсанов Адам Магомедович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

На расширенном заседании коллегии МВД Президент РФ В. В. Путин отметил: «Понятно, сами технологии быстро развиваются, мы за ними, к сожалению, не успеваем. Все мы хорошо понимаем при этом, что за развитием электронной торговли, за предоставлением в глобальной сети разного рода услуг, включая финансовые услуги,— за этим, конечно, будущее. Технологии здесь обновляются и меняются стремительно, но и поле для преступлений, для разного рода аферистов, к сожалению, тоже увеличивается».

В целом показатели раскрываемости кибер- и других видов преступлений должны год от года расти. Обращаю внимание — конечно, не за счёт статистики, не за счёт бумажной отчётности, а благодаря кропотливой работе «на земле». От этого зависит реализация важнейшего правового принципа — неотвратимости наказания, а значит, и вера людей в справедливость, в силу закона, в способность государства защитить безопасность человека» [1].

Для роста раскрываемости преступлений данной направленности необходимо четкое понимание способов их совершения. Само понятие «способ совершения преступления» подразумевает под собой совокупность конкретных приемов и методов, с помощью которых совершалось данное деяние.

Способ совершения краж с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств является одним из главных элементов криминалистической характеристики, поскольку зачастую, установив способ, следователю удастся быстрее выявить подозреваемых в совершении преступления, а также выяснить иные значимые обстоятельства.

Чаще всего злоумышленники пользуются излишней доверчивостью и невнимательностью граждан. К самым распространенным в последнее время способам кражи с банковского счета относятся:

1. Проведение транзакции (выдача денег либо проведение иной операции с помощью терминала, перечисление денежных

средств с одного счета на другой, а также оплата товаров) с использованием похищенных расчетных (пластиковых) карт (или) ПИН-кодов.

2. Проведение транзакции с использованием потерянных расчетных (пластиковых) карт.

3. Проведение интернет-транзакции с использованием реквизитов банковских карт.

Данный вид кражи заключается в том, что злоумышленник, владея реквизитами банковских карт совершает покупки в различных интернет-магазинах. Сложность заключается в том, что большинство таких сайтов используют электронные кассы, которые требуют подтверждение платежа с помощью кода, отправляемого на номер, закрепленный за конкретной банковской картой.

Отсутствие такого подтверждения приводит к списанию денежных средств с банковской карты владельцем информации о номере карты, дате окончания ее действия и CVV-кода. В свою очередь, CVV-код — это трехзначный код для проверки подлинности карты при оплате через Интернет и других видах операций.

4. Проведение транзакции, связанной с нарушением правил оформления расчетных операций с использованием подлинных или поддельных банковских карт работниками кредитных организаций.

5. Скимминг (от английского «to skim» — бегло прочитывать, скользить) — такой вид хищения, когда с помощью специального технического устройства или скиммера считывается информация с магнитной полосы банковской карты. Помимо этого, данный вид мошенничества заключается в попытке мошенников разузнать пин-код от банковской карты, информация с которой была считана. После получения этих данных у преступников появляется возможность скопировать полученные данные на муляж и вывести все деньги.

Злоумышленники в целях получения необходимой информации устанавливают скиммеры — специальные устройства для считывания данных. Крепятся такие устройства непосредственно к банкомату, а также к любому иному слоту картоприемника. В иных местах, таких как кафе, гостиницы, магазины, рестораны, преступники пользуются переносными считывателями магнитной полосы.

Чаще всего устройство, используемое в названных целях, оснащено магнитной головкой, считывающей магнитную полосу с карты, преобразователем, переводящим полученную информацию в цифровой код, а также внутренней памятью, в которую записывается обработанный цифровой код.

6. Фишинг (англ. phishing, от phone phreaking — «взлом телефонных автоматов» и fishing — «рыбная ловля») — это вид ин-

тернет-мошенничества, используемого чтобы получить идентификационные данные пользователей. Он применяется для кражи паролей, номеров карт, банковских счетов и другой конфиденциальной информации.

Под фишинговой атакой принято рассматривать создание и распространение, с помощью различных каналов связи, (email рассылка, рекламные уведомления и тд.) фейковых сайтов, имитирующих интернет-страницы популярных магазинов, социальных сетей, стриминговых платформ и др. Как правило, злоумышленники полагаются на неаккуратность и непредусмотрительность пользователей, которые могут не заметить поддельность используемого сайта и укажут по указанной инструкции об оплате реквизиты своих карт, пароли, ФИО держателя карты и номер телефона.

Проблема в борьбе с фишингом заключается в том, что программное обеспечение, разработанное для защиты от хакерских атак, не распознает такие сайты и не может распознать, на официальном или на фейковом сайте находится пользователь. В таких ситуациях все зависит от самой потенциальной жертвы, так как именно человеческий фактор при фишинговой атаке может поставить под угрозу даже крупнейшие технологические компании.

7. Вишинг (англ. vishing) — это сплав слов «voice» и «phishing», проще говоря, «голосовой фишинг», то есть попытка мошенников обманом выведать у жертвы какие-то конфиденциальные сведения по телефону. Чаще всего это код подтверждения. По аналогии с вишингом существует еще и смишинг, то есть фишинг в коротких сообщениях (sms + фишинг), про него мы недавно рассказывали.

Впрочем, именно вишинг стал одним из антигероев информационной безопасности последнего времени: по данным СМИ, в 2020 году 84% всех попыток мошенников обмануть россиян приходилось именно на телефонные разговоры. И хотя успешным оказывается лишь один из ста подобных звонков, в совокупности преступникам удается таким образом ежемесячно выкачивать из своих жертв миллиарды рублей.

8. БИН-атаки. Один из новых способов совершения хищений с банковских счетов, а равно совершаемых в отношении электронных денежных средств. Если большинство способов таких хищений направлены на выманивание полного объема данных у самих клиентов, то в данном случае необходимо записать только первые шесть цифр банковского идентификационного номера (номер карты). Далее специальная программа генерирует оставшиеся цифры, после чего производятся онлайн-платежи по различным покупкам именно на тех платформах, где не требуется подтверждение оплаты путем получения СМС-кода от банка.

Литература:

1. Число преступлений в сфере ИТ в России выросло в 10 раз за 6 лет / Новости Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/754322> (дата обращения: 18.10.2021).

Некоторые аспекты возникновения института деловой репутации в праве России

Буларга Анастасия Дмитриевна, студент магистратуры
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

В данной статье автор раскрывает историко-правовые предпосылки возникновения и развития института «деловая репутация».

Ключевые слова: репутация, честь, достоинство, доброе имя, защита чести и достоинства, деловая репутация, диффамация.

Институт деловой репутации субъектов предпринимательства в российском праве формировался на протяжении нескольких столетий. Среди объективных причин, оказавших влияние на довольно долгий процесс оформления категории «деловая репутация», можно выделить тот факт, что большинство существовавших в государстве законодательных актов на разных исторических этапах подразумевали только защиту чести физического лица, а защита деловой репутации, в особенности юридических лиц, вообще не затрагивалась нормативными актами.

В качестве дополнительных факторов стоит упомянуть: отсутствие реальных правоотношений, правомочий, требований о защите, которые нуждались бы в урегулировании законом, а также признании со стороны общества [1, с. 390]. В целом, затянувшийся период становления деловой репутации, как одного из важнейших нематериальных благ, следует связать с неготовностью, а порой откровенной неспособностью права воздействовать на ход развития данной сферы неимущественных отношений и их дальнейшую коммерциализацию [2, с. 174]. В этой связи рассматривать эволюцию института «деловая репутация», необходимо во взаимосвязи с репутацией физического лица. Совершенно очевидно, что взгляды на данную категорию менялись вместе с развитием регулирующих её нормативно-правовых документов.

Особое внимание стоит уделить историческим памятникам права X–XI вв. времен Древней Руси. Впервые нормы о защите чести и достоинства лица, как прообраза «репутации», упоминаются в правовых актах обозначенного исторического периода. Помимо исторической, ценность данных источников права заключается ещё и в том, что они буквально послужили своеобразной отправной точкой для начала формирования будущей юридической конструкции «деловая репутация».

Так, Правда Ярослава Мудрого (Краткая Правда), датируемая обычно первой половиной XI века [3, с. 106], предусматривала защиту чести и достоинства только мужчин, а деяния, посягавшие на данные блага, относил к отдельной категории преступлений. В то время как, Устав князя Ярослава о церковных судах, датируемый первой половиной XII века, в перечень наказаний включал оскорбление чести и достоинства женщины.

Вместе с тем, Русской Правдой (XIII–XIV вв.) телесное повреждение приравнивается к оскорблению чести и наказуемой признается только реальная обида [4, с. 240]. Что же касается таких правонарушений, как оскорбление словом, например, посредством брани или клеветы, то они регламентировались уставами о церковных судах [5, с. 92].

Кроме всего, исследуемый нами средневековый период озаменовал на Руси начальный этап развития предпринимательских отношений. Интенсивное развитие древнерусских городов, начиная с XI века, привело к централизации не только власти, но и торгово-ремесленной деятельности. В результате чего появились купеческие и ремесленные союзы, основным назначением которых была защита их общих интересов: «Ивановские сто», «Городники и Плотники» — в Новгороде; «Гречники» — в Киеве [6, с. 162].

Русская Правда, не считая статей по уголовному праву, была посвящена прежде всего вопросам торговли. Данный свод законов в первую очередь был направлен на защиту купечества. Об особом правовом положении купцов свидетельствуют следующие статьи: о займе; о денежном и товарном кредите; о чести и вере купцов; о компенсации ущерба купцам, потерпевшим потоп, воровство, пожар; об ответственности господ за своих холопов, торгующих их товарами (ст. 21–27). В средневековой русской действительности наличие положительной репутации у купца было одним из важнейших условий для ведения с ним дел. Так, в качестве доказательства по своему иску купцам достаточно было дать клятву, и так как предполагалось, что купцы — люди достойные, верующие и честные, то суд верил им на слово.

В период с XIII до середины XV века зарождающиеся предпринимательские отношения испытывают на себе негативное влияние оккупационного законодательства времен монголо-татарского ига, а также источников права Великого княжества Литовского — первый статут Великого княжества Литовского (1529), второй и третий Литовские статуты [7, с. 68].

Положения о защите чести и достоинства лица получают своё развитие только после централизации управления Русского государства. Принятые в 1497 и 1550 году соответственно Судебники вводят принципиально новые категории преступлений, таких как «бесчестие» и «лай». Судебник 1550 года в ст. 25 закрепляет условие «смотря по человеку» для назначения наказания за оскорбление чести лица [8, с. 136].

В дальнейшем, развитие внутреннего товарообмена и денежного оборота в России создало благоприятные условия для объединения купцов в привилегированные корпорации гостей и торговых людей, так называемые сотни [9, с. 342]. Сформированные в конце XVI в. купцами корпорации обладали определенными привилегиями, собственным капиталом, сводом правил и уставом.

Стоит справедливо заметить, что вплоть до XVII века прототипом деловой репутации в России был образ «честного купца» с «добрым именем» [10, с. 70]. В отсутствии банковских учреж-

дений купец, используя своё доброе имя мог обратиться к ростовщикам или таким же купцам за получением займа. В случае, когда купец по уважительной причине был не в состоянии вернуть долг, то он мог получить отсрочку при предоставлении поручительства. Соборное уложение 1649 года в ст. 203 закрепил соответствующую норму и установил, что поручителем вправе выступать только человек добрый, которому можно верить [11, с. 141].

Содержание Соборного уложения 1649 года также включает в себя около 73 статей, предусматривающих ответственность за оскорбляющие и порочащие честь высказывания и действия в отношении лиц, принадлежащих к разным классам населения [12, с. 307]. Фактически, данный свод законов вводит ответственность за диффамацию.

Совершенствование и усложнение экономики и производственных отношений в XVIII веке, привели к появлению первых бирж и банковских учреждений в государстве. Значение репутации, в связи с этим, как особого преимущества, резко возросло. Теперь при определении надёжности и добросовестности контрагента, преимущественно при заключении рискованных сделок «под честное слово», получении займов и ссуд [13], на первый план в производственно-хозяйственных отношениях выходит «деловая репутация».

Цензурная реформа 1865 года поспособствовала возникновению в российском праве термина «диффамация». В результате отмены отдельных ограничений для печати во второй половине XIX в. возникла необходимость в закреплении ответственности за распространение порочащих репутацию фактов в печатных изданиях [14, с. 135]. Необходимо особо выделить,

что дореволюционное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. впервые закрепило в ст. 1039 права обществ и установлений на защиту от диффамации, т.е. юридическим лицам того периода [15, с. 503].

Гражданское право, действовавшее в России до 1917 г., активно заимствовало иностранный опыт и новые юридические конструкции. Дореволюционное законодательство широко применяло правовую категорию «кредит» в значении «доверие» [16, с. 70] при рассмотрении дел о недобросовестной конкуренции, для определения умышленных действий, направленных на снижение уровня доверия к лицу, подрыв его авторитета и экономического статуса. На данном этапе многие правоведы поддерживали идеи об отнесении репутации к нематериальным благам, о введении в гражданский оборот новых понятий, о компенсации нематериального вреда юридическим лицам, при наличии существенного ущерба их интересам, и др.

Впрочем, Октябрьская революция 1917 года так и не позволила провести необходимые законодательные реформы и приостановила на длительный период времени формирование института правовой защиты личных неимущественных благ физических и юридических лиц. Таким образом, категория «деловая репутация» вошла в употребление благодаря кодификации гражданского законодательства только в 1961–1965 гг [17].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что законодательная база для развития института «деловой репутации» субъектов предпринимательства в России сложилась только во второй половине XX века. Заимствование богатой зарубежной юридической практики, а также закрепление законом способов защиты деловой репутации, значительно ускорило этот процесс.

Литература:

1. Ватлецов С. Г. Деловая репутация юридического лица: коллизия диспозиций, коллизия санкций // Юридическая техника. — 2017. — № 11. — С. 390–394.
2. Килинкаргов В. В. Из истории развития института гражданско-правовой защиты деловой репутации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2009. — № 4(285). — С. 166–176.
3. Меркулов В. И. Русская Правда и истоки древнерусского права // Русин. — 2014. — № 2 (36). — С. 104–116.
4. Омельченко С. С. Оскорбление и клевета в уголовном праве России XI–XVII вв. // Актуальные проблемы российского права. — 2008. — № 1. — С. 240–246.
5. Розин Н. Н. Об оскорблении чести. — Томск, 1910. — 468 с.
6. Попов Д. А. Генезис российской торговли: от «Русской Правды» до «Соборного уложения» // Власть и управление на Востоке России. — 2018. — № 4 (85). — С. 161–168.
7. Эриашвили Н. Д., Джафаров Н. К. Предпринимательство на Руси с IX до XIX в // Вестник Московского университета МВД России. — 2010. — № 4. — С. 67–70.
8. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. В 9 томах. Т. 2 / Отв. ред.: Горский А. Д.; Под общ. ред.: Чистякова О. И. — М.: Юрид. лит., 1985. — 520 с.
9. Афанасьева В. И. Купеческие объединения (корпорации) как предвестники зарождения и развития корпоративного права в России X–XVII вв. // Образование и право. — 2019. — № 2. — С. 339–344.
10. Исаков Н. В. Эволюция категории «деловая репутация» в России / Н. В. Исаков, А. С. Переверзев // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. — 2015. — № 10. — С. 70–74.
11. Тихомиров М. Н., Елифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. — М.: Изд-во МГУ, 1961. — 444 с.
12. Задворный М. Н. История развития понятия «диффамация» в российском праве // Молодой ученый. — 2020. — № 21 (311). — С. 307–311.
13. Устав Вексельный от 16 мая 1729 г. // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 15.10.2021).
14. Гаврилов В. Н., Сиротинин А. А., Фокин Д. Д., Акинина С. С., Багаев И. З. Институт диффамации в гражданском праве // Юридическая наука. — 2021. — № 5. — С. 135–139.

15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года: изд. Н. С. Таганцевым / сост. проф. С.-Петерб. ун-та С. Н. Таганцевым. — 11-е изд., пересм. и доп. — СПб, 1901. — 925 с.
16. Свод законов Российской империи. — Ч. I. — Т. X. — СПб., 1902. — 441 с.
17. Закон СССР от 08.12.1961 «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» (утратил силу) // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 15.10.2021).

Особенности рассмотрения дел о защите прав потребителей в судах общей юрисдикции

Буянова Татьяна Сергеевна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В нашей статье неотъемлемой частью прав человека являются права потребителя. Государство поставило перед собой важнейшую задачу — охранять и защищать права потребителя, как наиболее слабого субъекта правоотношений, возникающих между потребителем и продавцом, поставщиком или изготовителем товаров, работ или услуг.

Это же является и одной из особенностей данных правоотношений. Потребитель является заведомо слабым субъектом, чьи права нарушены и защитить их может только государство, в случае если продавец или изготовитель являются недобросовестными субъектами права. Данные правоотношения являются гражданско-правовыми и регулируются Законом Российской Федерации «О защите прав потребителей» и Гражданским кодексом РФ.

Ряд ученых выделяют два способа защиты: публичную и судебную.

Публичная защита прав потребителей является способом правовой защиты прав потребителей прав неопределенного круга потребителей и включает в себя государственную и общественную защиту прав потребителей.

Государственная защита направлена на формирование потребительской политики в целом: разработка и принятие нормативных правовых актов, разработка программ и концепций, направленных на обеспечение защиты прав потребителей, улучшение потребительской политики, а также создание уполномоченных органов, осуществляющих соответствующие функции в сфере защиты прав потребителей.

Нельзя не отметить тот факт, что судебная форма защиты прав потребителей является довольно востребованной, об этом свидетельствует рост количества судебных дел по спорам о защите прав потребителей.

При рассмотрении дел о защите прав потребителей судам необходимо учитывать наличие процессуальных особенностей данной категории дел. Относительно данных процессуальных особенностей Верховный Суд РФ изложил свою позицию в своем Пленуме [4].

В соответствии со ст. 11 Гражданского Кодекса РФ, ст. 17 Закона РФ «О защите прав потребителей», ст. 5 и ст. 22 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) рассмотрение дел о защите прав потребителей подведомственны судам общей юрисдикции.

Другой особенностью является тот факт, что несмотря на норму, закрепленную в ст. 29 ГПК РФ, иски о защите прав потребителей могут быть предъявлены по выбору истца в суд по месту:

- нахождения организации, а если ответчиком является индивидуальный предприниматель, — его жительства;
- жительства или пребывания истца;
- заключения или исполнения договора.

Это сделано для удобства истца, так как юридический или фактический адрес находится за далеко за пределами места жительства или пребывания истца, в связи с чем истец не будет иметь возможности присутствовать в судебном заседании и реализовать свое право на защиту нарушенных прав в полной мере. В наш век цифровых технологий и развитием онлайн-магазинов данная норма является необходимой.

Другой, не менее значимой особенностью является следующее. В случае, если у истца имеется выбор между несколькими судами, которым подсудно дело, то суд не вправе возвратить исковое заявление со ссылкой на пункт 2 части 1 статьи 135 ГПК РФ.

Однако, в данном случае законодатель выделил исключение, а именно это касается исков, вытекающих из перевозки груза, перевозки пассажиров, багажа или груза или в связи с буксировкой буксируемого объекта внутренним водным транспортом (пункты 1 и 2 статьи 161 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации), предъявляемые в суд согласно части 3 статьи 30 ГПК РФ. Данные иски рассматриваются по месту нахождения перевозчика, к которому в установленном порядке была предъявлена претензия.

Есть еще одна процессуальная особенность. В случае, если истцом было подано исковое заявление, которое содержит в себе требование к перевозчику (за исключением лиц, осуществляющих судоходство на внутренних водных путях) пассажира и (или) багажа, которое подано по правилам подсудности, установленным для исков о защите прав потребителей, в том числе и в связи с осуществлением чартерных воздушных перевозок пассажиров в рамках исполнения договора о реализации туристского продукта, то в суд не имеет право выносить определение о возврате такого искового заявления.

Важно отметить, что обманутый потребитель может защищать свои права не только лично или через представителя, но

и с помощью общественных организаций, выступающих в интересах потребителя.

ФЗ «Об общественных объединениях» [2] раскрывает не только понятие общественной организации, но и содержит в себе нормы, регулирующие деятельности общественной организации. Так, общественной организацией является основанное на членстве общественное объединение, которое создано на основе совместной деятельности для защиты общих интересов и достижения уставных целей объединившихся граждан.

Важно знать, что общественные организации действуют в интересах потребителя и выступают в судебном заседании на стороне истца на основании закона. Таким образом, это дает им положение процессуального истца, а не представителя. Исходя из этого, расходы, которые понесла общественная организация во время рассмотрения дела судом, не будут являться расходами на оплату услуг представителя, и, соответственно, не могут быть взысканы с ответчика на основании ст. 100 ГПК РФ.

Еще одним нюансом будет являться факт того, что для представления интересов потребителя в суде, не требуется оформление специальной доверенности, дающей полномочия обращаться в суд от имени потребителя.

Кроме того, граждане вправе объединяться в общественные объединения потребителей (их ассоциации, союзы) на добро-

вольной основе, и осуществляют свою деятельность в соответствии с уставами указанных объединений (их ассоциаций, союзов) и законодательством о защите прав потребителей.

Государство защищает права потребителей в лице Роспотребнадзора и органов местного самоуправления. Их участие в гражданском процессе по делам о защите прав потребителей по общим правилам гражданского судопроизводства. Данные государственные инстанции пользуются процессуальными правами и обязанностями истца непосредственно после возбуждения гражданского дела.

Еще одной процессуальной и не менее важной особенностью является ничтожность условия об обязательном досудебном урегулировании претензий в договоре с потребителем. Такое разъяснение дает Верховный Суд РФ в своем Обзоре [5]. Данный факт позволяет облегчить потребителям обращение в суд.

Подводя итог вышесказанному, необходимо сказать, что важной задачей государства является создание и обеспечение высокого уровня защиты прав потребителей. Однозначность толкования норм права, правильность их применения и обширная судебная практика способствует тому, что данная система выполняет свою непосредственную функцию — защищать права потребителя.

Литература:

1. О защите прав потребителей // Закон РФ от 7 фев. 1992 г. № 2300-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 9 апр. 1992 г. — № 15. — ст. 766.;
2. Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 22 мая 1995 г. — № 21. — ст. 1930.;
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (ред. От 01 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 дек. 1994 г. — № 32. — ст. 3301.;
4. О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей / Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 // Российская газета от 11 июля 2012 г. — № 156.;
5. Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей // утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 14.10.2020 // СПС «ГарантПлюс» (доступ от 18.10.2021);
6. Костоусова, А.Е. Особенности защиты прав потребителей / А.Е. Костоусова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 5 (295). — С. 205–208.

Дифференциация и место недвижимости в системе объектов гражданского оборота на современном этапе

Васечко Виктория Викторовна, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Настоящая статья посвящена определению места недвижимого имущества в системе объектов гражданского оборота, а также выделению ключевых отличий недвижимого имущества от других объектов гражданских правоотношений.

Ключевые слова: объекты гражданских прав, недвижимое имущество, прочная связь с землей, свойства недвижимости.

Понятие недвижимого имущества в историческом аспекте впервые было сформировано в римском праве и обусловлено появлением в гражданском обороте земельных участков

(наделов). Законодательной дефиниции понятия «недвижимое имущество», не имелось. Однако, рассматривая свойства таких вещей, считалось, что это предметы, прочно связанные

с земель, либо являющиеся ее составной частью. Данная концепция понимания недвижимости предопределила и развитие законодательства в области определения недвижимости и в последующее время.

На современном этапе правового развития Российской Федерации систему объектов гражданского оборота традиционно связывают со статьей 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), в которой поименованы объекты гражданских прав. При этом, перечень таких объектов является закрытым. В юридической науке многие авторы указывают на нецелесообразность наличия закрытого перечня объектов гражданских прав. Основной причиной такого мнения является то, что отношения между гражданами могут возникнуть и по основаниям, и по поводу иных благ, прямо не предусмотренных законом, поскольку гражданские отношения достаточно динамичны, а на появление объектов гражданских прав активным образом влияет и научно-технический прогресс. Таким образом, видится, что систему объектов представляют наиболее распространенные объекты, указанные в ГК РФ [1]. При этом имущество, как таковое, законодатель относит к вещам (земельный участок, дом, квартира), разделяя его на движимое и недвижимое имущество.

Недвижимость всегда была более надежна и желанна, чем движимое имущество, ввиду чего она смогла занять особое место в системе объектов гражданского оборота.

Рассматривая толкование термина «недвижимое имущество», отметим, что Д. Розенберг указывал, что «недвижимое имущество — реальная земельная и вся материальная собственность. Включает все материальное имущество под поверхностью земли, над ее поверхностью или прикрепленное к земле» [2, с. 268]. Основным свойством недвижимого имущества является его достаточно тесная связь с землей. Для рассмотрения вопроса относительно места недвижимого имущества в системе объектов гражданского оборота, определим понятие и природу недвижимости.

Статья 130 ГК РФ закрепляет, что к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба по их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты. Законом к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество.

Как мы видим, главным критерием при разработке определения был взят признак неподвижности. Во-первых, степень прочности связи недвижимого объекта с землей можно определить по-разному, так как с учетом развития уровня техники некоторые недвижимые объекты перемещались на незначительные расстояния без какого-либо ущерба их назначению.

Законодатель не дает определения понятиям «прочность» или «прочная связь с землей», а судебная практика каждый раз подходит индивидуально к определению, возникла такая связь или нет. Например, под прочной связью с землей постановлением Президиума Высшего Арбитражного Суда Россий-

ской Федерации признается песчаная подушка, щебеночная подготовка и слой бетона толщиной 20 см [3]. В этой связи некоторые авторы предлагают устанавливать критерий прочной связи объекта с землей в обязательной технической документации, при необходимости с привлечением специалистов в конкретной области [4]. Во-вторых, следует отметить и отсутствие в законодательстве понятия «несоразмерный ущерб назначению недвижимого объекта».

По мнению О. В. Макарова, «...признак несоответствия ущерба назначению объекта недвижимости при его перемещении вообще должен быть исключен из ГК РФ» [5, с. 11–12]. Судебные инстанции зачастую под таким ущербом понимают невозможность после перемещения, дальнейшего использования объекта по целевому назначению, в том числе, значительное ухудшение технического состояния этого объекта, либо снижение его материальной или художественной ценности и т.п. В этой связи ученые по-разному предлагают формулировать дефиницию недвижимости.

Вместе с тем, ГК РФ относит к недвижимости вещи не движимые по своей природе, а отнесенные к таковым согласно требованиям законодательства, такие как воздушные, морские и иные суда, отнесенные к недвижимости по экономическим и по другим основаниям с целью распространения на них правового режима недвижимости. Именно такое юридическое отнесение объектов к недвижимому имуществу приводит к формулированию большего количества признаков недвижимости, кроме прямо следующих из нормы п. 1 ст. 130 ГК РФ.

Таким образом, объекты недвижимого имущества российским законодателем сформированы следующим образом:

1. путем определения единого, основанного на связи с землей принципа отнесения вещей к недвижимым;
2. путем определения конкретных объектов, относимых к недвижимому имуществу.

К недвижимым объектам также можно отнести и другие, отвечающие признакам недвижимости, в том числе:

1. жилые помещения;
2. предприятия как имущественные комплексы;
3. стационарные торговые и складские объекты как здания и сооружения;
4. стадионы как единое спортивное сооружение, состоящее из земельного участка, а также объектов недвижимости вспомогательного назначения и др.

Российское законодательство использует оба способа определения недвижимости. Пункт 1 ст. 130 ГК РФ выделяет три вида недвижимых вещей: земельные участки; объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно; движимые по природе вещи, которые подлежат государственной регистрации, в их число входят воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты.

Первые два вида недвижимых вещей относятся к так называемой недвижимости в силу естественных свойств, а последний — к недвижимости по закону. Единого критерия отнесения какого-либо объекта к недвижимости попросту не существует. «Даже первая и вторая группы объектов при ближайшем рассмотрении не обладают общими признаками, по-

сколькx если в первой группе объектов находятся такие объекты, которые являются принципиально непере­мещаемыми (земельные участки), то во второй группе — объекты, перемещение которых принципиально возможно, хотя и с причинением несо­размерного ущерба их назначению (здания, соору­жения)» [6, с. 132].

Третья группа объектов относится к недвижимости в силу указания на то законодателем, таким образом, действует юридическая фикция. При этом, если говорить о таком признаке как «тесная связь и неразрывность с землей», то в этом случае такой признак теряет свою необходимость, поскольку в функциональном значении такие объекты по своим свойствам являются движимыми объектами, однако, в ином смысле, экономическом и техническом содержании, относятся к недвижимым объектам.

Исходя из данного порядка отнесения объектов к категории «недвижимых», рассмотрим особенности недвижимого имущества, отличающие его от других объектов гражданских правоотношений:

1. Отчуждение и приобретение недвижимых вещей связано с необходимостью государственной регистрации сделок с недвижимыми вещами (ст. 164, 223 ГК РФ), доступной для ознакомления третьим лицам, а также подконтрольная государству. Государственная регистрация сделок с движимыми вещами производится лишь в случаях, специально указанных в законе (например, право на транспортное средство подлежит государственной регистрации).

Ценность недвижимых вещей обуславливает более строгий порядок приобретения на них права собственности. Он требует дополнительных действий, которые связаны с регистрацией права собственности, а также большой объем дополнительных документов. С движимым имуществом таких сложностей не возникает, поскольку право собственности на него приобретает­ся с момента передачи предмета или заключения договора купли — продажи. Более того, такой факт обусловлен и технической составляющей самого объекта недвижимости, связывая правовую конструкцию с действительными свойствами объекта.

2. Предусматривается различный порядок приобретения права собственности на недвижимые и движимые бесхозяйные вещи (ст. 225 ГК РФ) и вещи, от которых собственник отказался (ст. 226 ГК РФ).

Как уже было сказано выше, порядок приобретения права собственности на движимые и недвижимые вещи различен. Однако, приобретение права собственности на бесхозяйные и отказные вещи также имеет свои особенности как в целом, так и в зависимости от того движимое это имущество или недвижимое. Основной вопрос, стоящий в данной ситуации, отказался ли от вещи человек или потерял ее, и хочет ли он вернуть ее назад. Движимую вещь потерять относительно легко и потому о находке следует объявить в правоохранительные органы. Если в течение шести месяцев истинный собственник не появится, то право собственности переходит к нашедшему эту вещь.

С недвижимым имуществом все сложнее. С одной стороны, его сложнее «потерять» (утратить право владения), что связано с признаком неподвижности и размерами недвижимого иму­

щества. Однако, все равно встречаются бесхозные дома и земельные участки. Люди могут их освоить и пользоваться или длительное время, а затем придут бывшие хозяева и займут права на эту недвижимость. В таких случаях применяется срок приобретательной давности, закрепленный статьей 234 ГК РФ. Данная норма указывает, что при открытом, добросовестном владении, что подразумевает несения бремя ответственности за имущество, плату за его пользование, например, коммунальные платежи, непрерывности владения в течение 15 лет, такое лицо становится собственником недвижимого имущества.

Как мы видим, срок предусмотрен довольно длинный, и связано это также с ценностью недвижимого имущества, как в прошлом, так и в наше время.

3. Статьей 228 ГК РФ установлена ипотека для недвижимых вещей. Федеральным законом № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» устанавливаются основания возникновения отношений между сторонами по поводу залога недвижимости (ипотеке), включая в предмет сделки исключительно объекты недвижимого имущества (например, земельные участки, предприятия). При этом, ипотека относится только к тем объектам недвижимости, которые обладают непосредственным признаком связи объекта с землей и его неотчуждаемостью.

Как мы видим, даже на законодательном уровне ипотека предусматривается исключительно на недвижимые вещи. Ипотека дается для приобретения наиболее ценного имущества нашего времени — квартир, домов, земельных участков. Именно поэтому она является одним из самых больших видов займа денежных средств и предусматривает залог до возврата этого кредита. Для движимых вещей таких механизмов не предусмотрено ввиду относительной простоты их приобретения и невысокой стоимости.

4. Наследование недвижимых вещей и их правовой режим определяются по нормам права, действующим в месте их нахождения, движимых вещей (при наследовании) — по нормам права, действующим в последнем постоянном месте жительства наследователя.

Процесс перехода наследства от наследодателя к наследнику также подразумевает различный правовой режим движимого и недвижимого имущества. Правовой режим движимой вещи будет определяться последним постоянным местом жительства наследодателя, что связано с возможностью эту вещь передвинуть и перенести. С недвижимым имуществом все иначе. Главную роль будет играть правовой режим места нахождения этой вещи, так как, ее нельзя переместить без обесценивания имущества и соответственно основным регулятором будут выступать нормы местного правового режима.

5. Споры о праве собственности и иных вещных правах на недвижимые вещи рассматриваются по месту нахождения недвижимых вещей (ст. 30 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации, далее — ГПК РФ), споры об аналогичных правах на движимые вещи — в месте нахождения ответчика (ст. 28 ГПК РФ), а в случаях, указанных в законе, — в месте, определяемом по выбору истца (ст. 29 ГПК РФ).

Данное различие по основному принципу сильно напоминает предыдущее, только касается оно уже рассмотрения споров по этим вещам в судебном порядке. Рассмотрение спора

о недвижимой вещи будет происходить в суде, юрисдикция которого охватывает территорию (определенные границы), на котором это имущество находится. Споры о движимых вещах рассматриваются по местонахождению ответчика или в иных местах, определенных законом. В данном случае речь идет о кораблях и самолетах, которые также относятся к недвижимости. Это обусловлено несколькими факторами: габариты и цена (экономическая характеристика недвижимости).

Таким образом, очевидна ценность недвижимости перед движимым имуществом, что позволяет говорить о ее доминирующей роли в системе объектов гражданского оборота. Этим обусловлено и более сложное регулирование, и большее количество актов для законного оформления права собственности на недвижимое имущество.

Рассматривая иерархию норм в гражданском законодательстве Российской Федерации, отметим, что ввиду особого влияния на имущественное положение гражданина, недвижимое имущество в экономическом плане определяет характер отношений как между гражданами, так и в сфере публичных отношений между хозяйствующими субъектами, регионом, государством [7]. Ввиду этого, видится некоторая правовая определенность, выраженная в последовательности нормативного регулирования объектов гражданского оборота, так как норма, посвященная недвижимости, располагается сразу после перечня объектов гражданских прав в ГК РФ.

Из выделенных в настоящем исследовании особенностей недвижимого имущества в системе объектов гражданского оборота прослеживается градация по следующим критериям: физический и юридический признак недвижимого имущества. К физическим признакам относятся естественные свойства вещей, отнесенных к недвижимому имуществу: прочность, долговечность, незаменимость, стационарность, фундаментальность, индивидуальная определенность.

К юридическим признакам относятся:

1. государственная регистрация вещных прав на недвижимое имущество;
2. место нахождения имущества, по которому определяется порядок наследования, подсудность споров, место исполнения обязательств;
3. увеличенный срок приобретательной давности;
4. особая правовая судьба самовольной постройки;
5. специальный порядок приобретения права собственности на бесхозяйные недвижимые вещи и на недвижимые вещи, от которых собственник отказался [8].

При этом, считаем, что такой перечень может быть дополнен и иными свойствами недвижимого имущества. При этом, государственная регистрация недвижимого имущества не может относиться именно к перечню оснований для отнесения вещи к недвижимому, поскольку по содержательному характеру раскрывает особенности его правового регулирования. Не реги-

страция превращает имущество в недвижимое, но «стабильность положения недвижимого имущества дает возможность зарегистрировать его» [9, с. 381].

В юридической литературе выделяют и другие признаки недвижимого имущества, определяющие его особое место в системе объектов гражданских прав:

1. Осязаемость объекта материального мира.
2. Долговечность. Срок службы объектов недвижимости намного дольше сроков всех иных товаров. Так, например, согласно действующему СНиП II-А.3-62, жилые здания в зависимости от материала основных конструкций (фундамента, стен, перекрытий) подразделяются на 6 групп с нормативными сроками службы от 15 до 150 лет.
3. Высокая рыночная стоимость в условиях свободного рынка с учетом конкуренции.
4. Низкая ликвидность недвижимых вещей как товара выражается в том, что процесс отчуждения и приобретения осложнен процедурой государственной регистрации прав, что не позволяет собственнику быстро реализовать товар.

Таким образом, недвижимой вещью является данный природой или созданный человеком предмет материального мира, способный быть в обладании, прочно связанный с землей до степени невозможности перемещения без причинения несоизмеримого ущерба его назначению. Полагаем, что для эффективного использования понятия недвижимого имущества в юридико-техническом пространстве было бы целесообразно внести изменения в существующее на законодательном уровне определение недвижимости. Следовало бы, ст. 130 ГК РФ изложить в следующей редакции: «Недвижимой вещью является данный природой или созданный человеком предмет материального мира, способный быть в обладании, прочно связанный с землей до степени невозможности перемещения без причинения несоизмеримого ущерба его назначению».

Считаем, что при изменении формулировки ст. 130 ГК РФ единственным критерием отнесения объектов к недвижимости останется прочная связь с землей. А при возникновении вопросов об объектах, которые не отвечают указанному критерию, но требуют правового режима, сходного с режимом недвижимости, эти объекты будут приравнены к недвижимости в части этого правового режима, но недвижимостью считаться не будут, что будет в полном объеме соответствовать фактическому положению. Во избежание нарушения единства критерия определения недвижимого имущества, по нашему мнению, необходимо сохранить сугубо объективный подход к этому понятию вместо того, чтобы искать субъективные критерии его определения. Устранить же недостаточную конкретность существующего определения можно лишь путем установления дополнительных признаков, характеризующих связь объекта с землей. Эти признаки могут находиться в сфере технических дисциплин, связанных с архитектурой и строительством.

Литература:

1. Сергеев, А. П. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: учебно-практический комментарий (постатейный) / А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой, И. В. Елисеев. — 3. — Москва: Проспект, 2010. — 553 с.
2. Розенберг, Джерри М. Инвестиции: Терминологический словарь / Джерри М. Розенберг. — ИНФРА-М, 1997. — 400 с.

3. Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 16 декабря 2008 г. № 9626/08 по делу № А08-7744/06-5 // СПС Гарант: [сайт]. — URL: <http://base.garant.ru/1789836/> (дата обращения 25.10.2021).
4. Чикобава, Е. М. Проблемы понятия объекта недвижимости / Е. М. Чикобава // Правовые вопросы недвижимости. — 2011. — № 2. — С. 24–28.
5. Макаров, О. В. Недвижимость как объект гражданских правоотношений: сущность и характерные черты / О. В. Макаров // Нотариус. — 2014. — № 5. — С. 9–12.
6. Скворцов, О. Ю. Понятие недвижимости в гражданском праве / О. Ю. Скворцов // Правоведение. — 2002. — № 4 (243). — С. 131–141.
7. Алексеев, С. С. Гражданское право: учебник / С. С. Алексеев, Б. М. Гонгалов, Д. В. Мурзин. — 3. — Москва: Статут, 2016. — 511 с.
8. Алексеев, С. С. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический) / С. С. Алексеев, А. С. Васильев, В. В. Голофаев, А. В. Губарева. — 5. — Москва: Проспект, 2019. — 1648 с.
9. Бандурина, Н. В. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Н. В. Бандурина, А. И. Бибиков, Е. В. Вавилин, В. П. Васькевич, С. Ю. Головина. — 3. — Москва: Статут, 2011. — 574 с.

Организационно-правовые основы деятельности ФСИН России

Вдовина Марина Викторовна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье рассматривается комплекс правовых аспектов функционирования Федеральной службы исполнения наказаний в современных условиях. На сегодняшний день, в целом, сложилась достаточно стройная система правового обеспечения уголовно-исполнительной деятельности, с заложенным в ней динамическим потенциалом перемен. В правовом обеспечении служебной деятельности сотрудников учреждений и органов ФСИН России имеются проблемные, спорные и дискуссионные вопросы, которые оказывают негативное влияние на эффективность деятельности сотрудников УИС. Организация новых направлений и служб требует издания надлежащих нормативных актов для регламентации их деятельности.

Ключевые слова: Российская Федерация, Уголовно-исполнительная система, государственная служба, акт, орган, Россия.

Правовое положение органов Федеральной службы исполнения наказаний определяется нормами уголовно-исполнительного права, кроме того, необходимо учитывать международно-правовые акты в сфере прав и свобод человека, борьбы с преступностью и обращения с правонарушителями; решения Конституционного суда РФ; уголовно-исполнительное законодательство; нормативные правовые акты Президента РФ, Правительства РФ; межведомственные и ведомственные нормативные правовые акты.

Как справедливо подчеркивает Н. В. Анискина, обязательным требованием к построению системы правовых актов, в том числе регулирующих служебные отношения, является их соответствие Конституции Российской Федерации [1], где закреплены правовые основы государственной службы, в целом, которые необходимо учитывать в регулировании служебных отношений в сфере исполнения уголовных наказаний, такие как равный доступ граждан к государственной службе (ч. 4 ст. 32), возможность обжаловать в суд решения и действия (или бездействия) органов государственной власти и должностных лиц (ч. 2 ст. 46) и некоторые другие конституционные нормы. В целом, Конституция Российской Федерации закрепляет фундаментальные положения института государственной службы [2, с. 208].

Кроме того, в Конституции закреплены основные права и обязанности граждан, а также гарантии реализации правового статуса граждан (в том числе и сотрудников оперативных подразделений УИС).

К числу источников правового регулирования деятельности ФСИН России следует отнести ратифицированные Российской Федерацией международные договоры (ст. 15 Конституции Российской Федерации). В частности, те, которые имеют отношение к функционированию института государственной службы. Примером служит Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка от 17.12.1979 г. [3], в котором закреплены важнейшие принципы служебного поведения: компетентность, эффективность выполнения своих обязанностей и функций, ответственность за умелое распоряжение государственными ресурсами и ряд других.

Согласно правилу 71 Приложения к Рекомендациям Рес(2006)2 «Европейские пенитенциарные правила» [6], пенитенциарные учреждения должны находиться в ведении государственного органа власти, при этом они не относятся ни к военным, ни к правоохранительным, ни к следственным органам. Таким образом, как отмечает изменения в российском законодательстве, согласно которым правоохранительная служба перестала выделяться как отдельный вид государственной службы, соответствуют международным рекомендациям [2, с. 17].

Следует отметить, что, в целом, российское законодательство соответствует международным принципам и стандартам правового регулирования данного института. Рекомендации норм международного права создают предпосылки для дальнейшего совершенствования служебных отношений в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания.

Особенности регулирования служебных отношений на службе в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания, установлены, прежде всего, законодательными актами. Особое место среди таких актов занимает Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации», в котором, в частности, определена система государственной службы, сформулированы понятие государственной службы, принципы ее построения и функционирования.

Правовой статус сотрудников оперативных подразделений УИС определяется специальными нормативными актами. В частности, речь идет о Законе «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [4], в котором впервые был закреплён их статус. Следует отметить, что немаловажной на сегодняшний день проблемой правового регулирования государственной службы в органах исполняющих уголовные наказания остается вопрос о распространении действия на служебные отношения норм трудового права (ч. 7 ст. 11 ТК РФ).

По мнению некоторых ученых, данное положение лишь отчасти приемлемо в отношении организации публичной службы. Так, например, Д. В. Осинцев отмечает, что «труд — категория экономическая, а служба — управленческая, то есть перед нами явно различные отрасли знания и деятельности» [7, с. 68]. Поэтому вопрос о регулировании служебных отношений трудовым законодательством остается дискуссионным.

Помимо законов, регулирование многих вопросов государственной службы, в том числе в учреждениях и органах исполняющих уголовные наказания, осуществляется подзаконными нормативными актами, прежде всего, указами Президента, в частности, указами «О некоторых вопросах Федеральной службы исполнения наказаний», «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» и др.

В сфере исполнения наказаний действует также множество ведомственных правовых актов федеральных органов исполнительной власти (федеральных министерств и служб). Примерами служат приказы Минюста России «Об утверждении Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы», и «Об утверждении Инструкции об организации и проведении служебных проверок в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы» [8], в соответствии с которым сотрудники оперативных подразделений ФСИН России имеют право проводить служебные проверки.

Также можно упомянуть Приказ ФСИН России «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников

и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы», данный кодекс распространяется и на сотрудников оперативных подразделений УИС.

За последние десять лет принято более 400 нормативно-правовых актов, направленных на совершенствование уголовно-исполнительного законодательства. К примеру, установлено право осужденных женщин на дополнительные свидания с ребенком и выезды для свидания с ребенком. Закреплен порядок предоставления осужденным к пожизненному лишению свободы длительных свиданий, а также увеличение времени прогулки. В сентябре прошлого года было внесено изменение в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, которое регламентирует право осужденных на перевод в учреждение УИС, расположенное вблизи его постоянного места жительства или его близких родственников. Изменения коснулись и многих других сфер деятельности уголовно-исполнительной системы.

Следует отметить при этом, что такое многообразие нормативных правовых актов регулирует какую-то одну сферу правоотношений, что создает определенную сложность обращения с ними. Для решения проблемы приходится изучать и оперировать сразу несколькими документами, каждый из которых содержит множество отсылочных норм. В качестве примера можно привести Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», определяя структуру учреждений исполнения наказаний, тем ни менее не касается видов исправительных учреждений, отсылая к УИК РФ.

Данная проблема нуждается в скорейшем решении путем принятия единого нормативного акта, в котором были бы систематизированы и объединены правовые источники, регулирующие данную сферу правоотношений.

В целом, служба в уголовно-исполнительной системе регулируется достаточно большим объемом законодательных актов. При этом, как показал анализ законодательства, регулирующего правоотношения в данной сфере, необходимо подчеркнуть множественность нормативных актов, их несогласованность по отдельным вопросам, что негативно сказывается на упорядочении общественных отношений на государственной службе в уголовно-исполнительной системе, порождает спорные и конфликтные ситуации на службе. Выходом из сложившейся ситуации может стать принятие единого правового акта, систематизирующего, упорядочивающего разрозненные нормативные правовые акты, регулирующие данную сферу правоотношений который придаст бы им одинаковую юридическую силу и исправил недочеты и пробелы законодателя.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: новая редакция: с комментариями Конституционного суда РФ.— М.: Проспект, 2021.— 116 с.
2. Анискина Н. В. Государственная служба в уголовно-исполнительной системе / под ред. О. В. Дербиной.— Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2018.— 309 с.
3. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка от 17.12.1979 г. // Международная защита прав и свобод человека: сб. документов. М., 1990. 420 с.
4. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации от 19 августа 1993. № 33. Ст. 1316.

5. Нижельская О., Аубекирова С. Новый тип исправительных учреждений создадут в России. Он может стать проблемой для адвокатов и СК [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://360tv.ru/news/crime/> (дата обращения: 14.04.2021).
6. Рекомендации кабинета министров Rec(2006)2 государствам-членам Совета Европы о Европейских пенитенциарных правилах // СПС КонсультантПлюс.
7. Осинцев Д. В. Государственная служба в системе государственного управления (проблема правового института) // Российский юридический журнал. 2010. № 5. С. 66–74.
8. Приказ ФСИН России от 12.04.2012 № 198 «Об утверждении Инструкции об организации и проведении служебных проверок в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы» // Российская газета. 2013. 18 сент.

К вопросу об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы в советский период

Вивенцов Дмитрий Евгеньевич, студент магистратуры

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск)

В статье рассматривается период исторического развития и становления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, ограниченный советским периодом. Анализу подвергаются теоретические и нормативные аспекты развития и становления института административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, в советский период. В ходе исследования выделены основные проблемы, возникающие при рассмотрении вопроса о деятельности данного института прав.

Ключевые слова: административный надзор, лица освободившиеся, места лишения свободы, полиция, правоохранительная деятельность.

Понимание процессов формирования правовой системы и устройства государство очень важно для успешного развития нашего общества.

Специалисты отмечают, что между социальным развитием общества и правовой системой государства существует определенная связь. Данная связь отобразена в законодательной системе нашей страны.

Наша правовая система формировалась на протяжении долгих лет, поэтому она имеет большой исторический опыт. Поэтому при развитии разнообразных правовых институтов учитывается имеющийся опыт и использовать всю необходимую информацию в этом направлении. Институт административного надзора, а также существующая нормативно-правовая база также формировались с учетом накопленного исторического опыта.

Таким образом, специалистами было отмечено, что указанный институт существовал на всех исторических этапах развития нашего государства. В 1917 году были внесены существенные изменения в институт административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Суть данных изменений заключается, в полном отрицании накопленного исторического опыта Российской империи и непосредственном становлении советского права. Именно поэтому в данной статье будет рассматриваться в качестве объекта указанный институт.

Так после произошедших изменений полиция была упразднена, исторический опыт и информация, касательно поднадзорных лиц не стали больше учитываться.

Стоит отметить, что специалистами был отмечен период, когда не устанавливался персонифицированный администра-

тивный надзор за лицами, которые были освобождены из мест лишения свободы. Данный период определен следующими временными рамками: с 1917 по 1966 год. Существует ряд причин, по которым данный институт в тот период не был установлен, а именно:

1. Процесс формирования и перестройки милиции осуществлялся очень долго;

2. Все силы милиции в период войны были брошены на борьбу с бандитизмом, немецкими диверсионными отрядами.

В этот весьма непростой осуществлялся поиск более эффективных профилактических мер по борьбе с преступностью, милиции они были очень необходимы для того, чтобы в значительной степени снизить уровень преступности. Однако это оказалась не так просто, так как возникала много вопросов касательно того, какие именно подразделения должны этим заниматься и какие формы профилактики преступлений будут являться самыми эффективным. Поэтому МВД СССР испытывало определённые трудности при осуществлении работы в этом направлении [4, с. 116].

Летом 1996 года было утверждено Положение об административном надзоре органов милиции за лицами, которые были освобождены из мест лишения свободы. Данное положение было издано по Указу Президиума Верховного Совета СССР [1].

Указанное положение было издано с целью непосредственного создания эффективной системы контроля и ограничения лиц, которые когда-то отбывали срок в местах лишения. Надзор за данными лицами очень необходим, поскольку такие люди способны через какой-либо промежуток времени снова совершить преступление.

Данные ограничения помогут снизить уровень преступности и погружения лиц в криминальные традиции и группировки. Для того, чтобы снизить уровень преступности органы внутренних дел должны активно работать в направлении по формированию правильного мировоззрения у общества. В противном случае уровень преступности будет только расти. Поэтому очень важно снизить асоциальные контакты лиц, которые отбывали срок в местах лишения свободы.

В соответствии с этим, в 1969 году органами МВД СССР была разработана соответствующая Инструкция, которая содержит принципы организации и тактики предотвращения преступлений соответствующими органами. Также стали активно разрабатываться новые методы профилактики, при этом особое внимание уделялось административному надзору за лицами, которые привлекались к уголовной ответственности за совершение преступлений не однократно. Органами МВД СССР активно велась работа по выявлению причин совершения лицами преступлений повторно, также данные органы проводили с такими лицами соответствующую воспитательную работу.

В 90-е годы институт административного надзора прекратил свое существование. Это произошло в результате разнообразных демократических преобразований. Так лица, которые ранее отбывали наказание в местах лишения свободы, остались без надзора, это могло привести к необратимым последствиям, а именно к вседозволенности в обществе, что способствовало бы значительному увеличению уровня преступности. Однако

в 2011 году был снова введен институт административного надзора [3, с. 11].

Исходя из всего вышесказанного, можно отметить, что практически ничего нового в 2011 году не было введено, но полномочия данного института были немного расширены. Теперь институт административного надзора, осуществлял не только контроль за лицами, ранее отбывавшими срок в местах лишения свободы, но и занимался выявлением факторов, влияющих на повторное совершение преступлений данной категорией лиц.

В настоящее время отношение сотрудников ОВД и исследователей к рассматриваемому институту хотя и остается неоднозначным, но всеми признается тот факт, что правовой вакуум и отсутствие специального федерального закона, регламентирующего надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, сыграло ключевую роль в росте рецидивной преступности в период становления постсоветской России.

Сегодня, исходя из статистики, более 50% повторных преступлений совершаются в первый год после освобождения, 30% — во второй и 15% — в третий. Отсутствие комплексной профилактической работы в Российской Федерации с субъектами, освобожденными из мест лишения свободы, превращает уголовно-исполнительную систему в автономную структуру, обеспечивающую временную изоляцию от общества [2, с. 221].

Тем не менее, сложившийся в период первых двух десятилетий провал в государственной политике по предупреждению рецидивной преступности был преодолен, и 2011 г. стартовал новый период в становлении института административного надзора.

Литература:

1. Указ Президиума ВС СССР от 26.07.1966 № 5364-VI «Об административном надзоре органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Свод законов СССР, т. 10, с. 273. Документ признан недействующим на территории Российской Федерации с 1 января 2010 года Федеральным законом от 27.12.2009 № 377-ФЗ.
2. Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: дис...-д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2014. 396 с.
3. Виссаров А. В., Епанечникова Н. А. Сравнительный анализ исторического развития института административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Марийский юридический вестник. 2019. № 4 (31). С. 184–188.
4. Позднякова Е. А. История становления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 3–7. С. 115–119.

Управление в сфере внутренних дел и его место в системе государственного управления

Газикова Елизавета Мустапаевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

*В настоящей статье рассмотрены вопросы управления в сфере внутренних дел и его место в системе государственного управления.
Ключевые слова: органы внутренних дел, управленческая деятельность, правовое регулирование, государственное управление.*

В соответствии с Концепцией правового регулирования и юридического сопровождения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации на период с 2017 по 2021 год [1] воздействие правовыми средствами, в том числе путём регламентирования управленческой деятельности,

служит основой качественных улучшений оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел (далее — ОВД).

Изучение правового регулирования управленческой деятельности позволяет определить предметную область и пути наилучшего использования правовых форм и методов управления ОВД.

Управление в ОВД, выступает как «особый вид деятельности специально созданных аппаратов и специально назначенных должностных лиц по упорядочению системы органов МВД России, обеспечению её оптимального функционирования и развития с целью эффективного решения стоящих перед ней задач борьбы с преступностью и охраны общественного порядка» [5, с. 14].

Возможности использования правовых средств для достижения целей повышения эффективности управленческой деятельности в ОВД обуславливаются функциональной характеристикой права, которая включает его координирующую (интегрирующую и дифференцирующую), целеполагающую, стабилизирующую и коммуникативную функции.

Благодаря правовому воздействию управление приобретает целенаправленность, скоординированность, согласованность и стабильность, выражающиеся в единых нормах и правилах, которые обязаны соблюдать все участники управленческих отношений [2, с. 61].

В первую очередь это относится к основным субъектам управления — руководителям ОВД. Применение правовых средств и методов позволяет целенаправленно, а в случае необходимости и незамедлительно проводить в жизнь важные решения МВД России, которые определяют политику в сфере противодействия преступности, охраны общественного порядка и безопасности.

Отсутствие должного правового регулирования управленческой деятельности в ОВД приводит к неразберихе, хаосу, нестабильности и другим негативным явлениям, снижающим эффективность управления. Вместе с тем её излишнее регулирование (зарегулирование) также не способствует эффективному управлению, так как не оставляет пространства (управленческого люфта) для необходимой инициативы и творчества руководителя, реализации своего стиля и методов управления, в чём, собственно, и заключается искусство управления и что составляет основу менеджмента.

Таким образом, в современном представлении о соотношении права и управления эффективность управленческой деятельности в ОВД определяется не стремлением максимально нормировать её организационную, функциональную и процессную составляющие, а оптимальным правовым регулированием, которое зависит от предметной области управления, его целей, системы и т.д.

Правовое регулирование управленческой деятельности включает систему правовых норм, регламентирующих в первую очередь деятельность руководителя ОВД, как основного субъекта системы управления. «Руководство — функция управления, с помощью которой осуществляется интеграция других функций: планирования, организации, контроля и т. д.» [4, с. 190].

«Руководство следует рассматривать как компонент управленческой (организаторской) деятельности, связанной с организацией сотрудничества людей в управляемых системах. Это организация совместной деятельности на основе сотрудничества, базирующегося на материальных, моральных и других интересах» [3, с. 6].

Функция руководства в ОВД направлена, прежде всего, на скоординированность, нацеленность их деятельности на вы-

полнение задач противодействия преступности, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, что достигается функциями координации и взаимодействия, принятия комплексных управленческих решений, организации их исполнения, соответствующего кадрового и тылового обеспечения.

Указанные функции руководитель ОВД реализует как лично, так и путём распределения и делегирования определённых обязанностей своим заместителям, а также используя штатной аппарат. Распределение функций закрепляется в должностных инструкциях соответствующих руководителей, положениях о структурных подразделениях, других ведомственных актах.

Основной целью правового регулирования управленческой деятельности является упорядочение (регламентирование) организационной функции, которая включает структурирование самой организации, обеспечение структурных связей и согласование комплекса мер на всех стадиях процесса управления, начиная с постановки целей и заканчивая их достижением.

В данном случае структурирование осуществляется путём правового закрепления системы ОВД и определения правового статуса элементов (звеньев) системы, а структурные связи обеспечиваются правовым регулированием функционирования системы управления в ОВД (закрепление функциональных ролей работников, их прав и обязанностей; распределение сбора, обработки и направления результатов анализа информации по различным уровням; рациональное закрепление порядка принятия решений и т.д.) [2, с. 64].

В условиях стремительного возрастания роли информации эффективность деятельности ОВД все в большей степени зависит от результатов её анализа и использования. На передний план выходит проблема получения руководителями ОВД проанализированной должным образом информации с определёнными выводами и предложениями, подкреплёнными достоверными данными и качественно проведённым аналитическим исследованием.

Наиболее общей категорией в этой области является информационно-аналитическая работа, содержание которой составляют информационная часть, включающая весь комплекс мероприятий — от сбора до выдачи требуемой информации для нужд управления, и аналитическая, позволяющая определять с помощью научных методов анализа и прогнозирования тенденции в состоянии преступности с учётом внутренних и внешних факторов, устанавливать причинно-следственные и корреляционные связи, делать обоснованные выводы, предлагать рекомендации и управленческие решения.

Управленческие решения как волевые организационно-правовые акты соответствующего руководителя, в которых определены цели, пути, средства и методы их достижения, принятые согласно установленным требованиям и направленные на совершенствование деятельности ОВД, составляют основу управления, так как от них зависит его эффективность, в интересах их подготовки и реализации работают аналитическая, организационная, регулирующая, контрольная и другие функции управления.

Независимо от специфики социальной системы цели управления всегда относятся к двум категориям: стабилизации (обе-

спечения организационной устойчивости) и развития (совершенствования). К числу основных условий эффективности и качества управленческих решений относится «соблюдение организации и технологии их разработки и реализации» [2, с. 64], что также подразумевает необходимость правового регулирования этих процессов.

С учётом многообразия принимаемых управленческих решений в ОВД представляется необходимым регламентировать их классификацию (категорировать) по различным признакам и привести их определения в нормативном акте (дефинитивные нормы). Правовому регулированию подлежит распределение обязанностей между подразделениями (сотрудниками) по подготовке управленческих решений, включая координацию и контроль этого процесса.

Наиболее сложным в организационном плане является процесс разработки государственных (целевых) программ в сфере противодействия преступности, охраны общественного порядка и безопасности.

Следует отметить, что в настоящее время во многих субъектах Российской Федерации приняты нормативные акты, регулирующие

лирующие программно-целевое планирование, а большинство государственных (целевых) программ имеют паспорта, где указывается механизм управления программой, включая функции и полномочия её головного координатора, исполнителей и соисполнителей, организационное обеспечение выполнения мероприятий и порядок контроля.

Учитывая комплексный характер таких программ, особое значение приобретает межведомственное взаимодействие на всех стадиях их разработки и реализации, а в системе ОВД — распределение обязанностей и полномочий по подготовке и реализации программных мероприятий между руководителями, штабом и иными структурными подразделениями.

Таким образом, при дальнейшей дифференциации и детализации функций и процессов управленческой деятельности в ОВД возможно классифицировать их в зависимости от видов управления (стратегическое, тактическое и оперативное), режимов управления (обычный и в особых условиях), а также выделить различные виды штабов ОВД (оперативные, объединённые оперативные, совместные оперативные) и соответствующие формы их деятельности.

Литература:

1. Приказ МВД России от 09.01.2017 № 1 «Об утверждении Концепции правового регулирования и юридического сопровождения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации на период с 2017 по 2021 год» (с изм. от 07.03.2017) (документ опубликован не был) // [Электронный ресурс] // АО «Кодекс»: Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — Режим доступа: [http:// https://docs.cntd.ru/](http://https://docs.cntd.ru/) (дата обращения: 27.09.2021).
2. Аникин В. Н. Направления совершенствования правового регулирования управленческой деятельности в органах внутренних дел / В. Н. Аникин // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 2 (58). С. 57–66.
3. Захватов И. Ю., Потапова С. А., Ульянов А. Д. Правовые и организационные основы управленческой деятельности в органах внутренних дел: учебное пособие. — М., 2019.
4. Теория и практика социального управления: слов.-справ. / сост. е.Ф. Яськов. — М.: Акад. упр. МВД России, 1997. — 268 с.
5. Теория управления в сфере правоохранительной деятельности: учебник / В. З. Весёлый, Г. М. Воскресенский, В. Е. Каранов [и др.]; под ред. В. Д. Малкова. — М.: Акад. МВД СССР, 1990. — 323 с.

Совершенствование правового регулирования деятельности органов внутренних дел Российской Федерации

Газикова Елизавета Мустапаевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В настоящей статье рассмотрены отдельные вопросы совершенствования правового регулирования деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: органы внутренних дел, государственное управление, правовое регулирование, правоохранительная деятельность.

Конституция Российской Федерации (ст. 2) [1] провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью и определила обязанностью государства защищать их. Эта обязанность лежит и на всех государственных органах как части государственного аппарата. Государственные органы, входящие в систему МВД РФ, включают в себя правоохрани-

тельные органы и являются органами государственной власти Российской Федерации, которые, во-первых, наделены государственно-властными полномочиями, во-вторых, уполномочены на осуществление задач и функций государства, в-третьих, действуют в установленном государством порядке. В Конституции РФ определены основные обязанности государства по отно-

шению к своим гражданам, являющиеся также и обязанностями правоохранительных органов, указаны основы организации и деятельности прокуратуры.

Эти органы власти выполняют присущие им специфические функции, а их роль в обеспечении задач и функции российского государства является существенной, поскольку обеспечиваемые ими общественные отношения настолько важны, что их роль состоит в стабилизации и развитии российского государства, охране и защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечении безопасности государств и общества. И хотя в Конституции Российской Федерации слово «правоохранительный» используется всего один раз, это вовсе не свидетельствует об отсутствии конституционно-правового механизма организации и деятельности правоохранительных органов в российском государстве.

Наоборот, Конституция Российской Федерации содержит в себе такой конституционно-значимый энергетический потенциал основных (базовых) положений, который беспрепятственно позволяет реализовывать правоохранительными органами возложенные на них задачи и функции.

Поскольку правоохранительные органы специфичны, их деятельность в силу объективных обстоятельств, прежде всего, в силу объективного права, можно отождествлять с определёнными функциями и задачами государства. Так, полиция, прокуратура, следственный комитет участвуют в осуществлении политической функции государства, поскольку политические процессы в государстве предполагают гармонизацию всех институтов политической системы общества и особенно тех, которые активно, и даже скрыто участвуют в политических процессах. Участие структурных подразделений перечисленных органов обусловлено сохранением стабильности общественных отношений, особенно в крупных городах, в которых необходимо не допустить дезорганизацию государственных, общественных, культурных учреждений, массовые беспорядки, что ещё важно проявление терроризма, экстремизма и других преступных и противоправных явлений.

Конституция занимает высшую ступень в иерархии нормативных актов (ч. 1 ст. 15) и служит правовой основой для любой отрасли права и законодательства, в том числе и для государственных органов, входящих в систему МВД РФ.

Охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности являются ключевыми задачами органов внутренних дел Российской Федерации. На их решение направлена повседневная оперативно-служебная деятельность органов и подразделений системы МВД России, осуществляемая по направлениям, установленным в ст. 2 Федерального закона «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ [2].

Несмотря на определённые успехи, достигнутые в последние годы в обеспечении безопасности граждан и охране общественного порядка, характеризующиеся снижением преступности, повышением уровня доверия к полиции, ростом уверенности граждан в собственной безопасности, указанные выше основные направления деятельности рассматриваемых нами в данном исследовании структур по-прежнему требуют дальнейшего постоянного и системного совершенствования, обусловленного трансформацией форм и способов противо-

правных деяний, а также иными факторами оперативной обстановки.

Так, Президентом Российской Федерации В.В. Путиным на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации по итогам оперативно-служебной деятельности за 2020 г. указано на необходимость эффективного использования оперативного, кадрового и технического потенциала органов внутренних дел, в целях повышения уровня безопасности людей, надёжной защиты их прав, свобод и собственности [4].

Полагаем, что в основе реализации требований Президента Российской Федерации В.В. Путина лежит управленческая деятельность, направленная на выработку и организацию исполнения управленческих решений, позволяющих оптимально использовать силы и средства системы МВД России для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности и решения иных задач, поставленных перед указанными структурами [5, с. 10].

Рассматривая управленческую деятельность с позиции технологического процесса, её структуру можно представить в виде двух блоков: первый объединяет этапы управленческого цикла, связанные с принятием управленческих решений, а второй — этапы, обеспечивающие их исполнение.

Планирование следует рассматривать в качестве обязательного этапа управленческого цикла, связанного с выработкой и принятием управленческого решения. Планирование как управленческая категория способствует формированию единства внутри социальной системы, необходимого для достижения общей цели [7, с. 139]. Как справедливо отмечено Э.В. Маркиной, Ю.Н. Сосновской, планирование в органах внутренних дел создаёт необходимые предпосылки активной, рациональной и ритмичной работы, является важным условием выполнения стоящих перед ними задач [6, с. 177].

Необходимо учитывать, что согласно п. 4 ст. 32 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ [3] стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации является основой для разработки государственных программ субъекта Российской Федерации, в том числе правоохранительной направленности, и это является действенным инструментом для выработки и реализации государственной политики в сфере внутренних дел в регионах России.

Правовое регулирование стратегического планирования правоохранительной деятельности органов внутренних дел по разработке (корректировке) документов стратегического планирования осуществляется с учётом требований, закреплённых в таких ведомственных нормативных правовых актах, как Правила подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России и Вопросы организации информационно-аналитической работы в управленческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Интерес к возможностям и перспективам использования инструментов стратегического планирования в практике государственного управления достаточно высок, но для эффек-

тивности системы стратегического планирования необходимо дальнейшее развитие методологических подходов. Прежде всего, это должно касаться обеспечения сопряженности разрабатываемых документов стратегического планирования как по этапам формирования долгосрочных целей, задач и приоритетов, так и по уровням стратегического планирования (федеральному, региональному), а также обеспечения взаи-

модействия различных органов государственной власти во временном отрезке разработки документов стратегического планирования.

Таким образом, при дальнейшей дифференциации и детализации правового регулирования управленческой деятельности в ОВД возможно уделить особое внимание планированию деятельности в данной сфере.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 14.02.2011. № 7. Ст. 900.
3. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 30.06.2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.
4. Заседание коллегии МВД России от 03.03.2021 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/catalog/prsrns/310/events/65090> (дата обращения: 27.09.2021).
5. Богданов А. В. К вопросу о совершенствовании теоретико-правовых основ планирования в органах внутренних дел Российской Федерации // Академическая мысль. 2021. № 2 (15). С. 7–11.
6. Маркина Э. В., Сосновская Ю. Н. Актуальные вопросы планирования в системе органов внутренних дел. Некоторые аспекты стратегического планирования в правоохранительных органах // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 174–178.
7. Научная организация управления и труда в следственном аппарате органов внутренних дел: учебное пособие / Н. Н. Баранов, Б. В. Бойцов, С. Е. Вицин, В. В. Волков и др. — М., 1974.

Основные конституционные права и свободы человека и гражданина как объекты защиты при проведении оперативно-розыскных мероприятий

Емеров Денис Владимирович, студент
 Национальный исследовательский Томский государственный университет

Ключевые слова: гражданин, оперативно-розыскная деятельность, лицо, мероприятие, проведение, сотрудник.

Каждая государственная деятельность должна быть правомерной, то есть должна соответствовать принципу законности. В настоящее время преступность является одним из значимых дестабилизирующих факторов, приобретает всеобъемлющий характер реальной угрозы безопасности не только гражданам РФ, но и безопасности РФ в целом. Именно этот фактор обязывает органы внутренних дел, а точнее их оперативные подразделения, проводить оперативно-розыскные мероприятия (далее — ОРМ), направленные на контроль противодействия и раскрытия преступных деяний, посредством осуществления этих мероприятий с помощью гласных и негласных сил, средств и методов, в целях выявления, предупреждения и пресечения преступлений, выявления латентных преступных деяний, розыска лиц, а также лиц, подготавливающих, совершающих и совершивших преступные деяния, выявления информации, представляющей угрозу экономической, информационной и военной безопасности РФ.

Обеспечение прав личности при проведении ОРМ напрямую зависит от правильного понимания всеми правоохрани-

тельными, включая оперативных сотрудников, следователей, прокуроров и судей, сущности и содержания разрешенных к применению ОРМ, адекватного восприятия ими использованных в законе правовых категорий и терминов. При этом действия сотрудников оперативно-розыскных служб должны не только соответствовать закону, но и быть гармонично согласованы с основными конституционными положениями.

Деление ОРМ по признаку ограничения конституционных прав граждан представляется нам не вполне корректным, поскольку большинство ОРМ в той или иной степени ограничивают конституционные права лиц, в отношении которых они проводятся. Так, при опросе, наведении справок, наблюдении и оперативном внедрении могут собираться, в том числе, сведения, входящие в сферу частной жизни гражданина, а при сборе образцов для сравнительного исследования, проведении проверочной закупки и оперативного эксперимента может ограничиваться право на личную неприкосновенность и достоинство личности. Судебное же решение является необходимым условием ограничения двух конкретных прав, га-

рантированных ч. 2 ст. 23 и ст. 25 Конституции РФ [1]. Таким образом, критерием разграничения выделенных двух категорий ОРМ будут выступать не ограничение конституционных прав в целом, а условия проведения ОРМ.

Следует заметить, что при решении вышеуказанных задач при проведении ряд ОРМ затрагивают или ограничивают на определенный срок конституционные права граждан, в отношении которых проводятся данные ОРМ. До 90-х годов XX века порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий устанавливался приказами и инструкциями, которые носили гриф «секретно». Это вызывало неудобства с точки зрения использования приобретенной информации в ходе ОРМ при доказывании, что оставляло негативный отпечаток для расследования уголовных дел.

Сегодня под защиту прав в рамках такой деятельности попадают лица, чьи права и свободы непосредственно затрагиваются при проведении проверочных мероприятий. И такими лицами не всегда являются потенциальные преступники. Бесспорно, работа сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД), направлена на борьбу с преступностью. Несмотря на такую потребность, оперативники, должны четко соблюдать Конституция РФ, требования уголовно-процессуального, оперативно-розыскного законодательства, соблюдать права граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Статья 125 УПК РФ предоставляет гражданам право обжаловать в судебном порядке действия сотрудников органов, осуществляющих ОРД, если в процессе ОРМ были нарушены их личные права без соответствующих оснований.

Ограничения в правах сопровождают граждан, которые, так или иначе, стали субъектом проведения ОРМ. Так, для установления лица, совершившего преступление, сотрудники, которые полномочны проводить ОРМ, вправе проверять причастность каждого лица, которое находилось на месте происшествия или в близкой связи с подозреваемым. Законодатель предоставил право гражданам, по мнению которых оперативные сотрудники нарушили их права, обжаловать их действия и решения.

К сожалению, довольно часто возникают проблемы, следствием которых является поток жалоб в Конституционный Суд РФ. Поводом для многочисленных жалоб граждан является отсутствие законодательного закрепления некоторых ОРМ, порядка их проведения. В материалах конституционных жалоб встречаются неединичные факты ошибочных предположений о характере преступной деятельности лиц, на прослушивание телефонных переговоров которых бралось судебное разрешение, когда, например, лицо подозревалось в подготовке и совершении экономических преступлений, а затем привлекалось к ответственности за незаконный оборот наркотиков. К основаниям проведения ОРМ Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [2] отнес сведения о признаках преступной деятельности, недостаточные для возбуждения уголовного дела, а потому требующие своего подтверждения и уточнения. Но это не освобождает инициаторов прослушивания телефонных переговоров от обязанности обосновывать свои ходатайства, а суд выносить мотивированное решение на основе исследования представленных материалов. Привлечение же лица к от-

ветственности не за то преступление, в котором оно подозревалось при получении судебного разрешения на прослушивания телефонных переговоров, не свидетельствует о необоснованности проведения ОРМ при условии, что фактически совершенное преступление относится к категории средней тяжести, тяжких или особо тяжких, для раскрытия которых допускается прослушивание телефонных переговоров.

Важное значение для обеспечения прав личности в процессе прослушивания телефонных переговоров имеет установление разумного срока его проведения который, как установлено в ч. 6 ст. 9 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» не может превышать шести месяцев, если иное не указано в самом постановлении. Такая законодательная формулировка представляется недостаточно определенной, поскольку в ходе наших исследований приходилось сталкиваться с попытками некоторых правоприменителей расширительно истолковывать ее как возможность установления судом срока прослушивания телефонных переговоров, превышающего шесть месяцев, хотя такой подход противоречит общепринятому толкованию [4, с. 67].

В случаях, когда в ходатайстве органа, осуществляющего ОРД, запрашивается максимальный (или близкий к таковому) срок для проведения ОРМ, то он должен быть обоснован как с точки зрения его разумности, так и с позиции необходимости. Судами часто выносятся постановления со сроком действия менее шести месяцев, когда нет необходимости в длительном проведении ОРМ, или орган, ходатайствующий о проведении ОРМ, просит о меньшем сроке, требуемом для проведения ОРМ.

Вместе с тем, не будет абсолютно верным решением запретить оперативным работникам проводить негласные ОРМ в целях недопущения нарушений, поскольку необходимость таких мероприятий доказана временем, не всегда можно решить задачи по раскрытию преступлений только гласными мероприятиями. Как правило, нарушения прав граждан допускаются ввиду низкой профессиональной подготовки сотрудников, по причине слабых знаний законодательства сотрудниками и ненадлежащего контроля со стороны руководства. Немаловажным моментом является надлежащее оформление документов, которые должны составлять в строгом соблюдении норм законодательства, в противном случае ОРМ может быть признано незаконным.

Рассуждая о необходимости реализации прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД, важно отметить, что, обладая в своем арсенале весьма широкими полномочиями и имея возможность объективно влиять на оперативную обстановку на закрепленном участке правоохранительной работы, оперативники не должны злоупотреблять ни законодательно обеспеченными возможностями, ни рычагами влияния на оперативную обстановку все осуществляемые ими действия должны подчиняться исключительно указанной в ст. 1 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» цели — борьбе с преступностью. Не секрет, что собранная оперативным путем информация, касающаяся определенных граждан, зачастую носящая персональный или даже конфиденциальный характер, при недобросовестном, преступном отношении к осуществляемым должностным обязанностям может быть «монетизирована», что может составлять достаточно большой соблазн для

сотрудника при наличии у него определенных изъянов в правовой культуре и правосознании [5, с. 25].

Очень важным моментом в контексте обеспечения принципа соблюдения прав граждан в процессе осуществления ОРД является предусмотренная законодательством возможность официального прекращения материалов оперативного учета. Это должно происходить во всех случаях, когда результаты проведенной оперативной проверки с достаточной долей вероятности свидетельствуют о том, что подозреваемый в противоправной деятельности гражданин ею на самом деле не занимался, и все подозрения с гражданина должны быть сняты. Кроме того, установлены предельные сроки хранения для дел оперативного учета, бессрочность хранения подобных материалов недопустима.

Гражданин, полагающий, что его гарантированные Конституцией РФ права были нарушены в результате производства ОРМ, обладает правом обратиться с жалобой на действия оперативных сотрудников непосредственно к руководителю органа, осуществившего ОРМ; к прокурору, осуществляющему надзорные полномочия над органом, реализовавшим незаконные, с точки зрения гражданина, оперативные мероприятия, нарушившие гарантированную неприкосновенность его права; в судебные органы для признания произведенного ОРМ незаконным и привлечения виновных должностных лиц к установ-

ленной законом ответственности. Однако, несмотря на повышение уровня правовой грамотности населения, существенно расширенную законодательством возможность обжалования незаконных действий сотрудников оперативного аппарата, заметную трансформацию менталитета россиян в целом, случаи жалоб со стороны граждан на нарушение их прав в процессе реализации ОРМ встречаются на практике очень редко [3, с. 19].

Если при судебном рассмотрении жалобы гражданина на действия оперативных сотрудников будет установлена их безусловная виновность в нарушении права, гражданину может быть возмещен моральный и материальный вред. Процедура возмещения предусматривает выплату компенсации за счет средств бюджета Российской Федерации, причем важно отметить, что ответчиком в таких случаях выступает не конкретный сотрудник, причинивший своими действиями вред гражданину, а непосредственно орган, в котором работает оперативник (ст. 1069 Гражданского кодекса РФ). Там же нормативно закреплены условия возмещения морального вреда: учитывается степень, характер причиненных физических или моральных страданий; предельно внимательно судом рассматриваются все обстоятельства причинения указанных страданий. Важно отметить, что актуальная судебная практика уже содержит прецеденты удовлетворения заявленных исков к сотрудникам оперативных аппаратов правоохранительных органов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета, 4 июля 2020 г., № 144. — Текст: непосредственный.
2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Российская газета, N160, 18.08.1995. — Текст: непосредственный.
3. Давыдов, Я. В. Оперативно-розыскная деятельность. Конспект лекций / Я. В. Давыдов. — М.: Приор, 2008. — 82 с. — Текст: непосредственный.
4. Сальников, В. П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (правовой анализ) / В. П. Сальников. — СПб.: Фонд Университет, 2005. — 256 с. — Текст: непосредственный.
5. Шатохин, И. Д. Решения Конституционного Суда Российской Федерации, связанные с нарушением прав граждан при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий / И. Д. Шатохин. — Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. — 47 с. — Текст: непосредственный.

Особенности правового статуса самозанятых граждан

Захарова Александра Эдуардовна, кандидат юридических наук, доцент;

Гупанова Полина Андреевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье анализируется сущность правового регулирования по введению специального налогового режима, устанавливающего налог на профессиональный доход. Изучена категория самозанятых граждан и их правовой статус, а также выделены преимущества и недостатки экспериментальной модели налогообложения самозанятых граждан.

Ключевые слова: самозанятые граждане, индивидуальный предприниматель, специальный налоговый режим, налогообложение, правовое регулирование, контроль.

В 2018 году в России был принят Федеральный закон, который ввел в качестве эксперимента специальный нало-

говый режим, именуемый «Налог на профессиональный доход» (далее — НПД) [1]. До 2028 года включительно устанавливается

экспериментальный налоговый режим и легально устанавливает категорию «самозанятых» граждан. В соответствии с п. 1 ст. 1 указанного выше федерального закона под категорию самозанятых подпадают физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, местом ведения деятельности которых является территория любого из субъектов Российской Федерации. Таким образом, в данную категорию объединяются как физические лица, не зарегистрированные в качестве индивидуального предпринимателя, так и индивидуальные предприниматели.

Причиной такого нововведения является отсутствие в законодательстве легальности деятельности большинства граждан, осуществляющих деятельность в рамках гражданско-правовых договоров в сфере оказания услуг или выполнения работ. То есть фактически ситуация выглядит следующим образом: граждане получают доход, но не платят налог, поскольку не подпадают под критерии существующих налоговых режимов.

В 2019 г. Центр социально-политического мониторинга ИОН РАНХиГС провел социологическое исследование, посвященное оценке распространения самозанятости на современном рынке труда, по результатам которого выяснилось, что в настоящее время на отечественном рынке труда работают около 22,4% самозанятых в общей численности занятого населения, из которых у 10,0% подобная занятость является основным и единственным источником дохода [2]. Значительная часть самозанятых работают вне правовых взаимоотношений. Так, число самозанятых, работающих без официального соглашения с заказчиком или уполномоченными органами, составляет 64,1%. Именно поэтому деятельность самозанятых воспринимается органами власти как исключительно «теневая» занятость, которая существует вне рамок правового поля.

Актуальность данного научного исследования не вызывает сомнения, поскольку немалая часть граждан на территории нашей страны ушла в «тень» для получения более высоких доходов, не облагаемых налогами и сборами, государство, в свою очередь, привело в действие на современном этапе механизм реализации вывода самозанятых граждан из «теневой» экономики [3]. Однако, поскольку механизм является экспериментальным, имеет смысл уяснить его основные характеристики для более полного понимания государственных целей в регулировании категории самозанятых граждан и последовательной их легализации.

Данный налоговый режим имеет свое пороговое значение дохода в размере не более 2,4 млн рублей в год, что позволяет включать в состав самозанятых, как правило, граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя. К тому же, имеются ограничения применения налогового режима в зависимости от осуществляемого вида деятельности. Так, не вправе применять специальный налоговый режим лица, осуществляющие реализацию подакцизных товаров и товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации.

В связи с этим, до введения НПД существовала дискуссия относительно понятия самозанятых, а именно проблема отнесения к данному понятию индивидуальных предпринимателей. Так, в докладе Министерства юстиции РФ от 07.03.2017 г. [4], подготовленном по поручению Президента РФ, самозанятые были определены как граждане без статуса индивидуального предпринимателя, которые без найма работников самостоятельно и систематически оказывают услуги и выполняют работы для физических лиц, что позволяет говорить о самозанятых, как о гражданах, исключая индивидуальных предпринимателей. Но, как отмечалось выше, в рамках федерального закона четко указано, что индивидуальные предприниматели могут применять данный специальный налоговый режим посредством перехода с одного налогового режима на другой, необходимо только их соответствие установленным законом критериям.

А в соответствии с ГОСТ 12.0.004–2015 «Система стандартов безопасности труда (ССБТ). Организация обучения безопасности труда. Общие положения» в качестве самозанятого лица рассматривается гражданин, который самостоятельно занят трудом по оказанию услуг в рамках договоров гражданско-правового характера, в том числе в форме индивидуального предпринимательства [5].

Таким образом, существовало несколько противоречивых подходов, смешивая самозанятость и индивидуальное предпринимательство, и, одновременно, императивно отделяя данные категории.

По нашему мнению, стоит учитывать положения федерального закона, как нормативно-правового акта, имеющего большую юридическую силу, в сравнении с ГОСТом и иными подзаконными актами. Индивидуальному предпринимателю предоставляется право перехода на специальный налоговый режим в виде налога на профессиональный доход, но лишь в случае, если он отвечает требованиям, установленным законодательством.

Результаты, которые поставлены законодателем с введением эксперимента, являются легализация самозанятых граждан и увеличение числа физических лиц, ведущих деятельность в правовом поле и поступления от них дохода в бюджет.

Итак, сущность НПД заключается в установлении специального налогового режима для граждан (в том числе индивидуальных предпринимателей), получающих доход от деятельности, при ведении которой они не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам, суммарно в год не более 2,4 млн рублей (независимо от показателей дохода за каждый месяц), а также отвечают требованиям, установленным специальным федеральным законом.

Деятельность самозанятых граждан не является преступной, но требует регулирования для получения дохода в бюджет страны, поскольку лишь 1/3 доходов бюджета формируется за счет налога с нефти и газа, остальные же 2/3 составляют прочие налоги [6].

Ставка по данному налогу составляет:

- 1) 4% — с поступлений от физических лиц, не зарегистрированных в качестве индивидуального предпринимателя;
- 2) 6% — с индивидуальных предпринимателей [1].

Постановка на учет в качестве налогоплательщика и дальнейшая уплата налога регламентирована в федеральном законе и происходит наиболее простым способом с помощью установки специального мобильного приложения «Мой налог» [7].

Поскольку налог выплачивается только за те месяцы, когда был доход, возникает вопрос, каким образом проверять доход-

ность ежемесячно? Для этого предусмотрена выдача электронного чека за каждую услугу, предоставленную самозанятым гражданином своим клиентам, которые выдаются при помощи программы для смартфона «Мой налог». Так, налог должен выплачиваться только с тех доходов, которые были проведены через банковский счет или карту самозанятого гражданина. Таким образом, налоговые органы получают информацию о доходах самозанятых граждан, что позволяет правильно вычислить сумму уплачиваемого налога. Однако, устанавливая отчетность в добровольной форме, государство полагается на добросовестность граждан в первую очередь. Поскольку это пока только экспериментальный налоговый режим, стоит говорить о том, что велика вероятность его усовершенствования в сторону императивных предписаний. На данный момент остается в наибольшей степени диспозитивность правового регулирования, что вполне последовательно показывает государственную тактику в отношении категории самозанятых.

С добровольностью тесно связан и момент самой регистрации и постановки на учет в качестве самозанятого, что

тоже, на наш взгляд, является проявлением экспериментальности в правовом регулировании.

Однако, несмотря на проявление диспозитивности в регулировании, с уверенностью можно сказать, что сам механизм работы налоговых органов и их взаимодействие с налогоплательщиком полностью цифровизированы, что значительно упрощает процедуру получения статуса самозанятого.

В настоящий момент по данным Федеральной налоговой службы Министерства финансов РФ на 23.03.2021, число самозанятых граждан превышает 2 млн человек [8]. В то же время, ВЦИОМ был проведен социальный опрос, по результатам которого выяснилось, что 51% опрошенных считают, что самозанятым надо предоставить право самим решить, нужно им это платить или нет [9].

На наш взгляд, необходимо ввести в обязательной форме регистрацию в качестве самозанятого с целью легализации труда граждан. Также необходимо урегулировать процесс контроля за уже зарегистрированными в качестве налогоплательщика НПД, к примеру проведением плановых и внеплановых налоговых проверок.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.11.2018 N422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Собрание законодательства РФ. 03.12.2018. N49 (часть I). Ст. 7494.
2. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ranepa.ru/sciencehelp/news/socopros-ranhigs-v-rossii-okolo-17-mln-samozanyatyh-chetvert-ot-rabotayushhego-naseleniya-2/> (дата обращения 24.10.2021).
3. Нестеренко Ю. Н., Протасова Е. А. Самозанятость в России: состояние и потенциал развития. // Народонаселение. Т. 22. № 4. 2019.
4. [Электронный ресурс] // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/46866/> (дата обращения 24.10.2021).
5. ГОСТ 12.0.004–2015 «Система стандартов безопасности труда (ССБТ). Организация обучения безопасности труда. Общие положения» // [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200136072> (дата обращения 24.10.2021).
6. Квашонкина П. А. Проблемы Гражданско-правового статуса самозанятых граждан. // Скиф. Вопросы студенческой науки. № 6 (58). 2021.
7. [Электронный ресурс] // URL: <https://data.nalog.ru/html/sites/www.npd.nalog.ru/HowToUseApp.pdf> (дата обращения 24.10.2021).
8. [Электронный ресурс] // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/10747467/ (дата обращения 24.10.2021).
9. [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20210526/samozanyaty-1733989102.html> (дата обращения 24.10.2021).

Защита права на недвижимое имущество в спорах, связанных с государственной регистрацией перехода права собственности

Зыков Антон Сергеевич, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье рассматриваются правовые подходы, применяемые для восстановления нарушенных прав покупателей на государственную регистрацию перехода права собственности. Рассматриваются некоторые вопросы защиты права собственности юридических лиц на недвижимое имущество, возникающие в спорах, связанных с регистрацией права.

Ключевые слова: недвижимое имущество, переход права собственности, договор купли-продажи, нарушение права, способ защиты, государственная регистрация, регистрирующий орган, отказ в государственной регистрации.

Пунктом 3 статьи 551 ГК РФ предусмотрен специальный способ защиты прав на недвижимое имущество и за-

конных интересов собственников, уже давно применяемый в судебной практике, рассматривающий требования о госу-

дарственной регистрации к уклоняющемуся лицу. Такие требования подлежат рассмотрению в исковом порядке, так как между сторонами возникает спор о праве, а точнее о его переходе, а судебной защите подлежит законный интерес истца в его переходе. Предпосылкой возникновения подобного спора является уклонение одной из сторон сделки купли-продажи от государственной регистрации перехода права собственности на недвижимость. При этом подобные споры подлежат разрешению с учетом обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение права собственности у приобретателя вещи по договору (статья 223 ГК РФ).

В судебной практике вопрос о правовых последствиях неисполнения договора решается путем применения разных и порой неоднозначных подходов. Когда договором продажи недвижимости предусмотрено, что переход права собственности не зависит от исполнения обязанности продавца передать соответствующий объект, сохранение продавцом владения этим имуществом не является препятствием для удовлетворения требования покупателя о государственной регистрации перехода права в случае включения в договор условий о моменте перехода риска случайной гибели вещи. Если обязательство продавца передать недвижимость не исполнено, в исковом заявлении необходимо соединить требования об исполнении обязанности по передаче недвижимости и о регистрации перехода права. При этом требование о регистрации перехода права собственности не может быть удовлетворено, если суд откажет в удовлетворении требования об исполнении обязанности передать недвижимость. В остальных случаях требование подлежит удовлетворению только при условии исполнения обязательства продавца по передаче имущества, т.е. после символического вручения (подписания акта о передаче). Так, А. В. Зарубин считает, что наличия договора, пусть даже не исполненного покупателем, достаточно для регистрации перехода права собственности [1].

Правовая природа совершенных сделок прежде всего и обуславливает заявительный характер совершения регистрационных действий. При этом правовых проблем с регистрацией ранее возникших прав до введения института государственной регистрации практически не возникало, так как регистрировалось уже возникшее по договору право, а не переход права на основании договора. Другая ситуация возникает, если сделка совершена в период действия Федерального закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» и Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственной регистрации недвижимости» в случае отсутствия стороны по сделке.

В случае смерти физического лица считается логичным предъявление исковых требований к наследникам, универсальным правопреемникам, к которым переходят права и обязанности наследодателя, в том числе и при наследовании выморочного имущества. В случае же когда произошла ликвидация юридического лица, правопреемники отсутствуют, и предъявить исковые требования попросту некому. Прекращение правоспособности юридических лиц в связи с их ликвидацией не является бездействием контрагента, и в данном случае невоз-

можно говорить о противоправном уклонении отсутствующего лица. При отсутствии продавца и его правопреемников заявительная форма регистрации не представляется возможной. Рассмотрение в качестве ответчика по иску регистрационной службы ранее признавалось некорректным, так как вопрос о принадлежности права собственности вытекает из обязательственных отношений, участником которых регистрирующий орган не является.

Ситуация изменилась с принятием постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», в пункте 62 которого разъясняется, что при ликвидации продавца покупатель недвижимого имущества вправе обратиться за регистрацией перехода права собственности, а отказ государственного регистратора зарегистрировать переход права собственности в связи с отсутствием заявления продавца может быть обжалован в суде по правилам главы 24 АПК РФ.

По мнению В. С. Емельянова, «при рассмотрении указанной категории дел регистрирующий орган выступает в качестве формального ответчика, действиями которого права заявителя не нарушаются, однако, имея в виду пробел законодательства РФ по данному вопросу, а также принимая во внимание компетенцию регистрирующего органа, именно он должен быть ответчиком» [2]. Подобный подход представляется малообоснованным, поскольку государственная регистрация является юридическим действием, актом признания и подтверждения возникновения, изменения, прекращения или перехода права на недвижимое имущество.

В противопоставление указанной позиции считаем заслуживающим внимания рассматривать возможность привлечения в качестве ответчиков лиц, у которых в силу отсутствия собственника объекта недвижимости на основании установленных процедур может возникнуть право собственности на этот объект.

Учитывая, что юридическое лицо с ликвидацией прекращает свое существование, ранее принадлежавшее ему имущество не имеет собственника и имеет признаки бесхозного. При этом по смыслу пункта 1 статьи 225 ГК РФ наличие у вещи владеющего несобственника не препятствует классификации указанной вещи в качестве бесхозной.

Бесхозные недвижимые вещи принимаются на учет органом, осуществляющим государственную регистрацию права на недвижимое имущество, по заявлению органа местного самоуправления. По истечении года со дня постановки бесхозной недвижимой вещи на учет муниципальный орган может обратиться в суд с требованием о признании права муниципальной собственности на эту вещь (пункт 3 статьи 225 ГК РФ). По общему правилу владеющий несобственник может приобрести право собственности в силу приобретательной давности (пункт 2 и абзац 3 пункта 3 статьи 225 ГК РФ). При этом отметим, что запрета требовать государственной регистрации права собственности за собой по другим основаниям для владеющего несобственника действующим законодатель-

ством не установлено. Очевидно, при указанных обстоятельствах будет иметь место спор о праве. В случае предъявления иска покупателя к регистрирующему и муниципальному органу орган местного самоуправления может возражать по основаниям возникновения права, а орган регистрации — по основаниям регистрации перехода права. По общему правилу ответчики могут признать требования или заявить встречные о признании имущества в качестве бесхозного.

Существование в гражданском обороте объектов, не имеющих собственников, чуждо идеальной модели материального права. Поэтому органам самоуправления, как заинтересованным лицам, дано право в крайних случаях при отсутствии собственника вещи переводить право собственности. При этом в правоприменительной практике суды пошли по пути оспаривания отказа государственного регистратора зарегистрировать переход права собственности. Вместе с тем, рассматривая требование покупателя об оспаривании отказа в государственной регистрации, суд проверяет исполнение продавцом обязанности по передаче и исполнение покупателем обязанности по оплате. Если единственным препятствием для регистрации перехода права собственности является отсутствие продавца, суд вправе удовлетворить требование покупателя и в резолютивной части решения обязывает государственного регистратора совершить действия

по государственной регистрации перехода права собственности. При невозможности исполнения обязанности продавца по участию в государственной регистрации перехода права собственности по причине его ликвидации на истца возлагается обязанность подтвердить право собственности не только покупателя, но и продавца. Из системного толкования статей 14, 18, 21 Федерального закона № 218-ФЗ следует, что законом не запрещается государственная регистрация перехода права собственности к покупателю по договору при одновременной регистрации права продавца на отчуждаемый им объект недвижимого имущества. Так, ликвидация прежнего собственника — продавца недвижимого имущества не может служить препятствием в реализации покупателем как новым собственником предоставленных ему действующим законодательством прав.

Конкуренция двух разных подходов судов разных инстанций хорошо прослеживается в позициях по делу № А46-4379/2018. Из приведённого дела видно, что, несмотря на продолжительное существование постановления Пленума № 10/22, разъясняющего порядок защиты права собственности на недвижимое имущество при отсутствии собственника, порой в судебной практике возникает правовая неопределённость классификации предмета спора и определения обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Литература:

1. Зарубин В. А. Гражданско-правовые способы защиты права собственности на недвижимость. — Москва: Юрайт, 2011. — С. 327.
2. Емельянов В. с. К вопросу о надлежащем ответчике по делам о государственной регистрации перехода права собственности при ликвидации одной из сторон по договору // Российская юстиция. 2006. № 9; Гражданско-правовые способы защиты права собственности на недвижимость. ст. 346.
3. Стрельников П. А. О некоторых вопросах защиты права собственности юридических лиц на недвижимое имущество в спорах, связанных с государственной регистрацией перехода права собственности // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 75.
4. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственной регистрации недвижимости».
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

Режим коммерческой тайны для самозанятых лиц

Зюлева Анастасия Эдуардовна, студент

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

Термин «самозанятое лицо» прочно вошел в обиход, однако до настоящего времени законодательство не дает его единого определения.

Из текста п. 7.3 ст. 83 Налогового кодекса РФ, следует, «что самозанятые лица — это физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями и оказывающие без привлечения наемных работников услуги физическим лицам для личных, домашних и (или) иных подобных нужд» [1].

Федеральная налоговая служба, сославшись на п. 70 ст. 217 Налогового Кодекса РФ, разъяснила, какие виды услуг могут быть

оказаны самозанятыми гражданами, однако, указанный законодателем перечень видов деятельности не является исчерпывающим. Региональные власти вправе самостоятельно регулировать виды деятельности самозанятых в зависимости от нужд региона.

Для определения правового положения самозанятых граждан необходимо выявить их правовой статус. Исходя из смысла ст. 23 Гражданского Кодекса РФ «деятельность самозанятых граждан является предпринимательской» [2].

Одним из признаков предпринимательской деятельности является то, что она осуществляется на свой страх и риск и пред-

полагает, что лицо может понести имущественные убытки. Это положение применимо и к самозанятым гражданам. Такие лица в осуществлении своей деятельности полностью полагаются на собственное имущество и несут финансовые затраты, в связи с чем подвергаются таким же рискам, что и стандартные субъекты предпринимательской деятельности.

«Идентификация самозанятого лица как субъекта предпринимательской деятельности позволяет ему вступать в гражданско-правовые отношения с предпринимателями и юридическими лицами, а также защищать свои интересы в арбитражных судах РФ» [3].

По моему мнению, в связи с тем, что самозанятый, по сути, является субъектом предпринимательства и на него должны распространяться нормы права, предусмотренные законодательством для индивидуальных предпринимателей, следует рассмотреть возможность обладания правом на коммерческую тайну физическим лицам, зарегистрированным в статусе самозанятых.

В качестве примера стоит обратить внимание на IT-специалистов, которые также имеют право осуществлять деятельность в качестве самозанятых. При исполнении заказа, риску утечки ценной информации подвержены как компании, привлекающие к работе IT-специалистов, так и сами IT-специалисты.

Кроме того, иные виды деятельности самозанятых, такие как производство продукции своими руками или строительные работы (ремонт) также могут нести риски утечки ценных сведений.

Так, на основании ст. 727 Гражданского кодекса РФ информация о новых решениях и технических знаниях, полученная при исполнении договора подряда, не подлежит разглашению.

Данный запрет обусловлен тем, что в ходе исполнения договора подряда стороной может быть получен охраняемый законом результат интеллектуальной деятельности. Кроме того, стороной могут быть получены сведения, которые законом не охраняются, однако одна из сторон хотела бы сохранить в их отношении режим конфиденциальности.

Из чего следует, что формально нормы законодательства о конфиденциальности сведений, в настоящее время, уже затрагивают деятельность самозанятых лиц в случае заключения с последними договора подряда.

Коммерческая тайна представляет собой особый режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду.

Из анализа ФЗ «О коммерческой тайне» следует, что законодателем не установлено, кто именно может являться обладателем информации, составляющей коммерческую тайну, однако, исходя из совокупности сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну, следует, что таковыми могут

являться юридические лица и индивидуальные предприниматели.

В соответствии с п. 3 ст. 10 Закона о коммерческой тайне «индивидуальный предприниматель, являющийся обладателем информации, составляющей коммерческую тайну, и не имеющий работников, с которыми заключены трудовые договоры, принимает меры по охране конфиденциальности информации, указанные в части 1 настоящей статьи, за исключением пунктов 1 и 2, а также положений пункта 4, касающихся регулирования трудовых отношений» [4].

В теории данная формулировка применима к деятельности самозанятых. Таким образом, актуален вопрос расширения Закона о коммерческой тайне для физических лиц, в противном случае самозанятые будут лишены подобного способа защиты своих интересов.

В скором времени Гражданским кодексом РФ будет урегулирован вопрос о распространении права интеллектуальной собственности, а именно товарного знака, на самозанятых.

Так, письмом Минэкономразвития России от 29.04.2021 г. в ответ на обращение по вопросу о возможности использования самозанятым гражданином логотипа или названия, даны следующие разъяснения «согласно положению статьи 1478 Гражданского Кодекса обладателем исключительного права на товарный знак может быть юридическое лицо или индивидуальный предприниматель».

Однако «в настоящее время в соответствии с пунктом 4 плана мероприятий ТДК разработан проект Федерального закона «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», предусматривающий внесение изменений в действующее законодательство Российской Федерации в части закрепления возможности регистрации товарных знаков на имя граждан, в том числе самозанятых, и их участия в распоряжении правами на зарегистрированные товарные знаки» [5].

Ряд авторов при определении сущности коммерческой тайны соотносят ее с объектами интеллектуальной собственности. Так, А. П. Сергеев утверждает, «что коммерческая тайна обладает всеми свойствами объекта интеллектуальной собственности и является его особой разновидностью. При этом он полагает, что исключительное субъективное право на информацию в режиме коммерческой тайны, возможно, только при неизвестности ее третьим лицам и на частном случае делает вывод об отнесении коммерческой тайны к интеллектуальной собственности, между тем, коммерческая тайна может быть передана третьим лицам по договору при условии ее неразглашения» [6].

Учитывая развивающиеся тенденции в закреплении за самозанятыми права на товарный знак, считаю, аналогичные изменения допустимо внести в Федеральный закон «О коммерческой тайне», распространив его действие на самозанятых лиц.

Литература:

1. «Налоговый кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 N146-ФЗ
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации» от 30.11.1994 N51-ФЗ
3. Статья: Статус гражданина, зарегистрированного в качестве самозанятого, и проблемы налогообложения доходов самозанятых лиц (Шуваев Е. А.) («Электронное приложение к »Российскому юридическому журналу», 2019, N2)

4. Федеральный закон от 29.07.2004 N98-ФЗ «О коммерческой тайне»
5. Письмо Минэкономразвития России от 29.04.2021 N ОГ-Д01–3750 О возможности использования самозанятым логотипа или названия (вместе с Письмом Роспатента от 15.04.2021 N02/33–341/08 О рассмотрении обращения)
6. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в РФ: Учебник — М.: ПБОЮЛ Гриженко, 2001.

Заключение и показания специалиста и эксперта: разграничение и их оценка судом в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве

Колесникова Нана Омариевна, студент магистратуры
 Научный руководитель: Гуджабидзе Георгий Автандилович, кандидат юридических наук, доцент
 Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье рассматривается проблема отсутствия четких нормативно закрепленных отличий между заключением и показаниями специалиста и эксперта. Автор обращает внимание на то, что указанный пробел может послужить препятствием для признания судом заключения и показаний специалиста в качестве допустимого доказательства. На основании анализа уголовно-процессуальных норм и правоприменительной практики, автор обозначает основные отличия компетенции специалиста и эксперта, а также делает вывод о необходимости внесения дополнений в УПК РФ в части уточнения правомочий специалиста.

Ключевые слова: заключение и показания специалиста, эксперт, уголовное судопроизводство, доказывание.

Conclusion and indications of a specialist and expert: determination and their evaluation by the court as evidence in criminal proceedings

Kolesnikova Nana Omarievna
 Scientific adviser: Gudzhabidze Georgy Avtandilovich

The article deals with the problem of the absence of differences between the conclusion and the testimony of a specialist and an expert, which are normatively enshrined in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. This gap in legislation can serve as an obstacle for the court to recognize the conclusion and testimony of a specialist as admissible evidence. Based on the analysis of criminal procedural legislation and law enforcement practice, the author identified the differences in the competence of a specialist and an expert, and also concluded that it is necessary to make additions to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of clarifying the competence of a specialist.

Keywords: expert opinion and testimony, expert, criminal proceedings, proof.

В теории уголовно-процессуального права, равно как и в правоприменительной деятельности, до сих пор не сложилось единого мнения по вопросу разграничения компетенции специалиста и эксперта в уголовном судопроизводстве. По мнению профессора Селиной Е. В., «цель дополнения Уголовно-процессуального кодекса РФ данным видом доказательства (заключение и показания специалиста) никогда не вызывала дискуссий в научном сообществе: необходимо расширение возможностей стороны защиты в состязательном процессе, и особенно предоставление ей права на процессуальные действия, альтернативные проведению судебной экспертизы» [1, с. 120].

В соответствии со ст. 58 УПК РФ, специалистом является лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для поста-

новки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию [2].

Однако стоит заметить, что четкие отличия между заключением и показаниями эксперта и специалиста в УПК РФ не закреплены. Впоследствии данный пробел может послужить препятствием для признания судом заключения и показаний специалиста в качестве допустимого доказательства. В свою очередь, данный фактор может сыграть решающую роль при определении виновности/ невиновности обвиняемого или подсудимого.

Исходя из анализа норм уголовно-процессуального законодательства (в том числе, ст.ст. 57, 58 УПК РФ) и правоприменительной практики, можно прийти к выводу, что специалист, в отличие от эксперта:

1. Не проводит исследования, а письменно излагает свое мнение (суждение), по вопросам поставленным перед специалистом сторонами;

2. Представляет свои суждения, основанные на специальных знаниях (что не может заменить полноценное заключение эксперта);

3. Не обладает правом ревизии заключений судебных экспертиз (не вправе давать оценку допустимости и достоверности заключений эксперта).

Обозначенный вывод нашел свое подтверждение в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». В п. 20 закреплено положение о том, что специалист не проводит исследование доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами [3].

Проиллюстрируем также примером из судебной практики. Так, Магдагачинский районный суд отклонил представленное стороной защиты судебно-медицинское исследование специалиста (заключение) в обосновании невиновности П. Суд мотивировал принятое решение тем, что в судебно-медицинском исследовании (заключении) приведены суждения специалиста относительно обоснованности (необоснованности) и правильности (неправильности), изложенных в заключениях экспертов выводов, полноты проведенных необходимых для выводов в представленных экспертизах исследований. Иными словами, специалистом была дана оценка заключениям эксперта с точки зрения достоверности изложенных в них выводов [4].

Рассматривая положения ст.ст. 17, 87, 88 УПК РФ в их взаимосвязи, следует, что проверка и оценка доказательств относится к исключительной компетенции суда. Вместе с тем, мнение лица, обладающего какими-либо специальными знаниями, но не являющегося участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения или защиты, по вопросам относимости, допустимости и достоверности доказательств по уголовному делу не может, в соответствии с требованиями ст. 58 УПК РФ, расцениваться как разъяснения специалиста по вопросам, входящим в его профессиональную компетенцию. Следовательно, изложение суду такого мнения не входит в компетенцию специалиста.

Необходимо также отметить, что судебная практика не признает доказательством заключение специалиста с процессуальной точки зрения по смыслу ст. 80 УПК РФ, если его автор не был привлечен к участию в данном деле в порядке, предусмотренном ст.ст. 58, 168, 270 УПК РФ.

Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в своем кассационном определении от 16.11.2012 № 53-О12-60 установила следующее: «врач К. не участвовала в уголовном судопроизводстве в качестве специалиста в порядке, определенном статьей 168 УПК РФ и не давала заключение в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 80 УПК РФ, то есть по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами. Вопросы психического, физического (в том числе неврологического) состояния обвиняемой Дубанос Г.М., ответы на которые сторона защиты намерена была получить и довести до суда путем допроса врача-невролога К. в качестве специалиста, относятся к компетенции эксперта (ст. 57, ч. 1 ст. 80, п. 3 ст. 196, ст. 204 УПК РФ)» [5].

Судебная коллегия признала обоснованным отказ в удовлетворении ходатайства стороны защиты о допросе врача К. в качестве специалиста. Во-первых, установлено, что врач К. не давала заключение (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). Во-вторых, полученные от врача К. сведения относятся к компетенции эксперта. Вместе с этим, суд счел возможным допросить врача в качестве свидетеля, так как врач-невролог некоторое время наблюдала пациентку Дубанос Г.М. и ей могли быть известны сведения о личности подсудимой (в том числе о состоянии ее здоровья), что представляется вполне разумным и обоснованным.

Подводя итог вышесказанному, считаем необходимым внести изменения в ст. 58 УПК РФ в части более детальной регламентации компетенции специалиста в уголовном процессе: закреплении запрета специалисту давать оценку заключению и показаниям эксперта (т.к. оценка доказательств — прерогатива суда); возможность признания в качестве доказательств по делу заключения и показаний специалиста при условии привлечения его к участию в деле в порядке, предусмотренном ст.ст. 58, 168, 270 УПК РФ.

Литература:

1. Селина Е.В. Заключение и показания специалиста в уголовном процессе // Журнал российского права. — 2015. — № 12. — С. 119–125.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. 1).
3. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 дек. 2010 г. № 28 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2011. — № 2.
4. Приговор № 1-167/2019 1-9/2020 от 8 мая 2020 г. по делу № 1-167/2019 Магдагачинский районный суд (Амурская область) [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.08.2021).
5. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16.11.2012 № 53-О12-60 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Классификация земельных участков в российском законодательстве

Комова Наталья Борисовна, доктор юридических наук, доцент;
Корнилова Юлия Анатольевна, студент магистратуры
Донской государственной технической университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматривается понятие земельного участка. Выделяются признаки земельных участков. Автор предлагает основания для классификации земельных участков в Российской Федерации.

Ключевые слова: земельный участок, классификация, российское законодательство, виды земельных участков, признаки земельных участков.

Начиная настоящее исследование, первоначально следует определить, что понимается под земельным участком в российском законодательстве. Так, как известно земельный участок по своей сущности является объектом земельных отношений. В то же время, по нормам гражданского права, земельный участок представляет собой недвижимое имущество, объект гражданских прав, а также является вещью [1]. В соответствии с последним положением, земельный участок по своему существу способен являться предметом сделок. А, в свою очередь, в последних происходит возникновение, изменение или прекращение гражданских прав.

Также, на основе норм законодательства, следует подчеркнуть, что объектом земельных правоотношений может выступать не только сам по себе земельный участок, но и его часть. Крайняя, являясь объектом гражданского оборота, становится земельным участком.

Проведя анализ понятия «земельный участок», определяемый учёными-юристами, следует выделить следующее. Так, данный термин трактуется неодинаково. Каждый автор по-разному видит сущность земельных участков в праве России. Так, по мнениям некоторых исследователей, под земельным участком следует понимать часть поверхности земли, которая имеет черту индивидуализированности [2]. В ее категорию входят данные по местоположению, размеру территории, целевому назначению, границам, кадастровым номерам и иным официальным сведениям. Следует дополнительно подчеркнуть, что в термин «земельный участок» не включаются недра, а также воздушное пространство.

Представленное выше определение земельного участка, на наш взгляд, не является правомерным, поскольку существуют некоторые исключения в категории индивидуализации. Так, не считаем возможным индивидуализировать земельные участки по его размеру, поскольку его можно определять по границам, а также по целевому назначению. Последнее в свою очередь может измениться, так как такая возможность предоставляется законодательством РФ. Подобная ошибка в определении термина «земельный участок» является повторяющейся. Но в то же время данные по площади и целевому назначению участка можно определить правовой режим участка [3]. Поэтому представляется допустимым указывать подобные характеристики в определении рассматриваемого термина, но с целью обозначения его правового режима, а не индивидуальных признаков.

Так, если изучать термин «земельный участок» на основе норм закона, а не из положений научных исследований, то сле-

дует отметить следующее. Так, земельный участок — это недвижимая вещь, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи. На основании данного определения представляется возможным вывести признаки, присущие земельному участку. Так, земельный участок, первоначально, представляет собой недвижимую вещь. Раскрывая значение данного признака, следует обозначить, что право собственности, иные имущественные права, переход, ограничение или прекращение этих прав на недвижимое имущество должны быть зарегистрированы в установленном законом порядке [4]. Во-вторых, земельный участок — это индивидуально определяемая вещь, которая характеризуется только присущими ей специфическими особенностями. Другими словами, для того, чтобы участок земли стал объектом гражданской торговли, он должен быть снабжен характеристиками, которые отличают его от других участков земли. Такими знаками являются границы участка, которые устанавливаются при проведении землеустройства [5].

Следовательно, представляется более правильным в отношении земельного участка определение, которое выводится самим законодателем, нежели же исследователями в области права. Но все же, предлагаем внести некоторые поправки в данное в законе определение. Таким образом, видим правомерным понимать земельный участок как это недвижимая вещь, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи (границы, местоположение, кадастровый номер).

Переходя к вопросу классификации земельных участков, следует отметить, что их существует несколько.

Так, первым основанием для классификации служит целевое назначение земли. Именно классификация по целевому назначению определяет обязательные условия использования земли, указанные в ч. 3 ст. 36 Конституции Российской Федерации. Законом определяются различные правовые режимы для разных категорий земель. Так, для наглядности данной категории приведём пример. Строительство жилого дома на земельном участке, входящем в состав сельскохозяйственных угодий, будет нарушением, поскольку для ведения сельского хозяйства предназначены сельскохозяйственные угодья, для жилой застройки — жилые зоны [6].

Основанием для следующей классификации земельных участков является наличие на участке объектов, для которых

установлен собственный правовой режим. Например, если вышеуказанных объектов на определённом участке нет, то это приводит к тому, что следует руководствоваться лишь нормами, которые регламентируют категории земли. Если же наоборот — усложняется режим землепользования. Так, отдельный дом — это и недвижимость, и жилое помещение одновременно. В зависимости от происхождения соответствующий объект может быть искусственным (созданным человеком) или естественным, то есть природным. Последний в свою очередь способен определить правовой режим участка. Например, лесные массивы относятся к участкам лесного фонда, а покрытые водой территории — к участкам водного фонда [7]. Соответственно, в первом случае осуществляется лесопользование, а во втором — водопользование. Кроме того, наличие такой связи может в определенных случаях привести к радикальному изменению не только правового режима участка, но и его принадлежности. Так, земля может выкупаться у собственника и, в случае образования особо охраняемой природной территории, переводиться в соответствующую категорию земель.

Основание третьей классификации — наличие природных свойств, которые в свою очередь характерны для самого участка. Таким образом, наличие слоя почвы, который будет использоваться на участке, требует, чтобы собственник соблюдал требования по защите почвы [8]. Напротив, если слой почвы отсутствует или не может быть использован (находится под искусственным объектом), нет оснований предъявлять соответствующие требования.

Далее, можно вывести ещё одну классификацию, в основе которой лежит механизм использования земли. Последний в свою очередь зависит от некоторых факторов, например наличия права на земельный участок, его вида, объема и т.д. Прежде всего, следует помнить, что наличие должным образом оформленного права собственности не всегда является необходимым условием законного землепользования. Однако действующее законодательство предлагает заинтересованной стороне ряд вариантов землепользования при отсутствии прав собственности. Этот вариант изначально применяется к земле, находящейся в государственной собственности. Разрешение на использование дается прямо в законе, который в то же время определяет пределы дозволенного [6].

Литература:

1. Баев В. Д. Дуализм понятия «земельный участок» // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8. С. 369–374.
2. Бажайкин А. Л., Черняев В. Н. Земельный участок и его составные части // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2020. № 2. С. 236–242.
3. Землякова Г. В. Земля и земельный участок как объекты земельных правоотношений: проблемы терминологии // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 1 (53). С. 54–63.
4. Земельное право России: учебник для среднего профессионального образования / А. П. Анисимов, А. Я. Рыженков, С. А. Чаркин, К. А. Селиванова; под редакцией А. П. Анисимова. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2021. 373 с.
5. Имекова М. П. Необразованный земельный участок как предмет договора купли-продажи будущего земельного участка // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 3. С. 139–147.
6. Корнеев А. Л. Особенности совершения сделок с земельными участками: Учебное пособие. М.: Издательский Дом «Гордец», 2017. 304 с.
7. Максимов И. А. Анализ определения понятия «земельный участок» // Проблемы науки. 2018. № 3 (27). С. 56–60.

На сегодняшний день имеет важное значение разделение земли по степени оборота. Применимое гражданское законодательство различает свободные в обороте объекты, ограниченные в нем, а также изъятые.

По количеству правообладателей различаются объекты, права которых принадлежат одному или нескольким лицам [3]. Во втором случае это совместная собственность, пожизненное владение недвижимостью несколькими гражданами, несколькими людьми со стороны арендатора и др.

Ещё одну группу классификаций можно назвать юридическо-технической, так как она отражает технические параметры земли, имеющие юридическое значение. В первую очередь это касается площади собственности и ее соответствия действующим стандартам. В этом случае к правовым последствиям относятся только несоответствие, нарушение установленных норм.

Непосредственно по площади земли и основана классификация — по степени делимости. Кажется очевидным, что площадь разделяемого участка должна быть минимум вдвое меньше. Соответственно, использование таких методов формирования земель, как разделение и выделение, применяется только к делимой земле [4].

Таким образом, на основе вышеприведенного исследования можно сделать следующие выводы. Так, видится необходимым закрепить в законе определение земельных участков в следующем виде: земельный участок — недвижимая вещь, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи (границы, местоположение, кадастровый номер). Также, условно можно выделить следующие группы классификаций: 1) по назначению; 2) с учетом наличия объектов, влияющих на правопорядок пользования; 3) в отношении прав на имущество; 4) юридико-техническая классификации. Большинство приведенных выше классификаций являются дихотомическими, хотя, например, разделение по целевому назначению основано на наличии семи типов земель — по количеству категорий земель. Многие классификации создаются в соответствии с моделью «правило-исключение», и это относится не только к дихотомическим классификациям. Также многие классификации многоуровневые (целевое назначение — территориальная зона — допустимое использование земельного участка в пределах земель населенных пунктов).

О возможности участия некоммерческих организаций в договоре коммерческой концессии

Копанова Анна Евгеньевна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В настоящее время коммерческая концессия является одним из востребованных и эффективных инструментов ведения предпринимательской деятельности. В условиях современной российской рыночной экономики, которая, к слову, не может похвастаться обширной и богатой историей, правовому регулированию подобных правовых конструкций уделяется особое внимание законодателем и органами судебной власти. В частности, такое внимание уделяется исходя из важности развития различных способов ведения предпринимательской деятельности, эффективность которой является ключевым элементом развития экономики государства и благосостояния граждан. С учетом вышеизложенного актуальность научного исследования подобных правовых конструкций представляется достаточно очевидной и обоснованной.

Предметом настоящей статьи, в свою очередь, будет являться правовое регулирование участия таких юридических лиц, как некоммерческие организации, в отношениях, возникающих в рамках коммерческой концессии. Несмотря на то, что действующее законодательство Российской Федерации не предусматривает участия некоммерческих организаций в договоре коммерческой концессии, данный вопрос, на наш взгляд, должен являться объектом научной дискуссии в связи с изменяющимися условиями рыночных и иных социально-экономических процессов, протекающих в Российской Федерации.

Прежде чем переходить к непосредственному рассмотрению заявленного вопроса, необходимо обратиться к основным началам регулирования таких общественных отношений, как коммерческая концессия. Основной для подобного обращения будут являться положения Гражданского кодекса Российской Федерации.

В соответствии с частью 1 статьи 1027 Гражданского кодекса Российской Федерации по договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау) [2].

Необходимо выделить следующие элементы определения договора коммерческой концессии, которые представляют наибольшее значение для рассмотрения ранее заявленного вопроса.

Во-первых, в рамках договора коммерческой концессии можно передать комплекс прав исключительно в целях осуществления предпринимательской деятельности;

Во-вторых, в рамках договора коммерческой концессии допустима передача только комплекса исключительных прав, ко-

торые, в свою очередь, обладают особой значимостью при ведении предпринимательской деятельности.

Логичным продолжением понятия договора коммерческой концессии являются законодательно закрепленные возможные стороны договора коммерческой концессии.

Согласно части 3 статьи 1027 Гражданского кодекса Российской Федерации сторонами по договору коммерческой концессии могут быть коммерческие организации и граждане, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей [2].

В этой связи необходимо вспомнить, что является предпринимательской деятельностью и в чем заключаются различия между коммерческой и некоммерческой организациями.

В силу абзаца 3 части 1 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации предпринимательской деятельностью является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг [1].

Соответственно, действующее российское законодательство выделяет получение прибыли как основной критерий, отличающих предпринимательскую деятельность от иных видов деятельности.

Говоря о различии между коммерческими и некоммерческими организациями, необходимо отметить, что часть 1 статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации, давая определение обоим видам юридических лиц, выделяет в качестве критерия различия между ними извлечение прибыли в качестве основного вида деятельности юридического лица [1]. Указанное положение предполагает, что и коммерческие, и некоммерческие организации имеют право осуществлять предпринимательскую деятельность.

В свою очередь, ограничения в части ведения предпринимательской деятельности некоммерческими организациями устанавливаются в статье 24 Федерального закона от 12 января 1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», а также принимаемыми в ее развитие иными актами законодательства Российской Федерации [3]. Вместе с тем необходимо отметить, что основным ограничением в этой части является необходимость прямой связи между предпринимательской деятельностью некоммерческой организации и основным видом ее деятельности.

Так или иначе, предусмотренные действующим законодательством Российской Федерации ограничения напрямую не обуславливают ограничения, установленного для некоммерческих организаций в части участия в договоре коммерческой концессии в статусе стороны.

На наш взгляд, первопричиной такого ограничения является низкий уровень потребности самих некоммерческих организаций на участие в таком договоре. Учитывая, что договор коммерческой концессии чаще всего используется в таких сегментах предпринимательской деятельности, как торговля,

сфера общественного питания, производство товаров и услуг, направления деятельности некоммерческих организаций могут попросту не нуждаться в подобных правовых инструментах.

Кроме того, зачастую деятельность некоммерческих организаций в меньшей степени сталкивается с высоким уровнем конкуренции, что также не способствует возникновению производственно-хозяйственной потребности у таких организаций в использовании такой правовой конструкции как договор коммерческой концессии.

Также одной из вероятных причин такого ограничения может быть формирование законодателем альтернативных способов для ведения предпринимательской деятельности, в число которых входит, например, лицензионный договор.

Помимо этого, отсутствие у некоммерческих организаций права выступать стороной в договоре коммерческой концессии позволяет федеральному органу исполнительной власти по интеллектуальной собственности при проведении процедур государственной регистрации предоставления права использования в предпринимательской деятельности комплекса исключительных прав сосредоточить свою деятельность исключительно на деятельности коммерческих организаций.

Наряду с этим вышеуказанные возможные причины отсутствия у некоммерческих организаций права выступать стороной по договору коммерческой концессии представляется немотивированным ограничением правоспособности такой категории юридических лиц. Наличие у некоммерческих организаций права выступать стороной по договору коммерческой концессии не ограничивает и не препятствует задачам, поставленным законодателем при формировании такой правовой конструкции.

В доктрине включение в число возможных субъектов договора коммерческой концессии некоммерческих организаций также поддерживается рядом авторов.

Так, Еремин А. А. [5] и Бондаренко Д. П. [4, с. 11–12] относятся к сторонникам указанной позиции, обосновывая ее целесообразностью возможностью интегрирования в коммерческие концессионные соглашения лиц, осуществляющих общественно полезную деятельность, в том числе социальное предпринимательство.

На наш взгляд, подобное ограничение негативно сказывается на экономической стороне деятельности некоммерческих организаций. В частности, использование оправдавших себя ноу-хау, осуществление деятельности с использованием узнаваемых и обладающих хорошей репутацией товарных знаков могло бы стать одним из методов повышения эффективности деятельности отдельных категорий некоммерческих организаций, которые наряду с основным видом деятельности осуществляют предпринимательскую деятельность.

Наряду с этим на сегодняшний день не представляется возможным всесторонне оценить социально-экономические последствия принятия решения о предоставлении права некоммерческим организациям участвовать в договоре коммерческой концессии, поскольку указанное правовое регулирование никогда не применялось в Российской Федерации.

В связи с этим, на наш взгляд целесообразно рассмотреть возможность введения экспериментального правового режима для определенных категорий некоммерческих организаций, выражающихся в наделении их правом выступать стороной по договору коммерческой концессии. Указанное решение прогнозируемо приведет к возможности оценить актуальность для некоммерческих организаций договора коммерческой концессии, сформировать правоприменительную практику по указанному вопросу и выстроить соответствующее существующей системе общественных отношений нормативно-правовое регулирование.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28 июня 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — ст. 410.
3. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 3. — ст. 145.
4. Бондаренко, Д. П. Правовое регулирование договора коммерческой концессии в российском праве: специальность 12.00.03 «Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бондаренко Д. П.; Российская государственная академия интеллектуальной собственности. — Москва, 2013. — 27 с. — Текст: непосредственный.
5. Еремин, А. А. Франчайзинг и договор коммерческой концессии: теория и практика применения: монография / А. А. Еремин. — Москва: Юстицинформ, 2017. — 208 с. — Текст: непосредственный.

Коррупция в таможенных органах: понятие, причины появления и методы борьбы с ней

Костенко Роберт Леонидович, студент магистратуры
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В данной статье автором рассмотрены вопросы коррупции в таможенных органах и причины ее появления, рассмотрены основные направления борьбы с коррупционной составляющей в таможенных органах Российской Федерации.

Ключевые слова: коррупция, таможенные органы, коррупционные преступления, противодействие коррупции, методы борьбы с коррупцией.

Коррупция — злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, совершение деяний от имени или в интересах юридического лица [2].

При исследовании вопроса коррупции в таможенных органах следует принимать во внимание, что таможенные органы Российской Федерации играют важнейшую роль в пополнении казны государства, а также обеспечении национальной информационной безопасности.

«Помимо этого, органы таможенного контроля занимаются мониторингом перемещения через границу товаров, предметов и транспортных средств, поэтому коррупция в этой сфере может нанести колоссальный ущерб нормализации экономической стабильности как внутри страны, так и за ее рубежом» — поясняет Маховикова Г. А. [5].

С каждым годом количество дел коррупционной направленности в таможенной системе значительно возрастают. Также необходимо отметить то, что многие аналитики считают процесс возбуждения уголовных дел о коррупционной составляющей, как показатель ужесточения борьбы с коррупционной деятельностью в таможенных органах Российской Федерации. Но некоторые считают это отрицательным результатом по отношению к самим таможенным органам, так рост коррумпированной преступности в их среде значительно увеличивается [6].

И. А. Куделько проводя анализ структуры преступлений показал, «что самыми распространенными формами и предпосылками появления коррумпированной преступности в органах таможенного контроля считаются:

- а) злоупотребление должностными лицами своими служебными полномочиями;
- б) получение и дача взятки должностным лицом таможенных органов;
- в) недостаточная заработная плата, не соответствующая уровню квалификации таможенных органов;
- г) недостаточно высокий воспитательно-профилактический уровень подготовки руководителей таможенного контроля;
- д) служебный подлог, проявляющийся во внесении в документацию ложных сведений;

е) халатность, выражающаяся в неисполнении должностных полномочий служащими таможенных органов;

ж) иные преступления, совершенные против интересов государственной службы, приводящие к нестабильной экономической безопасности и т. д». [4].

В качестве примера можно привести случай, когда на скамье подсудимых оказалась специалист по таможенному оформлению, в отношении которой было возбуждено уголовное дело по части 25 статьи 219 Уголовного Кодекса российской Федерации «Дача взятки» (далее — УК РФ) и по части 1 статьи 291,1 УК РФ «Посредничество во взятке» [1]. Как выяснилось, в период с 2013 по 2018 года вышеуказанная «особа» передавала взятки должностным лицам Красноярского таможенного поста Красноярской таможни за общее покровительство, а также за беспрепятственный выпуск таможенных деклараций при таможенном оформлении ввозимых товаров на территорию РФ. Общая сумма взяток составила 155 тыс. рублей [7].

В заключении следует отметить, что одним из методов борьбы с коррупционной составляющей в таможенных органах является национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы реализуется который путем осуществления государственными органами, органами местного самоуправления и организациями мероприятий, направленных на предупреждение коррупции и борьбу с ней, а также на минимизацию и ликвидацию последствий коррупционных правонарушений, по различным направлениям, утвержденный указом Президента Российской Федерации В. В. Путиным 16 августа 2021 года [3], в котором отмечены основные направления:

- совершенствование системы запретов, ограничений и обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции в отдельных сферах деятельности;
- повышение эффективности мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов;
- совершенствование порядка проведения проверок достоверности и полноты сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, соблюдения запретов и ограничений, исполнения обязанностей, установленных в целях коррупции;
- совершенствование правового регулирования ответственности за несоблюдение антикоррупционных стандартов;
- применение мер административного, уголовного и уголовно-процессуального воздействия и уголовного преследования;
- обеспечение защиты информации ограниченного доступа, полученной при осуществлении деятельности в области противодействия коррупции;

— совершенствование правового регулирования в части, касающейся ограничений, налагаемых на граждан после их увольнения с государственной (муниципальной) службы;

— реализация мер по противодействию коррупции в организациях, осуществляющих деятельность в частном секторе экономики

— совершенствование правовых и организационных основ противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации

— совершенствование мер по противодействию коррупции при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок, осуществляемых отдельными видами юридических лиц, а также при распоряжении государственным и муниципальным имуществом

— реализация мер по повышению эффективности антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов

— повышение эффективности образовательных и иных мероприятий, направленных на антикоррупционное просвещение и популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов

— применение дополнительных мер по расширению участия граждан и институтов гражданского общества в реализации государственной политики в области противодействия коррупции

— повышение эффективности международного сотрудничества Российской Федерации в области противодействия коррупции.

Укрепление международного авторитета России

— реализация мер по систематизации и актуализации нормативно-правовой базы в области противодействия коррупции

— применение цифровых технологий в целях противодействия коррупции и разработка мер по противодействию новым формам проявления коррупции, связанным с использованием цифровых технологий [3].

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 05.10.2016)-М.: Юристъ, 2016 г.— 192 с.-ISBN978-5-91758-089-7.
2. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 №273 — ФЗ//принят Государственной Думой 19 декабря 2008 года.
3. Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы».
4. Куделько И. А. Коррупция как основной фактор снижения эффективности деятельности таможенных органов//И. А. Куделько//Экономика, государство, общество.-2010.-№ 2.
5. Маховикова Г. А., Павлова Е. Е. Таможенное дело.— М.: Юрайт, 2016.— 408 с.
6. Федоренко Д. Н. Противодействие коррупционным преступлениям в таможенных органах России: современное состояние и перспективы // Таможенное дело.— 2018.— № 2
7. Электронный ресурс: <https://zapad24.ru/news/territory/84349-v-krasnojarskom-krae-za-dachu-vzjatok-osuzhdena-specialist-po-tamozhennomu-oformleniju.html>.

К вопросу об обеспечении эффективности прокурорского надзора за исполнением органами следствия требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства

Куломзина Александра Андреевна, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Федеральным законом от 30.04.2010 № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ) была введена статья 6.1, часть 1 которой установила, что уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок. Уголовное судопроизводство осуществляется в сроки, установленные настоящим Кодексом [1; 2]. Продление этих сроков допустимо

в случаях и в порядке, которые предусмотрены настоящим Кодексом, но уголовное преследование, назначение наказания и прекращение уголовного преследования должны осуществляться в разумный срок (часть 2).

С включением требования о разумном сроке производства по уголовным делам в число базовых принципов уголовного судопроизводства возросла и роль прокурорского надзора по указанному направлению, что было обусловлено тем, что в силу частей 3 и 3.1 статьи 6.1 УПК РФ при оценке общей длительности уголовного судопроизводства среди прочего

учитывается достаточность и эффективность действий прокурора.

В связи с этим приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» (далее — приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544), а также совместные указания Генпрокуратуры России № 275/36 и других правоохранительных органов от 03.06.2015 «Об организации прокурорского надзора и ведомственного контроля за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» ориентируют прокуроров на надзор за обеспечением прав граждан на судопроизводство в разумные сроки, в том числе за соблюдением органами предварительного следствия разумного срока уголовного судопроизводства [3; 4].

Прокурорам предписано активно использовать имеющиеся в «арсенале» полномочия для организации надзора на указанном направлении. Так, в случае выявления органами прокуратуры нарушений рассматриваемой категории в адрес органов следствия вносятся соответствующие акты прокурорского реагирования — в частности, требование об устранении допущенных нарушений. Кроме того, прокурорами могут отменяться незаконные и необоснованные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, постановления о приостановлении производства по уголовному делу и др.

Между тем, за более чем десятилетний срок существования нормы, закрепленной статьей 6.1 УПК РФ, проблема чрезмерной длительности досудебного производства по уголовным делам сохраняется.

Еще в 2019 году Генеральным прокурором РФ отмечалось, что в 2018 году предварительное следствие по 38% уголовных дел проводилось в срок свыше установленного законом. Четверть из них, — о преступлениях небольшой тяжести, не представляющих особых трудностей в расследовании [5].

На сохраняющуюся актуальность приведенной проблемы указано и в новом приказе Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544, который в пункте 1.13 обязует прокуроров наладить действенный надзор за исполнением законов в части соблюдения сроков предварительного следствия и своевременного принятия процессуальных решений по уголовным делам.

О проблеме волокиты также свидетельствует судебная практика, предметно показывающая на наиболее распространенные нарушения требований закона о разумном сроке в зависимости от стадии досудебного производства.

Так основной причиной затягивания сроков на стадии проверки сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьями 144–145 УПК РФ, остается неоднократное принятие следователем незаконных и необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела.

В качестве примера может послужить кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15.09.2020 по делу № 88а-20777/2020, которым были оставлены без изменения судебные акты судов нижестоящих инстанций. Так обращает на себя внимание, что судом первой инстанции было установлено, что следователь 8 раз выносил постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по

мотиву отсутствия в действиях водителя С., состава преступления (постановления от 8 июня 2015 г., от 2 июля 2015 г., от 3 августа 2015 г., 27 августа 2015 г., 19 ноября 2015 г., 28 декабря 2015 г., 6 февраля 2016 г., 20 июля 2019 г.). Все указанные постановления были отменены с указанием на их необоснованность по мотиву неполноты проведенной проверки [6]. Детальный анализ представленных суду материалов свидетельствовал о том, что указания прокурора следователем не выполнялись, ряд постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по тому же основанию был принят следователем вообще без проведения каких-либо дополнительных действий в целях установления всех юридически значимых обстоятельств происшествия. Несмотря на неоднократное указание надзорного органа о необходимости опроса очевидцев происшествия, их объяснения получены не были.

На стадии предварительного следствия его длительность зачастую обосновывается необходимостью проведения большого объема следственных и процессуальных действий, назначения многочисленных судебных экспертиз и длительностью их производства. Вместе с тем, наравне со сложностью уголовного дела причиной затягивания расследования часто становится принятие следователем (дознавателем) необоснованных и незаконных постановлений о приостановлении производства по уголовному делу.

Кассационным определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16.06.2021 № 88а-13309/2021 по делу № 3а-4711/2020 оставлены без изменения судебные акты судов нижестоящих инстанций. Так судами было установлено, что по уголовному делу, возбужденному в отношении неустановленных лиц по признакам состава преступления, предусмотренного п. «б, в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, продолжительность дознания и следствия с момента подачи заявления о возбуждении уголовного дела (13 февраля 2016 года) и до даты вынесения постановления о приостановлении предварительного следствия (6 апреля 2020 года) составила 4 года 6 месяцев.

Судом среди прочего было отмечено, что, несмотря на то, что 16 ноября 2018 года первым заместителем Преображенской межрайонной прокуратуры города Москвы при отмене постановления о приостановлении производства по уголовному делу от 16 апреля 2016 года даны указания о незамедлительном производстве следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, производство по данному уголовному делу возобновлено временно исполняющим обязанности начальника СО ОМВД России по району Гольяново г. Москвы только 6 марта 2020 года.

Таким образом, с даты вынесения прокурором требования от 16.11.2018 до даты принятия дела к производству следователем прошел 1 год 3 месяца и 20 дней, что не могло не сказаться на увеличении срока предварительного расследования.

Отдельные авторы связывают подобные нарушения требования закона о судопроизводстве в разумный срок с нагрузкой, которая в абсолютном большинстве случаев определяет темп расследования уголовных дел, одновременно находящихся в производстве следователя [7].

Вместе с тем, приведенные примеры судебной практики показывают, что причиной затягивания досудебного производ-

ства по уголовным делам на его различных этапах можно также назвать ненадлежащую организацию проверочных мероприятий, предварительного следствия и последующее игнорирование следователем требований прокурора, что сводит к формализму надзорную деятельность последнего.

В свете изложенного, представляется, справедливой позиция Попова А. А., который считает, что объектом пристального внимания лиц прокурорского надзора должны быть достаточность и эффективность действий руководителя следственного органа, осуществляющего ведомственный контроль за следователем [8].

Вместе с тем, приведенная правоприменительная проблема прокурорского надзора осложнена признанием утратившим силу приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 12.07.2010 № 276 «Об организации прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства», что необоснованно снизило актуальность вопроса обеспечения уголовного судопроизводства в разумный срок [9].

Автор настоящей статьи считает, что для решения проблемы волокиты по уголовным делам необходим комплексный

подход, включающий в себя должную организацию и прокурорского надзора в указанной сфере, а именно:

— принятия руководящего приказа по указанному направлению прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие с учетом актуальных тенденций правоприменительной практики;

— недопустимость «сращивания» органов следствия и прокуратуры;

— надлежащая проверка прокурорами жалоб участников уголовного процесса в части нарушения процессуальных сроков;

— своевременное реагирование прокурорами на подобные нарушения, что предполагает недопустимость внесения актов прокурорского реагирования «задним числом».

Таким образом, эффективность прокурорского надзора за исполнением органами следствия требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства напрямую зависит от грамотной организации надзорных мероприятий, включающей в себя активное использование прокурорами полномочий при надлежащем выполнении своих обязанностей.

Литература:

1. Федеральный закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Указание Генпрокуратуры России № 275/36, СК России 1/206, МВД России № 2/5443, МЧС России № 195, ФССП России № 1-у, ФСБ России № 21, ФСКН России № 4, ФТС России № 1081 от 03.06.2015 «Об организации прокурорского надзора и ведомственного контроля за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «О состоянии законности и правопорядка в 2018 году и о проделанной работе по их укреплению» [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/special/smi/news/news-1590590/>
6. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15.09.2020 по делу № 88а-20777/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Боруленков Ю. П. Фиксированные сроки следствия как рудимент российского уголовного процесса // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник научно-практических трудов. Выпуск 3.— М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014.— С. 59–65.
8. Попов А. А. Прокурорский надзор за соблюдением следственными органами разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Юридические исследования.— 2016.— № 11.— С. 9–17. DOI: 10.7256/2409–7136.2016.11.2106 URL: https://e-notabene.ru/lr/article_21065.html
9. Приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 543 «О признании утратившим силу приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 12.07.2010 N276 «Об организации прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» // СПС «КонсультантПлюс».

Трудовые споры и порядок их разрешения

Куприянова Екатерина Евгеньевна, юристконсульт
ООО «Ульяновсктрансстрой» (г. Ульяновск)

Во взаимоотношениях работодателей и работников стороны имеют различные интересы, что формирует благодатную почву и выступает объективной причиной для возникновения конфликтов и разногласий, вытекающих из трудовых отношений. Столкновение противоречивых интересов работодателя и работников либо нарушение руководителем (администрацией) трудовых прав работника нередко порождают разногласия между ними, перерастающие в трудовые споры — коллективные и индивидуальные. Целью исследования является разрешение трудовых споров на основе российского законодательства.

В данной статье, мы постараемся раскрыть понятие трудового спора, рассмотрим процедуры разрешения разных видов трудовых споров.

Ключевые слова: спор, труд, производство, коллективный спор, индивидуальный спор, защита прав, трудовые права.

В России право граждан на рассмотрение индивидуальных и коллективных трудовых споров, включая забастовку — относится к числу конституционных гарантий, обеспечивающих конституционное же право граждан на свободный труд [1]. Эти архиважные для всех трудящихся россиян конституционные гарантии детализируются и развиваются с учетом федеральных законов, иных нормативных правовых актов, в том числе в актах, принимаемых работодателями и даже в трудовом договоре конкретного работника.

В повседневной жизни интересы работодателя и нанимаемого им работника не совпадают скорее как правило, а не как исключение. Эти несовпадения, могут обостряться на каком-то этапе отношений работодателя и работника, что приводит к возникновению трудового конфликта. Современное российское трудовое законодательство в большей степени решает вопросы трудовых споров, регулируя порядок рассмотрения и разрешения трудовых конфликтов. Конституция Российской Федерации равно признает право трудящихся как на индивидуальные, так и коллективные трудовые споры — но только способами, установленными федеральными законами. Как крайний способ разрешения коллективного трудового спора признается и право работников на забастовку. К сожалению, объем контрольной работы не позволяет включить забастовку в число рассматриваемых вопросов.

Содержание трудового спора, по существу, составляет требование реализации права работника либо работодателя, которое предусматривается в Трудовом кодексе, иных федеральных законах, коллективных договорах, трудовых договорах или изменении их условий [9].

Трудовой спор становится таковым с момента, когда работник (трудовой коллектив) и работодатель выносят разрешение своих противоречий в юрисдикционный орган.

Действующая редакция ТК РФ, содержит следующее определение индивидуального трудового спора: трудовой спор это — «неурегулированные разногласия между работодателем и работником по вопросам применения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, коллективного договора, соглашения, локального нормативного акта, трудового договора (в том числе об установлении или изменении индивидуальных условий труда), о которых заявлено в орган по рассмотрению индивидуальных трудовых споров» [2].

Как то следует из процитированного определения, — сторонами индивидуального трудового спора выступают работодатель и работник. Причем работник может быть как действующим, так и бывшим — по вопросам, относящимся к содержанию трудового отношения, в котором он состоял с этим работодателем в прошлом. Стороной спора может оказаться и потенциальный, не состоявшийся работник — которому было отказано в приеме на работу.

Инициировать рассмотрение индивидуального трудового спора могут не только сами стороны трудового договора, но и иные субъекты, в частности: профсоюзный комитет, не согласившийся с решением комиссии по трудовым спорам; прокурор — в случае несоответствия решения комиссии по трудовым спорам трудовому законодательству.

Определение понятия коллективного трудового спора, так же как и индивидуального трудового спора, сформулировано в ТК РФ (ст. 398). «Коллективный трудовой спор — это неурегулированные разногласия между работниками (их представителями) и работодателями (их представителями) по поводу установления и изменения условий труда (включая заработную плату), заключения, изменения и выполнения коллективных договоров, соглашений, а также в связи с отказом работодателя учесть мнение выборного представительного органа работников при принятии локальных нормативных актов».

Если проанализировать данное определение, то логически можно вычленить несколько признаков, свойственных именно коллективным трудовым спорам. В первую очередь это затрагивает субъектный состав — требования работодателю должны предъявляться не отдельными работниками, а трудовым коллективом в целом. Структура коллектива может варьироваться в зависимости от того на каком уровне развивается спор: на уровне одного предприятия, либо на уровне отрасли, либо межотраслевым, региональным и федеральном уровне [8]. Второе отличие коллективного спора от индивидуального заключается в предмете спора. Предметом коллективного спора могут быть: разногласия по установлению и изменению условий труда; разногласия по поводу коллективного договора; отклонение администрацией работодателя предложений профсоюзного органа при принятии локальных нормативных актов. Иными словами — коллективный трудовой спор не может быть связан с нарушением законодательства.

Разграничение и правильное определение вида возникшего трудового спора имеет существенное практическое значение, так как трудовым законодательством установлены различные способы разрешения индивидуального и коллективного трудового спора.

Инициатива по рассмотрению коллективного трудового спора может исходить исключительно от работников предприятия либо их представителей.

Индивидуальный трудовой спор, если он не был урегулирован работником самостоятельно при непосредственном общении с администрацией (работодателем) подлежит рассмотрению комиссией по трудовым спорам (КТС), если работник туда обратиться. Порядок рассмотрения индивидуального трудового спора в КТС полностью регулируется нормами ТК РФ (ст. 382–389) [2]. Работник имеет право обратиться в КТС для рассмотрения индивидуального трудового спора, за исключением тех споров, которые должны рассматриваться непосредственно в суде. Вместе с тем, работник вправе обратиться в суд, минуя КТС. Срок обращения в КТС — три месяца со дня, когда работник узнал или должен был узнать о нарушении своего права.

Порядок рассмотрения спора в КТС состоит в регистрации поступившего заявления, после чего начинается течение десятидневного срока в течении которого КТС должна рассмотреть спор. Спор может быть рассмотрен в отсутствие заявителя только по его письменному заявлению. При повторной неявке работника (его представителя) без уважительных причин КТС может снять заявления работника с рассмотрения, однако это не лишает права работника на повторную подачу заявления.

Заседание КТС проводится (правомочно) при наличии не менее 50% членов комиссии избранных от каждой из сторон (работники — работодатель). В ходе заседания ведется протокол в котором отражаются ход рассмотрения спора и все возникающие вопросы: ходатайства сторон, аргументация позиции, выступления свидетелей и т.д. Протокол подписывается председателем КТС, а в его отсутствие — его заместителем и заверяется печатью КТС (ст. 387 ТК РФ) [2].

Решение КТС принимается простым большинством голосов участвующих в заседании членов комиссии. Голосование тайное. Принятое КТС решение должно быть мотивированным, основываться на материалах дела, законах и иных нормативных правовых актах. Решение подписывается председателем и заверяется печатью. Заверенные копии решения КТС вручаются работнику и работодателю в трехдневный срок со дня принятия решения (ст. 388 ТК РФ) [2]. Решение может быть обжаловано в суд заинтересованным работником или работодателем в течение 10-дневного срока со дня вручения им копий решения.

Рассмотрение индивидуальных трудовых споров в суде общей юрисдикции регламентируется общими и специальными нормами ГПК РФ [3] и частично — нормами ТК (ст. 390–397). Как указано в пункте 2 Постановления Пленума ВС РФ — «ТК РФ не содержит положений об обязательности предварительного внесудебного порядка разрешения трудового спора в КТС. Лицо, считающее, что его права нарушены, по собственному усмотрению выбирает способ разрешения индиви-

дуального трудового спора и вправе первоначально обратиться в КТС (кроме дел, которые рассматриваются непосредственно судом), а затем, в случае несогласия с решением КТС, — в суд в 10-дневный срок со дня вручения копии решения комиссии, либо сразу обратиться в суд».

Правом на обращение в суд за разрешением индивидуального трудового спора наделены: работник, работодатель, профсоюз в защиту работника, прокурор [7].

В случае, если на предприятии (учреждении) КТС не образована, то работники такого предприятия имеют возможность пользоваться только судебным способом разрешения трудового спора.

Дела по спорам, возникающим из трудовых правоотношений, подведомственны судам общей юрисдикции.

Суд при разрешении исковых заявлений по индивидуальным трудовым спорам руководствуется нормами материального права, изложенными в ТК РФ, иных федеральных законодательных актах, регулирующих трудовые отношения, ведомственными нормативными актами (приказы, инструкции), нормативными актами принятыми у работодателя (коллективный договор, положение об оплате труда и премировании, функциональные обязанности работника и т.д., а также индивидуальные трудовые договоры, приказы о приеме на работу и т.п. Кроме того, суд руководствуется общепризнанными принципами и нормами международного права и международных договоров Российской Федерации, являющихся составной частью ее правовой системы. Процессуальные вопросы рассмотрения трудового спора регламентируются ГПК РФ. Особое значение предается разъяснениям норм трудового права, данным в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Решения суда по индивидуальному трудовому спору вступают в законную силу на общих основаниях — по истечении срока на апелляционное обжалование, если они не были обжалованы [6]. Исключение составляет решение о восстановлении на работе незаконно уволенного работника, о восстановлении на прежней работе работника, незаконно переведенного на другую работу. Эти решения суда подлежат немедленному исполнению. При отсутствии добровольного исполнения работодателем решения суда оно исполняется в принудительном порядке через службу судебных приставов.

Процедуры разрешения коллективного трудового спора могут включать от одного до трех этапов: 1) примирительная комиссия; 2) примирительная комиссия — посредник; 3) примирительная комиссия — трудовой арбитраж; 4) примирительная комиссия — посредник — трудовой арбитраж.

И так, первым этапом процедуры разрешения трудового спора является *примирительная комиссия*. Работодатель, равно как вторая сторона спора не имеют права уклоняться ни от создания примирительной комиссии ни от участия в ее работе. Если случится так, что работодатель все же бойкотировать работу комиссии, то спор на основании ч. 1 ст. 416 ТК РФ передается на рассмотрение в трудовой арбитраж. Кроме ТК РФ, процесс создания и деятельности примирительной комиссии освещен в Рекомендациях Минтруда России [5]. Сроки для рассмотрения коллективного трудового спора примирительной комиссией установлены в зависимости от уровня социального

партнерства: спор на локальном уровне должен быть рассмотрен в срок до трех рабочих дней, на иных уровнях — в срок до пяти рабочих дней со дня издания соответствующих актов о ее создании. Результатом работы (заседаний) примирительной комиссии является разработка и принятие решения, обязательного для сторон спора. Если принятым решением учтены все имевшиеся разногласия сторон, то коллективный трудовой спор оканчивается. В тех случаях, когда согласованы не все разногласия, или согласие вообще не достигнуто — составляется протокол разногласий. После этого участники спора обязаны продолжить переговоры определяя возможность дальнейшего рассмотрения коллективного трудового спора с участием посредника и (или) в трудовом арбитраже.

Процедура рассмотрения коллективного трудового спора с участием посредника (данная стадия является добровольной) в общих чертах прописана в ст. 403 ТК РФ. Конкретный порядок разрешения каждого коллективного спора с участием посредника определяется специальным соглашением сторон. После заключения соглашения сторонам дается два дня на согласование кандидатуры посредника. Последний может быть выбран участниками спора самостоятельно, либо по рекомендации Роструда, который ежегодно составляет списки лиц, предлагаемых сторонам в качестве посредников. Если в установленный срок кандидатура не согласована — стороны приступают к переговорам о рассмотрении коллективного трудового спора в трудовом арбитраже. Задача посредника — оказать помощь сторонам в выработке согласованной позиции. Посредник не может принимать решений по существу спора. Разрешение коллективного трудового спора на этой стадии может завершиться либо принятием сторонами согласованного решения в письменной форме, либо составлением протокола разногласий. В последнем случае стороны обязаны провести переговоры о рассмотрении коллективного трудового спора в трудовом арбитраже.

Завершающая стадия примирительных процедур — *трудовой арбитраж*. Правила разрешения спора в трудовом арбитраже сформулированы в ст. 404 ТК РФ. О согласии на рассмотрение коллективного трудового спора в трудовом арбитраже

стороны заключают соглашение, после чего они обязаны создать временный трудовой арбитраж либо передать его на рассмотрение в постоянно действующий трудовой арбитраж. Трудовой арбитраж создается в составе трех человек из числа трудовых арбитров. При рассмотрении спора в арбитраж допускаются представители сторон рассматриваемого спора. Трудовой арбитраж заканчивается принятием решения по существу спора в письменной форме. Решение является обязательным для сторон, поскольку ранее ими подписывается соглашение об обязательном подчинении этому решению. Если в течение установленного срока трудовой арбитраж не примет решения по существу спора, работники имеют право объявить забастовку.

Итак, трудовые споры есть разногласия между субъектами трудового права (работодателями и работниками) по поводу установления условий труда или заключения трудового договора, а также применения норм трудового законодательства, о которых одна из сторон заявила в орган по рассмотрению трудовых споров. По субъектному составу и предмету все споры делятся на индивидуальные и коллективные.

Нормативно-правовая база разрешения трудовых споров состоит из Конституции Российской Федерации, Федеральных Законов содержащих нормы трудового права (в первую очередь ТК РФ), нормативных актов субъектов федерации и актов, принимаемых работодателями в одностороннем порядке либо совместного с трудовым коллективом с участием профессиональных союзов.

Порядок рассмотрения индивидуальных трудовых споров регулируется гл. 60 (ст. 381–397) ТК. Порядок разрешения коллективных споров регулируется гл. 61 (ст. 398–418) Кодекса. Судебная практика показывает, что досудебное урегулирование индивидуальных трудовых споров в России неэффективно и используется достаточно редко.

Повышение правовой грамотности персонала работодателя, особенно кадровых служб, разъяснительная работа, соблюдение законности помогут устранить основные причины индивидуальных споров и привести к снижению их общей численности.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации»: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — 25 дек.; Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/10103000/>, 2019.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. N197-ФЗ (ТК РФ) // «Российская газета». — 2001. — 31 дек. (редакция от 01.04.2019) Ст. 381. // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12125268/paragraph/6963504:0/>, 2019.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N138-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // «Российская газета». — 2002. — 20 нояб. // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/12128809/#ixzz5ZkEzqxcQ/>, 2019.
4. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. N193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (с изменениями и дополнениями) // «Российская газета». — 2010. — 30 июль. // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/12177508/#ixzz5a7uO2q1s/>, 2019.
5. Постановление Минтруда РФ от 14 августа 2002 г. N57 «Об утверждении Рекомендаций об организации работы по рассмотрению коллективного трудового спора примирительной комиссией» // Учет. Налоги. Право — «Официальные до-

кументы» — 2002. — 18 сен. // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/12128167/#ixzz5Z-ky57wui/>, 2019.

6. Дзгоева-Сулейманова, Ф. О. Трудовое право. Краткий курс. Учебное пособие / Ф. О. Дзгоева-Сулейманова. — М.: Проспект, 2016. — 176 с.
7. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (отв. ред. В. Л. Гейхман, Е. Н. Сидоренко). — 8-е изд., испр. и доп. — «Юрайт», 2012. // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/55070756/>, 2019.
8. Белянинова, Ю. В. Трудовое право. Учебный курс / Ю. В. Белянинова. — Москва: Приор-издат, 2017. — 222 с.
9. Трудовое право России. Учебник. — Москва: Проспект, 2016. — 624 с

Анализ типичных ошибок, допускаемых при проведении оперативного эксперимента по делам о взяточничестве

Логманов Хаял Ичметович, студент магистратуры;
Велиева Регина Шихали кызы, студент магистратуры;
Ярунгина Кристина Валерьевна, студент магистратуры
Самарский государственный экономический университет

В статье авторы пытаются проанализировать результаты изучения уголовных дел о взяточничестве, литературных и информационно-источников и выявить наиболее типичные ошибки при проведении оперативных экспериментов.

Ключевые слова: взяточничество, оперативный эксперимент, типичные ошибки.

В современной России продолжается рост преступлений в сфере экономики. При этом степень раскрываемости указанного вида противоправных деяний продолжает оставаться невысокой. Одной из причин сложившегося положения является низкое качество проведения оперативно-розыскных мероприятий. Кроме того, криминальный мир демонстрирует тенденцию к сплочению, такие вызовы диктуют необходимость грамотного сотрудничества профессионалов в области следствия и сыска. Большинство преступлений вышеназванной категории тщательно планируются, готовятся длительное время, соответственно они неизбежно оставляют следы на предметах и в сознании людей. Задача заключается в том, чтобы их выявить, зафиксировать и придать им доказательственное значение.

Изучение уголовных дел по преступлениям в сфере экономики свидетельствует, что самым распространенным мероприятием при их проведении является оперативный эксперимент. Последний нередко служит основанием к возбуждению уголовного дела, в том числе, по делам о взяточничестве. Проведенный анализ следственной практики, включая региональную, обращение к статистическим данным, показывают, что проведение оперативного эксперимента сопровождается целым рядом нарушений. Нам показалось интересным разобраться в причинах сложившейся ситуации, напрямую влияющей на раскрытие и расследование экономических преступлений.

Нарушение первое связано с тем, что постановление о проведении оперативного эксперимента выносится и подписывается лицом, которое не обладает для этого надлежащими полномочиями. Утверждение соответствующего процессуального документа находится в компетенции руководителя структурного подразделения ОРД, соответственно вместо него это не

вправе сделать ни его заместитель, ни тем более рядовой оперативник.

Данная ошибка весьма распространена и имеет несколько вариантов, объединяет их то, что нарушения допускаются в составлении документации, сопровождающей это розыскное мероприятие. В частности, в ходе эксперимента составляются разного рода акты и справки. Зачастую их подписывают участковые, сотрудники охраны. Однако эти лица не обладают соответствующими полномочиями, они не относятся к числу субъектов, имеющих право заниматься ОРД (перечень таковых носит исчерпывающий характер и приведен в тексте закона). Очевидно, что участковый может быть приглашен для участия в подобной акции, но статусом и компетенцией оперативника он не обладает, а решает при этом другие задачи в рамках своих служебных обязанностей. Такие нарушения относятся к существенным. Как показывает практика, они могут привести к тому, что обвинение окажется не в состоянии отстоять свой тезис.

Следующая ошибка связана с тем, что в постановлении не приводятся основания, по которым принято решение о проведении оперативного эксперимента. Здесь также возможны варианты. Наиболее часто в тексте постановления приводится фраза-штамп, что некое лицо требовало деньги у другого. Подобное предложение не несет никакой правовой нагрузки, его нельзя соотносить с составами преступлений, содержащимися в уголовном законе. Более того, такое требование может носить и вполне правомерный характер, если оно связано с желанием вернуть ранее данный взаймы денежные средства. Ситуация тогда не выходит за рамки гражданско-правового спора. Очевидно, что в описательной части подобного постановления надо четко обозначить признаки конкретного противоправного деяния.

Второй типичный недочет, когда в суд в качестве свидетеля вызывается оперативник, который не может четко ответить на вопрос о том, из каких источников, когда, при каких обстоятельствах, он получил сведения, послужившие основанием для проведения ОРМ. Обычно, сотрудник полиции начинает ссылаться на служебную тайну, на данные учета, на необходимость сохранения негласных сведений об агентуре, а иногда, как показало приведенное в предыдущем параграфе уголовное дело на наличие признаков государственной тайны. Такой подход позволяет стороне защиты с полным основанием говорить о том, что решение о проведении эксперимента было принято в отсутствие достаточных для этого оснований, произвольно, а, значит, с нарушением прав и интересов конкретного фигуранта.

Во избежание подобных нарушений в правоприменительной практике предлагается обязать оперативников подробно описывать в составляемых ими документах основания проведения ОРМ. Целесообразно, чтобы ими был составлен предварительный рапорт, в котором при всех прочих подлежит обозначению основание проведения эксперимента. Кроме того, соответствующие данные приводятся в постановлении о предоставлении полученных результатов ОРД. Выходом из ситуации мог бы стать допрос следователем в досудебных процедурах оперативных работников [1], с постановкой им вопроса о том, какими основаниями они руководствовались, принимая решение о проведении данного ОРМ. У рядовых сотрудников, которых допрашивать следует в статусе свидетелей, необходимо выяснить: была ли в их распоряжении оперативная информация о том, что объект системно принимает незаконное вознаграждение [2].

Третья ошибка относится к путанице в категории преступления, поскольку по делам небольшой тяжести проводить оперативный эксперимент нельзя. Вместе с тем данное мероприятие требует серьезной подготовки, внимания к ходу проведения, тщательной фиксации, что свидетельствует о его трудоемкости и процессуальной значимости. Очевидно, что по несложным делам, не представляющим серьезной опасности его проведение нецелесообразно. В этом смысле нужно детально анализировать обращение заявителя.

Следующий случай связан с ситуацией, когда эксперимент проводится в отсутствие постановления [3]. Данный документ требуется по прямому указанию закона, причем утверждается он конкретным руководителем розыскного подразделения. Называет процессуальный акт «Постановление о проведении оперативного эксперимента». Он подлежит обязательному помещению в учетное дело (при этом прилагается сопроводительное письмо, с обозначением указания, где он находится), а в случае последующего возбуждения в уголовное.

Достаточно спорным является вопрос о необходимости присутствия понятых при проведении соответствующего мероприятия. В зависимости от ответа на него можно говорить о наличии либо отсутствии следующей ошибки. Анализ документального оформления ОРД показывает, что при проведении оперативного эксперимента выделяется несколько этапов, к участию в которых привлекаются понятые [4]. Вместе с тем нормативно их присутствие при непосредственном проведении эксперимента не требуется [5]. Между тем даже привлекая по-

нятых, оперативники допускают определенные нарушения. Так, они не объясняют им смысл участия в конкретном ОРМ, зато начинают перечислять права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, заставляя за это расписаться в акте. Между тем подобное требование в законодательстве об ОРД отсутствует, а соответствующее мероприятие не относится к числу следственных действий, поэтому на него данное процессуальное правило не распространяется [6].

Дальше начинают возникать дополнительные проблемы, связанные с тем, что понятые не являются по вызовам дознавателя и следователя. Обеспечивать дачу ими показания достаточно сложно. Но даже в этом случае, они часто их меняют, причина, в основном, заключается в том, что со временем содержание первичных ими просто забывается и включается механизм замещения информации.

Нередко выявляется, что эти лица были изначально заинтересованными, что исключало возможность их участия в принципе, но они скрыли эти обстоятельства от оперативников и поэтому были привлечены. Ни при каких условиях нельзя приглашать в качестве понятых приятелей, родственников лиц, в отношении которых планируется ОРС, а также знакомых сотрудников ОРД, а также студентов, стажеров, внештатных и вольнонаемных работников соответствующих подразделений. Желание усилить доказательственное значение эксперимента за счет привлечения понятых, как дополнительного средства фиксации полученных данных, может превратиться в противоположность, поскольку результаты могут перейти в разряд недопустимых из-за нарушений, связанных с участием этих лиц. Однако не будем отрицать, что есть случаи, когда их участие, напротив, помогает спасти доказательственную ценность эксперимента, когда суд допрашивает их относительно значимых для разрешения дела обстоятельств.

В теории ОРД рекомендуется, что если в соответствующих мероприятиях принимают участия лица со стороны, то не целесообразно называть их понятыми, во избежание путаницы с процессуальным контентом и следственными действиями. Более правильно называть их представителями общественности или незаинтересованными лицами [7]. Однозначно не требуется разъяснять им процессуальные права и обязанности, предупреждать об ответственности, со ссылкой на нормы закона, регламентирующего порядок проведения следственных действий.

По поводу подбора таких фигурантов нужно руководствоваться критерием тщательности. Безусловно, это должны быть законопослушные граждане, ранее не судимые. При этом им необходимо разъяснить важность их явки по вызовам, особенно в суд, поскольку их показания могут носить исключительно значимый характер. Персональные данные этих лиц подлежат максимальному засекречиванию. Данное обстоятельство важно с точки зрения их защиты от возможного воздействия, если заинтересованные лица попытаются повлиять на их показания с целью изменения таковых в их пользу. В ходе расследования и судебного разбирательства необходимо установить, что эти лица действительно присутствовали при проведении оперативного эксперимента и видели конкретные факты, имеющие правовое значение (изъятие денежных средств, с пометками). Если имеются противоречия в их показаниях, которые они давали

в разное время, то требуется таковые устранить, чтобы не было сомнений в их правдивости.

Шестая ошибка связана с тем, что под видом оперативного эксперимента проводится другое розыскное мероприятие, которое по-разному именуют. Например, в изученных уголовных делах нам встретилась формулировка «ОРМ по изобличению признаков вымогательства взятки». Однако подобных мероприятий законодательство о розыскной деятельности не знает, там указан именно оперативный эксперимент, поэтому подобные подмены неприемлемы.

Седьмая ошибка вытекает из смешения разного рода процедур. На практике это выглядит следующим образом. Вначале проводится оперативный эксперимент, в ходе которого устанавливается факт получения взятки, а затем составляет протокол административного правонарушения, где отражается факт изъятия у фигуранта денежных средств. Подобная «интеграция» недопустима, поскольку административный проступок никак не связан с оперативно-розыскной деятельностью. Вполне обоснованно после эксперимента провести задержание, досмотр, изъятие вещей, документов, но не надо происходящее сводить к административным процедурам. Это разные виды деятельности, иной порядок ответственности, свои специальные требования и критерии.

Восьмое нарушение определено проведением незаконных досмотра и изъятия каких-то объектов, если при этом ссылаются на законодательство об ОРД или административные нормы, поскольку в указанных актах подобные основания не приведены. Досмотр не относится к числу ОРМ, хотя на практике весьма распространен. Такого рода процедура, в отношении конкретного лица, вещей, автомобиля, помещений, производственных площадок, документов, считается обеспечительной мерой в рамках административного производства, порядок ее проведения регламентируется КоАП РФ и не следует все это переносить на ОРД. В компетенцию сотрудников полиции входят такого рода полномочия, однако не каждый сотрудник этого ведомства является оперативником, поэтому сам этот статус вовсе не свидетельствует о проведении ОРМ.

К числу значимых ошибок относится провокация взятки. Подобные действия уголовно-наказуемы и квалифицируются статье 304 УК РФ. Помимо этого, в таких случаях можно усмотреть подстрекательство в совершении иных преступлений. Дело в том, что инициатором передачи незаконного вознаграждения должен выступать именно взяточполучатель, а не взяточдатель (пошедший на сотрудничество), умаляющий его взятку деньги. В этом смысле показать реальность происходящего помогают аудио и видео записи, где отражается фактически имевшее место событие. Настойчивость фигуранта, согласившегося участвовать в эксперименте, может быть истолко-

вана, как подстрекательское действие. Кроме того, ведется стенограмма разговора участников ОРМ, ее по окончании акции надо сравнить с записью. Понятно, что между ними не должно быть никаких разночтений.

Десятая ошибка вытекает из нарушений особого порядка, речь идет о соблюдении права на неприкосновенность жилища, соответственно для проведения на такой площадке оперативного эксперимента обязательным является получение судебного решения. Сейчас много говорится о том, что такое санкционирование невозможно получить быстро, а именно временной показатель часто обеспечивает эффективность ОРМ. В этой связи достаточно артикулировано в последнее время высказываются предложения о введении в нашей стране должности следственного судьи, у которого будут весьма обширные полномочия на досудебных стадиях процесса, в том числе, и соответствующее санкционирование [8].

Есть нарушение, связанное с тем, что не обеспечены гарантии неприкосновенности (например, депутатской, адвокатской). На практике по делам о взяточничестве нарушаются права лиц, имеющих статус адвокатов, осуществляющих защиту по делам о взяточничестве. Недопустимо понуждать их к даче показаний относительно сведений, которые стали им известны при оказании юридической помощи своему подзащитному, поскольку они составляют предмет адвокатской тайны. Не имеет никакого значения: известно ли было оперативникам о наличии у фигуранта соответствующего статуса.

Изучая уголовные дела, мы обратили внимание на то, что, выступая в прениях, адвокаты-защитники любые нарушения считают существенными, требуя на этом основании исключить результаты оперативного эксперимента из круга доказательств. Аналогичную позицию они занимают при написании письменных ходатайств, где ссылаются на недопустимость конкретного ОРМ.

Оптимально, чтобы допущенные нарушения представители стороны обвинения увидели как можно раньше, лучше, если раньше, чем в деле начнет участвовать адвокат-защитник. В этом случае у них будет время на устранение недостатков. Иногда эти нарушения выявляются только в стадии судебного разбирательства. Здесь важна позиция государственного обвинителя, в задачу которого входит аргументировано убедить суд в законности представленных материалов оперативного эксперимента.

Завершая сказанное, отметим, что результат соответствующей акции не всегда приводит к изъятию предмета взятки. Ограничения данной деятельности не позволяют проводить досмотр объектов и лиц-участников. Соответствующие нормативные пробелы в некоторых случаях позволяют виновным во взяточничестве субъектам избежать ответственности.

Литература:

1. Карачёва А. С., Глухов Н. А. Тактические ошибки следователя при раскрытии преступлений // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. LXIX междунар. студ. науч.-практ. конф. № 10 (69). URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/10\(69\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/10(69).pdf) (дата обращения: 02.10.2021)
2. Щигорев Л. А. Некоторые аспекты взаимодействия следователя с оперативно-розыскными органами // Молодой ученый. — 2019. — № 49. — С. 453–455.

3. Князев М. В. Проблемы, возникающие при проведении оперативно-розыскных мероприятий в отношении этнических преступных групп // Молодой ученый. — 2018. — № 2. — С. 178–181.
4. Митрясова А. с. К вопросу о проблемах участия понятых в уголовном судопроизводстве РФ // Молодой ученый. — 2018. — № 18. — С. 250–253.
5. Черипко Д. П. К вопросу о целесообразности участия понятых в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. — 2013. — № 1 (12). — С. 129–132.
6. Глущенко А. П. Условия участия общественности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (на примере института понятых) // Вестник АГУ. — 2015. — 2 (158). — С. 251–256.
7. Глущенко А. П. Указ. соч. — С. 251–256.
8. Милова И. Е. Следственный судья: возрождение института // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2016. — Том 1. — № 2. — С. 196–202.

Достоинства и недостатки приказного производства

Миронов Кирилл Олегович, студент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Воронежский филиал

В статье автор попытался раскрыть основные преимущества и недостатки приказного производства, которые отличают его от общего порядка рассмотрения дел в рамках гражданского и арбитражного процессов.

Ключевые слова: судебный приказ, приказное производство, гражданский процесс, арбитражный процесс, взыскание, преимущества, недостатки.

Судебный приказ, являясь специфической процедурой, имеет свои особенности и достаточно яркие преимущества и недостатки от общего порядка рассмотрения дел.

Среди недостатков в первую очередь необходимо отметить невозможность использования обеспечительных мер. Если лицу срочно необходимо защитить свои права, и оно понимает, что должник изымается от имущества, то тогда ему нужно каким-то образом затормозить этот процесс. Но сделать это не будет представляться возможным, например, путем наложения ареста на денежные средства, поскольку в приказном производстве использование обеспечительных мер невозможно. Соответственно взыскатель должен пойти в суд с заявлением о выдаче приказа и тогда суд должен его принять. При этом могут выслушиваться возражения должника. Таким образом, теряется очень много времени.

С другой стороны, невозможность использования обеспечительных мер обосновывается природой приказного производства, а именно тем, что эти требования являются бесспорными. Также в случае, если возникает спор о праве, то приказное производство невозможно. [1, с. 187] Судебный приказ выносится достаточно быстро. Соответственно предполагается, что случаев, когда лицу будет действительно необходимо использовать обеспечительные меры, практически не будет возникать в приказном производстве.

Далее следует сказать, что в данном виде производства существенным минусом является использование только письменных процедур. Например, если лицу необходимо что-то пояснить суду, в приказном производстве он не сможет этого сделать, поскольку не предусматривается проведение судебных заседаний. Таким образом, невозможно будет пригласить свидетелей и использовать свидетельские показания.

Недостатком является также возможность легко и быстро судом отменить судебный приказ на основании немотивированных возражений должника. Если судебный приказ будет отменён, то право взыскателя продолжает оставаться незащищенным, и взыскателю придётся идти в суд с иском с заявлением и пытаться уже в состязательном процессе защитить свое право.

Отсюда следует отметить следующий минус — даже если взыскатель обратится в суд с судебным приказом, и должник будет возражать против него, тогда будет оставаться некая неопределенность в отношении вопроса о том, когда взыскатель получит судебный приказ на руки для его исполнения. Существует небольшой люфт между направлением копии судебного приказа судом должнику и моментом, когда начинает отсчитываться десятидневный срок для представления возражений. [2]

Недостатком будет являться то, что сумма долга при обращении в суд с заявлением о выдаче судебного приказа должна быть указана в твёрдом размере. Она не может быть пересчитана ни на момент выдачи, ни на момент исполнения судебного приказа. Таким образом, право лица может быть защищено не полностью, если останется какая-то часть невзысканных сумм, и ему тогда придётся идти с новым судебным приказом и требовать этот остаток.

Если перечислять положительные стороны данного вида судебного производства, то, во-первых, судебный приказ — это гораздо более дешёвый процессуальный инструмент, в отличие от искового производства. Таким образом, в случае обращения в суд с заявлением о выдаче приказа, нужно будет заплатить только 50% государственной пошлины. Более того, можно получить рассрочку, отсрочку, или суд может вовсе освободить от уплаты госпошлины, если есть на то основания.

Во-вторых, поскольку при рассмотрении заявления о выдаче судебного приказа отсутствует судебное заседание, лицо не несет затраты на участие в судебных заседаниях. Соответственно, количество судебных издержек будет гораздо меньше, чем если бы лицо обращалось с иском о выдаче судебного приказа.

В-третьих, срок рассмотрения заявления о выдаче судебного приказа гораздо короче, чем срок рассмотрения искового заявления. Здесь следует напомнить, что в гражданском процессе — это всего 5 календарных дней (статья 126 ГПК РФ), а в арбитражном процессе — 10 дней (часть 2 статьи 229.5 АПК РФ). [3]

В-четвертых, не нужно соблюдать обязательный досудебный порядок при обращении с заявлением о выдаче судебного приказа, который предусмотрен частью 5 статьи 4 АПК РФ. Более

того, если лицо обращается в суд с заявлением о выдаче судебного приказа, суд его выдает, а в последствии должник заявляет возражения в отношении его исполнения, то уже при подаче иска также не нужно соблюдать обязательный досудебный порядок.

В-пятых, у лица появляется гораздо больше шансов удовлетворить требования в случае, если срок исковой давности истёк, или, например, сумма неустойки достаточно высокая и она может быть снижена судом. [4, с. 137]

Таким образом, приказное производство одновременно эффективно и не требует больших затрат времени и средств, но тем не менее, имеет ряд существенных недостатков, которые могут затруднить процесс взыскания соответствующих сумм задолженности.

Литература:

9. Лощина Е. И. Проблемные аспекты приказного производства в гражданском процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. — № 6. — С. 185–188
10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 18.11.2002, № 46. Ст. 4532.
11. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 24.07.2002, № 30. Ст. 3012.
12. Терехова Л. А. Упрощенное и приказное производство в арбитражном процессе // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. — № 1. — С. 130–140

Суды общей и конституционной юстиции, квазисудебные органы в механизме защиты прав и свобод человека

Мухина Ирина Валерьевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В связи с проводимыми в России реформами административного судопроизводства в настоящее время достаточно актуальным является изучение аналогичных правовых институтов в зарубежных странах с целью выявления существующих недостатков и возможных способов их устранения.

Ключевые слова: административное судопроизводство, квазисудебные органы, специализированные суды.

Вопросом формирования и развития административной юстиции занимались многие ученые-административисты: Д. Н. Бахрах, А. Б. Зеленцов, И. В. Панова, Н. Г. Салищева, В. В. Скитович, Ю. Н. Стариков и др.

Прежде всего, необходимо отметить, что понятие административной юстиции в зарубежных странах, как и в России, неоднозначно. Так, Ж. Марку отмечает, что административная юстиция — это судопроизводство, осуществляемое судебным органом, принимающим решения по жалобам на акты, принятые административными органами, или на действия административных органов, при том, что такие решения принимаются на основании материальных и процессуальных норм, полностью или частично отличающихся от норм, обычно применяемых судами при разрешении споров между физическими лицами. Полагаем, что администра-

тивная юстиция является достаточно широким понятием и включает в себя не только деятельность суда, но и других органов. Так, под административной юстицией предлагаем понимать совокупность элементов, направленных на защиту прав, свобод, законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также на контроль за законностью и обоснованностью осуществления публичных полномочий, и включающих в себя как административное судопроизводство, так и административные процедуры, осуществляемые органами власти.

На сегодняшний день существует несколько классификаций моделей административной юстиции. Соловьев А. А. и Опалев Р. О. указывают, что наиболее часто зарубежные ученые выделяют три модели: англосаксонскую, французскую и немецкую. Рассмотрим данные модели более подробно.

Французская и немецкая модель отличаются существованием специализированных административных судов.

Согласно принципу разделения властей законодательная, исполнительная и судебная ветви власти независимы и не подчиняются друг другу. Французская модель основывается на том, что в ходе разрешения административных споров происходит оценка действий или бездействия административных органов, которые являются специальными субъектами права, следовательно, данная оценка должна происходить в самой системе исполнительной власти. Судопроизводство в данном случае осуществляется административными трибуналами общей и специальной административной юрисдикции.

Так, на сегодняшний день во Франции действуют две независимые системы судов — суды общей юрисдикции и административные суды, при этом последние входят в систему исполнительной власти. Возглавляет систему административных судов Государственный совет, являющейся первой, апелляционной, кассационной инстанциями по различным категориям дел и осуществляющий судебный контроль. Ниже существуют административные апелляционные суды, административные суды и специализированные административные суды. К последним относятся финансовые суды, Национальный суд по вопросам права убежища и т.д.

Немецкая модель основывается на существовании отдельной ветви судов, не входящих в систему судов общей юрисдикции. При этом такое обособление обуславливается независимостью от исполнительной власти и разделением публичных и частных интересов. Соответственно, отличием от французской модели является отнесение административных судов к судебной власти, а не исполнительной.

Основной закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. в ст. 19 ч. 4 устанавливает, что в случае нарушения публичной властью прав какого-либо лица, последнее имеет право обратиться в суд. Если не установлена иная подсудность, компетентными являются общие суды. Также необходимо отметить, что судебная система Германии включает в себя суды, которые полномочны рассматривать некоторые категории ад-

министративных дел, например, социальные суды, финансовые суды и пр.

Определённый интерес представляет другая модель организации административной юстиции — англосаксонская, которая применяется в США, Великобритании, Канаде, Австралии и др.

Основным актом, регулирующим рассматриваемые общественные отношения, в Великобритании является Закон Великобритании от 2007 г. «О Трибуналах, Судах и правоприменении». В настоящий момент в Великобритании действует система трибуналов, представляющих собой квазисудебные органы и занимающих промежуточное положение между исполнительной и судебной властью. Данные органы предназначены для решения широкого спектра споров, в основном, между лицом и государством. Основными элементами данной системы являются трибуналы первого уровня и высшие трибуналы, состоящие из нескольких палат. Трибуналы могут пересматривать свои решения не только по заявлениям лиц, но и по собственной инициативе. Также решения трибуналов могут быть обжалованы в суд. Высший трибунал наделён правом создания прецедентов, обязательных для трибуналов первого уровня. Помимо данных органов в систему административной юстиции Великобритании входит Административный суд, являющийся специализированным судом в отделении королевской скамьи Верховного суда, и обладающий компетенцией, в частности, пересматривать решения судов, трибуналов, других органов и пр. Определённой компетенцией в сфере административного судопроизводства обладают также Апелляционный суд, Верховный суд, Суды графств, Суд короны и Суды магистратов.

Итак, разрешение административных споров в зарубежных странах осуществляется специализированными судами, судами общей юрисдикции, квазисудебными органами, функционирующими как в системе судебной, так и исполнительной власти. Соответственно, органы административной юстиции достаточно различны как по своей сущности, так и по объёму компетенции.

Литература:

1. Бахрах Д. Н. Административное судопроизводство, административная юстиция и административный процесс // Государство и право.-2005.-№ 2;
2. Жерар Марку. Структура административной юстиции: опыт применения различных моделей // Международный экспертный семинар «Роль административной юстиции в защите прав человека» 14–15 декабря, 2009 г.// URL://http://eu-kaz-humanrights-2012.org.
3. Козырин А. Н. Административное право зарубежных стран. М., 1996.
4. Салищева Н. Г., Хаманева Н. Ю. Административная юстиция и административное судопроизводство в Российской Федерации// URL://www.ex-jure.ru/law/news.php;
5. Страшун Б. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть. М., 2000.

Совместное завещание супругов

Парунова Елена Алексеевна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье рассматривается анализ института совместного завещания супругов в трактовке автора законопроекта П. Крашенинникова, д. ю. н. О. Родионовой и нотариуса М. Герасимовой.

Ключевые слова: совместное завещание супругов, завещание, супруги, наследство, раздел имущества.

С 1 июня 2019 года в российском законодательстве были введены изменения в части наследственных отношений. Теперь супруги могут совместно распорядиться своим имуществом на случай смерти одного из них.

Автором данного законопроекта является Глава Комитета Госдумы по госстроительству и законодательству Павел Крашенинников. С его слов, «правовые инновации не были рождены с нуля. Подобные формы передачи наследства используются в разных европейских странах уже много лет. Но не везде они прижились легко и безболезненно. Поэтому только после детального изучения зарубежного опыта, с учетом национальных традиций и современных реалий, пределы правовых норм было решено расширить» [3].

До внесения этих изменений наследство могло переходить по закону или по завещанию. Как показывает практика, не всегда это обходилось без споров и судов, особенно если наследодатель не написал завещание и сам не разделил имущество. Особенно эта проблема встает остро, когда сталкиваются интересы нескольких семей, так как сейчас довольно часто встречаются повторные браки.

Нововведения позволили составлять совместные завещания лицам, состоящим в браке. До этого завещание составлялось единолично, и одним из его критериев был запрет на распространение информации о содержании.

Родионова Ольга, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры ГП в своей статье о гражданско-правовой сущности совместного завещания говорит, что такие сделки могут ограничить способность волеизъявления, так как воля одного супруга зависит от воли второго. С ее слов: «трудно не согласится с тем, что зависимость в наступлении последствий, определяемых волей одного лица, от решения, принимаемого другим лицом, выглядит в целом неприемлемо с позиции права, поскольку в этом случае легко предположить возможность злоупотребления последним» [4].

Возникает вопрос, чем отличается совместное завещание супругов от обычного завещания.

«При обычных завещаниях, когда уходит из жизни один из супругов, приходится сначала делить совместную собственность, а затем уже решать вопрос о наследстве и наследниках.

Совместное завещание представляет собой общую волю супругов. При его наличии не нужно ничего делить, а заранее можно указать, в какой последовательности, кому и какое имущество переходит в зависимости от ситуации» [5] — такой ответ дает Павел Крашенинников.

Другими словами, супруги могут заранее обдумать и принять решение, кому достанется имущество после их смерти и в каком объеме. Это могут быть как близкие родственники, так и сторонние люди.

Для составления совместного завещания так же, как и для составления обычного завещания есть определенные требования. Одним из них является общее, не противоречащее друг другу волеизъявление обоих супругов. Совместное завещание, как и единоличное завещание, составляется через нотариуса.

Также закон предусматривает возможные изменения в семье. Совместное завещание утрачивает свою силу, если брак будет расторгнут или принят недействительным, или один из супругов захочет изменить свое решение.

Много споров вызывает факт отмены совместного завещания после смерти одного из супругов. Таким образом, институт совместных завещаний становится бессмысленным.

Марина Герасимова, председатель комиссии по методической работе и изучению практики применения законодательства в сфере нотариата Московской городской нотариальной палаты, на этот счет говорит: «необходимо четко сформулировать позицию о том, что последующее завещание, отменяющее совместное завещание, не должно применяться к тому имуществу, права на которое уже были оформлены наследниками умершего супруга. Но, представляется более разумным, вообще убрать возможность отмены совместного завещания после смерти одного из супругов» [2].

Соглашусь с высказыванием автора. Право изменить завещание пережившим супругом нарушает волю умершего супруга. И таким образом, можно говорить о бессмысленности института совместных завещаний.

Чтобы не могло быть злоупотреблений со стороны пережившего супруга, нужно ограничить распоряжение имуществом, которое включено в завещание.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. — 18.03.2019. — № 4 ст. 1118
2. Цыбульская, А. Д. Актуальные проблемы совместных завещаний супругов / А. Д. Цыбульская. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 18 (308). — С. 341–343. — URL: <https://moluch.ru/archive/308/69385/> (дата обращения: 14.10.2021).

3. <https://woman.rambler.ru/other/42253005-pavel-krashennikov-o-novyh-formah-nasledovaniya/>
4. <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovaya-suschnost-sovmestnogo-zaveschaniya-suprugov>
5. https://woman.rambler.ru/other/42253005/?utm_content=woman_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

Превышение пределов необходимой обороны по законодательству Российской Федерации

Приходченко Юлия Сергеевна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье рассматриваются понятия и признаки превышения пределов необходимой обороны, роль необходимой обороны в общественных отношениях.

Ключевые слова: необходимая оборона, превышение, пределы необходимой обороны, уголовно-правовая квалификация преступлений.

Институт необходимой обороны имеет многовековую историю, еще с глубокой древности право на необходимую защиту признавалось как одно из главных и важнейших, вытекающее непосредственно как из самой природы человека, так и его неотъемлемого права на жизнь. Особую ценность института необходимой обороны отмечал великий российский ученый А. Ф. Кони: «Необходимая оборона будет существовать вечно, потому что основана на законе необходимости, а этот закон по самому существу своему вечен. Поэтому понятие о необходимой обороне существует исстари и никогда не перестанет существовать; закон, вытекающий непосредственно из своей природы» [1].

Само по себе слово «оборона» означает совокупность средств, необходимых для отпора врагу, а слово «обороняться» трактуется как «защищаться, отражая нападения противника», «необходимый» — «такой, без которого нельзя обойтись, нужный, обязательный, неизбежный». Следовательно, из данных толкований вытекает такое понятие, как «необходимая оборона» — это обязательный и неизбежный способ защиты личности. Российский же законодатель более точно и существенно раскрывает понятие необходимой обороны: ч. 1 ст. 37 УК РФ даёт разъяснение, что именно не признаётся преступлением: «защита личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» [2].

Таким образом, можно понять, что право на необходимую оборону — это субъективное право каждого гражданина России, независимо от его пола, возраста, национальности, социального положения и та далее. Так же законодатель обращает наше внимание на то, что необходимая оборона не должна превышать свои пределы, в противном случае лицо понесет уголовную ответственность за превышение пределов необходимой обороны, или за умышленные действия, которые очевидно не соответствуют характеру и опасности посягательства.

Итак, под превышением мер самообороны законодатель понимает умышленные действия, которые явно не соответствуют характеру и степени общественной опасности посягательства (ч. 2 ст. 37 УК РФ). В теории современного уголовного права превышение пределов самообороны принято называть эксцессом самообороны, иными словами, когда человек, защищая субъекты, выходит за установленные границы и сам становится правонарушителем. Законодатель даёт понять, что превышение мер может возникнуть только тогда, когда посягательство не сопряжено с угрозой жизни или здоровью, а обороняющийся применяет средства защиты, которые могут повлечь причинение различного вида вреда здоровью по неосторожности нападающему лицу.

Тогда, если превышение мер умышленно всегда, то нам необходимо детально разобрать интеллектуальный и волевой моменты умысла, иными же словами, надо «заглянуть в голову» обороняющемуся и увидеть там: а) осознание того, что его защита не соответствует характеру и тяжести действий нападающего; б) предвидение последствий своих действий, недопущение пределов необходимой самообороны либо полное безразличие к последствиям. Но, к сожалению, обороняющийся не всегда может объективно оценить угрозу и степень тяжести при посягательстве.

На сегодняшний день закон не называет четких признаков явного несоответствия защиты характеру и степени опасности посягательства. Данное понятие является сегодня оценочным. Однако, говоря о теории и практики, необходимо подчеркнуть, что предпринимались попытки конкретизировать признаки данного понятия. Правоприменителями было предложено считать превышением пределов необходимой обороны и так называемую несвоевременную оборону (преждевременную либо запоздалую). Так, Соболев А. Ю., находясь в ссоре с гражданином Прокофьевым Л. Д., обнаружив у последнего огнестрельное оружие, и боясь, что гражданин Прокофьев Л. Д. по причине возникшей между ними вражды применит его, отобрал у него пистолет, не разрядив его, и после чего спрятал в задний карман брюк. После чего Прокофьев Л. Д. попытался

вернуть свой пистолет, в связи с чем завязалась драка, в ходе которой Соболев А.Ю. применил травматический пистолет гражданина Прокофьева Л.Д. и произвел из него смертельные для последнего выстрелы, после чего скрылся с места преступления. Районный суд Самарской области признал виновным Соболева А.Ю. в совершении преступления [3], предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ.

Неоспоримо можно сказать о том, что интенсивность защиты характеризуются та же совокупность таких признаков, которые определяют саму ценность охраняемого блага, а также время и место нападения (к примеру: светлое время суток, сумерки, жилое помещение, глухой пустырь, где ждать помощи просто неоткуда).

Исходя из вышеизложенного можно выделить еще ряд признаков превышения необходимых мер самообороны:

1) Несоответствие защищаемых интересов и причинённого вреда нападающему. Ярким примером данного признака может послужить — использование табельного оружия охранником за кражу шоколада из магазина.

2) Характер действий обороняющегося должен зависеть от субъекта, которому причиняется вред и его размер, именно: жизнь, здоровье, половая неприкосновенность, имущество или иное.

3) Если вред причинён имуществу, то каков ущерб владельца имущества (открытое хищение пакета с деньгами или с продуктами).

Однако судебная практика по делам, связанным с превышением мер необходимой самообороны, определяет саму норму как очень специфичную. Ошибочно выносятся судами решения, где обороняющийся обвинён в превышении допустимых пределов, но не учтены все субъективные и объективные факторы. И тогда в дело вступает «новелла» уголовного закона, которая говорит нам о том, что если нападающий действовал неожиданно и резко, а у обороняющегося не было возможности и времени объективно оценить характер и тяжесть нападения, то обороняющийся может причинить любой вред нападающему, а правоприменительные органы не должны расценить это, как превышение допустимых мер. Это значительно сужает рамки оборонительного эксцесса, хотя и требует де-

тальной оценки всех факторов и толкования оценочных понятий. Пока в судебной практике нет чётких критериев данной оценки, что приводит нас к тому, что итоговое мнение остаётся за судьёй. И это также приводит нас к необходимости последующей проработки правовых норм, имеющих отношение к институту необходимой обороны в России.

Когда решается вопрос о превышении пределов самообороны, изучается ряд следующих обстоятельств:

1) обстоятельства, которые связаны с посягательством (использование нападающим оружия, количество нападающих, состояние личности потерпевшего);

2) обстоятельства, связанные с личностью потерпевшего (пол, возраст, физические качества, число обороняющихся).

Правоприменителями в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ закреплено, что обороняться в равной мере могут все граждане, если на них нападают. Таким образом, нанесение мужчиной средней тяжести вреда здоровью несовершеннолетней девушке, напавшей на него с целью ограбить, не будет квалифицироваться как превышение допустимых мер необходимой обороны. Необходимо также добавить, что часто необходимая оборона может происходить в состоянии аффекта. Аффект в уголовном праве — это состояние внезапно возникшего душевного волнения [4]. Такие действия при самообороне имеют неоднозначную юридическую оценку. Например, аффект от страха является естественной реакцией организма. Он возникает при наиболее серьёзной угрозе (например, жизни или половой неприкосновенности). Если посягательство вызвало совершение преступления в состоянии аффекта, то такие преступления рассматриваются по нормам Особенной части Уголовного кодекса.

Таким образом, превышение пределов следует признавать только явное несоответствие, при котором абсолютно все присутствующим людям было понятно и очевидно, что обороняющийся имел возможность отразить нападение более «мягкими» средствами и, конечно, осознавал такую возможность, но на свое усмотрение выбрал наиболее опасные средства и методы защиты и без необходимости причинил тяжкий вред здоровью нападавшему.

Литература:

1. Кони А. Ф. О праве необходимой обороны / А. Ф. Кони. М., 1996. С. 10.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // СПС «КонсультантПлюс».
3. [Электронный ресурс] / «РосПравосудие» — судебная практика. Режим доступа свободный. (Дата обращения 27.10.2021 г.).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 27.

Некоторые особенности убийств, совершенных женщинами

Свиридова Софья Андреевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена женской преступности. Автор рассматривает особенности убийств, совершенных женщинами в современном обществе. Раскрывает причины их совершения. Из анализа судебной практики выявляет наиболее типичные способы совершения убийств женщинами, а также делает выводы о возможности использования таких данных для расследования рассматриваемой категории уголовных дел.

Ключевые слова: женская преступность, особенности убийств, совершенных женщинами, детоубийство, особенности расследования убийств.

Some features of murders committed by women

Sviridova Sofya Andreevna, student master's degree
Saratov State Law Academy

The article is devoted to women's crime. The author examines the features of murders committed by women in modern society. Reveals the reasons for their commission. From the analysis of judicial practice, it identifies the most typical murders peculiar to women, and also draws conclusions about the possibility of using such data to investigate the category of criminal cases under consideration.

Keywords: women's crime, especially murders committed by women, infanticide, features of murder investigation.

Опыт Российской Федерации и многих европейских государств [1] последних десятилетий свидетельствует о том, что доля женской преступности в общем объеме преступности возрастает. Преступления, совершаемые женщинами, привлекают все больше внимания, как ученых, так и практических работников. Научные исследования выделяют женщин-преступников в качестве самостоятельного элемента в структуре всей преступности для предупреждения преступлений, совершенных женщинами.

По данным Генеральной прокуратуры за 2020 год женщинами совершено 70 826 преступлений, что составляет 16% от общего числа преступлений [2]. Аналогичные показатели зафиксированы и в прошлом году [3].

Несмотря на то, что численность женщин на 10 млн больше численности мужчин [4], уровень женской преступности на сегодняшний день относительно постоянен и остается в 5–7 раз ниже уровня преступности среди мужчин. При этом вся криминальная статистика свидетельствует о том, что именно женщины совершают самые жестокие преступления, которые, казалось бы, противоречат в целом природе женщины. Приведем пример из практики.

В 2019 году общественный резонанс вызвало убийство девушки в Свердловской области [5]. Прокуратура утвердила обвинительное заключение в отношении трех человек, Екатерины Меньшиковой, ее гражданского мужа и их подельника. Помимо убийства девушки, Меньшикова со своими подельниками вымогала деньги с собственной матери. По данным прокуратуры мать Меньшиковой вывезли на территорию садового участка, показали выкопанную яму и пригрозили убийством. При этом Меньшикова была мать по голове металлической кастрюлей и подносила к ее телу зажженную газовую горелку [6].

Психолог и психотерапевт Свердловской области, Г. Амузин, в связи с этим на вопрос, женщина, совершающая убийство —

это дьявол во плоти, ответил утвердительно, добавляя также, что самые жестокие и изощренные убийства — всегда на счету женщин [7].

Полагаем, что рост женской преступности связан в целом с обстановкой в современном обществе. Изменения в политической и экономической сфере повлекли социальные напряжения и конфликты, которые не могли не сказаться на статусе женщины. Женщина все чаще стала сталкиваться с такими проблемами как неуверенность в своем будущем, безработица, трудности с получением образования, отсутствие моральной и материальной поддержки, страх за своих детей — это далеко не весь перечень, который послужил переходным моментом от женщины-хранительницы домашнего очага к женщине-преступнице, женщине — убийце.

Женская преступность — это сложное, многогранное и вызывающее тревогу общества явление. Убийства, совершаемые женщинами, характеризуются высокой степенью общественной опасности и особой тяжестью последствий. Женская преступность является своего рода индикатором нравственного здоровья общества [8], его духовности, отношения к базовым общечеловеческим ценностям. Именно поэтому преступления, совершенные женщинами, так болезненно воспринимаются в обществе.

Женская преступность имеет свои особенности, которые связаны с исторически обусловленным местом женщины в системе общественных отношений, ее социальными ролями и функциями, биологической и психологической спецификой. Структура женской преступности не повторяет мужскую, она специфична и в значительной мере определяется теми видами преступлений, которые наиболее присущи женщинам [9]. В числе этих преступлений значительную долю составляют убийства матерью новорожденного ребенка.

Согласно официальной статистике, в 2020 году было рассмотрено 46 уголовных по статье 106 УК РФ (убийство матерью новорожденного ребенка). Статистика 2019 года, примерно такая же [10]. Однако, количество реально совершенных преступлений матерями в отношении своих новорожденных детей превышает статистические данные. Масштабы скрытых детоубийств в точности неизвестны [11]. Данные статистики искажаются путем формирования количества убийств матерями новорожденных младенцев только из тех случаев детоубийств, когда виновная установлена и изобличена в преступлении [12]. Правоохранительным органам легче всего установить виновную в совершении убийства новорожденного в сельской местности, где как правило проживает небольшое число людей и «все всё видят и все всё знают» скрыть беременность от посторонних глаз в таких условиях не получится. Довольно проблематичная ситуация возникает в городской среде, где шансы найти виновную в совершении детоубийства почти минимальны. Чаще всего на такой шаг идет незамужняя женщина, для которой факт беременности является неожиданным, странным и выходящим из привычной колеи. Ребенок воспринимается как обуза, и поэтому женщина, не испытывая материнских чувств решается на убийство.

Основную часть иных убийств, совершаемых женщинами, составляют убийства любовника/сожителя и мужа. По неко-

торым данным, этот вид убийства у женщин встречается почти в шесть раз чаще, чем у мужчин убийство жены или сожительницы [13]. Это связано с тем, что женщина большую часть времени проводит в семейной, домашней обстановке (95%). Поэтому в числе потерпевших основная часть — это близкое окружение женщины. Незнакомые составляют лишь малую часть потерпевших от убийств, совершенных женщиной. Как правило, в таких случаях женщина действует в соучастии [14].

Выявленные закономерности, полученные на основе анализа статистических данных и материалов правоприменительной практики, могут быть использованы в процессе расследования рассматриваемой категории уголовных дел, для оценки компонентов следственной ситуации, построения следственных версий, а также для выбора тактики проведения отдельных следственных действий.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что, безусловно, в рамках данной статьи были рассмотрены не все проблемы убийств, совершенных женщинами, что, в прочем, и не входило в предмет нашей статьи. Мы рассмотрели наиболее типичные убийства, которые совершают женщины, для того чтобы акцентировать внимание на перспективном направлении криминологических исследований, которые являются эффективным средством предупреждения убийств, совершенных женщинами.

Литература:

1. Mathieson A. Health in Prisons: Fact Sheets for 38 European Countries, 2019 — URL: <http://www.euro.who.int/en/health-topics/health-determinants/prisons-and-health/publications/2019/health-in-prisons-fact-sheets-for-38-european-countries-2019>
2. https://genproc.gov.ru/upload/iblock/4fb/sbornik_6_2020.pdf
3. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 г. // Аналитические материалы. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — URL: <http://crimestat.ru/analytics>
4. Росстат назвал соотношение числа мужчин и женщин в России <https://ria.ru/20200422/1570386332.html>
5. СК закончило расследование уголовного дела об убийстве <https://74.ru/text/criminal/2020/11/26/69579008/>
6. Дело об убийстве Ксении Каторгиной передают в суд <https://ekb.dk.ru/news/237144318>
7. Дьявол во плоти: почему самые жестокие преступления совершают женщины <https://rg.ru/2019/10/19/reg-urfo/diavol-vo-ploti-pochemu-samye-zhestokie-prestupleniia-sovershaiut-zhenshchiny.html>
8. Унтеров В. А., Ефремова Д. В. Личностные особенности женщин, совершающих насильственные преступления. Вестник Самарского юридического института. № 4 (30). 2018. С. 145.
9. Одинцова Л. Н. Современный портрет преступниц-женщин, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 25–26 октября 2017 г. / Отв. ред. А. Г. Чириков. Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН России, 2017. С. 118.
10. Судебная статистика <http://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17>
11. Латентная преступность: познание, политика, стратегия // Сборник материалов международного семинара. М., 1993.
12. Попова С. А. Современные аспекты убийства матерью новорожденного ребенка. // Sciences of Europe. № 39–3 (39). 2019. С. 69.
13. Коломытцев Н. А., Одинцова Л. Н. Этика права и проблемы женской преступности в России // Lex russica. 2018. N10. С. 148.
14. Омский областной суд город Омск: приговор № 2–9/2020 от 7 июля 2020 г. по делу № 2–9/2020; Нижегородский областной суд города Нижний Новгород: Приговор № 2–19/2019 от 29 апреля 2019 г. по делу № 2–19/2019

Текущее состояние норм назначения уголовного наказания для несовершеннолетних в Российской Федерации

Селезнев Станислав Дмитриевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье произведен анализ системы института назначения наказания для несовершеннолетних в Российской Федерации.

Ключевые слова: назначение наказания, право в РФ, право образующие нормы, система наказания, философия права.

Current status of the norms of criminal punishment for minors in the Russian Federation

Seleznev Stanislav Dmitriyevich, student master's degree
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (St. Petersburg)

The article analyzes the system of the institution of sentencing minors in the Russian Federation.

Keywords: sentencing, law in the Russian Federation, law forming norms, system of punishment, philosophy of law.

Уголовное право сегодня предусматривает различные санкции для переступивших закон несовершеннолетних членов нашего общества, однако практика показывает, что к ним применяется не весь спектр наказаний, предусмотренный статьёй УК РФ 88, чаще всего наказания ограничиваются штрафными санкциями. В ходе реформы статей уголовного кодекса, произведённой в далёком 2003 году, у государства появилась возможность взыскивать деньги не только с родителей, законных представителей (опекунов), но и с имущества, принадлежащего несовершеннолетнему или с его заработка, если таковой имеется. В перспективе это оказывает большое влияние на провинившегося подростка, заставляя его задуматься о возможной потере принадлежащих ему ценностей и способствует достижению целей, поставленных российским законодателем перед наказанием.

Размер штрафных санкций с момента имплементации закона увеличился в кратном размере, что говорит нам о попытках законодателя поддерживать величину суммы штрафа на уровне необходимым для задач наказания. Однако, уголовная норма, позволяющая взымать средства с несовершеннолетнего, применяется судом редко, оставляя основной груз ответственности на его родителях или представителях. Подразумевается, что после получения штрафа представители ребенка займутся его воспитанием с большим усердием, ответственностью [1].

Ученым сообществом выдвигается теория, что наложение штрафа на законных представителей может нарушать положения статьи 43 УК РФ (понятие и цели наказания) поскольку разница доходов у семей в нашей стране велика и наказание в виде штрафа может значительно затруднить жизнь одной ячейки общества, а для другой ячейки общества оплата штрафа является незначительной суммой [2].

Практика применения обязательных работ в отношении несовершеннолетних распространена широко и продолжает увеличивать свою долю среди назначаемых наказаний, не связанных с лишением свободы, что говорит нам о практической реализации некоторых тенденций, заданных в 2003, затем в 2009 годах в рамках совершенствования уголовного законодательства и реализуемых по сей день.

Наказание в виде обязательных работ для несовершеннолетних лиц представляет собой труд, осуществляемый в свободное от учебы, работы (если имеется) время. Сам труд должен быть посильным для лица и занимать общий срок от 40 до 160 часов. В случае если лицо младше возраста 15 лет, трудовая деятельность не может превышать 2 часов в день, лица, достигшие 16 лет и более старшего возраста, могут работать 3 часа в день. Работы назначаются судом в соответствии с пожеланиями несовершеннолетнего. Для соблюдения международных актов, суду необходимо получить согласие несовершеннолетнего лица в письменной форме [3].

Есть ученые, выражающие мнение, что в ходе реформирования следует отказаться от получения письменного согласия со стороны несовершеннолетнего, так как оно может носить характер вынужденного не отражающего реального настроения, заинтересованности или убеждения, такого мнения придерживается С. В. Чубраков [4].

В ходе реформирования уголовного кодекса РФ необходимо добавить в статью 49 УК РФ ограничение назначения наказания в виде обязательных работ несовершеннолетним лицам, не способным совмещать учебу с работой. Вследствие этого приходится сменить круг общения на новый, а обучение на заочное. Смена социального окружения, дополнительный стресс, который не входит в число задач, поставленных перед обязательными работами, а заочное образование, к сожалению, не всегда соответствует критериям качества [5].

Ретроспективно оценивая историческую практику применения уголовного наказания, возникает мысль, что государству стоило в кризисные 90-е годы чаще применять обязательные работы, это могло способствовать тому, что молодые люди не достигшие совершеннолетия, не начинали бы заниматься противоправной деятельностью. Однако, активное применение обязательных работ началось лишь с 2006 года.

Исправительные работы назначаются на срок до 1 года вне зависимости от возраста несовершеннолетнего. С поиском работ для несовершеннолетних возникают проблемы из-за отсутствия у них должной квалификации. Проблемы, связанные

с обучением и сменой коллектива точно такие же, как и те, которые могут возникнуть у лиц, приговоренных судом к обязательным работам. Однако, в каждом отдельном случае целесообразность того или иного наказания разная. Суду стоит подходить к вопросу принятия решения со всей ответственностью и индивидуальностью, чего сейчас не хватает.

Раньше до изменений 2011 года суд мог подвергнуть несовершеннолетних уклонистов от наказания аресту. Сегодня данная мера воздействия отменена.

Консенсусного мнения относительно ареста несовершеннолетних в сегодняшней уголовной политике нет. Применение ареста выступало в роли более мягкой альтернативой лишению свободы, как по условиям содержания, так и по назначаемым срокам. Несовершеннолетний, впервые попавший под санкции ареста, испытывает значительные трудности в связи с резкой сменой быта и моральным давлением. Стоит заметить, что, несмотря на возможность более комплексного осознания последствий своего противоправного поступка и нежелания возвращаться в места, подобные тому, где проходит арест, психика ребёнка в состоянии дать сбой. Моральная тяжесть оторванности от общества иногда калечит взрослых, не говоря уже о детях. Суду необходимо учитывать факторы личности несовершеннолетнего, применяя меру ареста только в особых случаях, когда необходимо дать понять лицу о том, что, продолжая антисоциальную противоправную деятельность, может последовать длительное лишения свободы [6].

Поведения лица, не достигшего 18 лет, может уже носить явно криминальный характер, а психическое, моральное состояние соответствовать взрослому. Если таковое лицо совершало преступления ранее и применяемые меры не способствовали перевоспитанию и исправлению, то в таких крайних случаях видется необходимым применять меры более жесткие, нежели существующие. Законодателю стоит задуматься и подготовить новые правовые нормы, которые подходят к таковым случаям.

Литература:

1. Михлин, А. С. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Проблемы исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, и применением иных мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних: сб. материалов межд. научн.-практ. конференции. — Вологда, 2006. С 60.
2. Васильева, Т. В. Назначение и исполнение уголовного наказания в виде штрафа: социально-правовые проблемы: автореф дис... канд. юрид. наук. — Рязань, 2004. С. 12.
3. Стерн, В. Альтернативы тюрьмы: размышления и опыт. — Лондон, 1996. С 14.
4. Чубраков, С. В. Законодательное регулирование и практика применения обязательных работ в свете международных стандартов обращения с осужденными // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006 С. 41.
5. Кашуба Ю. А. Система уголовных наказаний несовершеннолетних: современное состояние и тенденции реформирования // Вестник Кузбасского института. 2018. № 4 (37).
6. Годилов, Н. Н. Назначение наказания по уголовному праву России: учеб. пособие для вузов / Н. Н. Годилов, Д. Д. Суворов. — Пятигорск: РИА-КМВ, 2004. С. 105.
7. Кашуба, Ю. А., Пономарев, С. Н. Основы современной уголовно-исполнительной политики России в отношении несовершеннолетних: монография. — Рязань: АПУ Минюста РФ, 2002. С. 41.

Разговоры о либерализации и отмены меры ареста как наказания для несовершеннолетних, вызывают серьезные вопросы и недоумение у практиков, непосредственно контактирующих с малолетними преступниками. В последние годы благодаря вхождению в нашу жизнь интернета многие преступления, ранее остававшиеся в тени, теперь можно выявить, а также посредством просмотра публикаций несовершеннолетнего в социальных сетях попытаться понять реальную исходящую от него общественную опасность. Характер таких преступлений и ожесточенность местами не уступает взрослым, а иногда даже превосходит. В случае отмены меры наказания в виде ареста сформируется диспропорция между чересчур жестким наказанием и сверхмягким, не способствующим целям заданным в УК РФ по исправлению целесообразности применяемого наказания [7].

Лишение свободы в отношении несовершеннолетних применяется достаточно часто. Однако, среди вынесенных приговоров большая часть является условным, что может, к сожалению, являться маркером безнаказанности для провинившегося несовершеннолетнего. Необычным смягчающим обстоятельством условного наказания лиц, не достигших 18 лет, можно считать возможность получения второго условного наказания за совершение преступления незначительной общественной опасности в ходе действия первого условного наказания.

Для более успешного достижения целей уголовного наказания необходимо сформировать единую базу возможных к применению в той или иной ситуации судебных решений, что даст толчок судебной практики в отношении несовершеннолетних к единообразию и поможет судьям выносить более подходящие судебные решения к конкретным делам. Данная мера позволит в свою очередь пользоваться редко используемыми сегодня наказаниями в связи с уточнениями критериев их применения.

Движение в сторону либерализации назначения наказания за хранение и употребление наркотических средств

Селезнев Станислав Дмитриевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье произведен анализ действующей системы института назначения наказания в отношении лиц, нарушивших статью 228 Уголовного Кодекса Российской Федерации, а также произведён анализ зарубежного опыта по либерализации аналогичных статей и сформулирован возможный вектор развития либерализации уголовного законодательства в Российской Федерации в рамках данной статьи.

Ключевые слова: назначение наказания, право в РФ, право образующие нормы, система наказания, философия права, либерализация законодательства, хранение и употребление наркотических средств.

Movement for the liberalization of punishing the storage and use of narcotic drugs

Seleznev Stanislav Dmitriyevich, student master's degree
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (St. Petersburg)

The article analyzes the current system of the institution of sentencing against persons who have violated Code 228 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as analyzes foreign experience in liberalizing similar codes and formulates a possible vector for the development of liberalization of criminal legislation in the Russian Federation.

Keywords: sentencing, law in the Russian Federation, law forming norms, system of punishment, philosophy of law, liberalization of the law, possession and use of narcotic drugs.

В Российской Федерации по данным, предоставленным Федеральной службой исполнения наказаний, содержится в местах лишения свободы 491 650 человек (по состоянию на 1 октября 2020 г.), что является очень высоким показателем. Однако, если сравнивать со статистикой за предыдущие годы, то можно увидеть тренд на её снижение [1]. В международном рейтинге количества осуждённых на 100 000 человек Российская Федерация занимает 27 место, а по общему количеству заключённых 4 место с результатом в 491 650 человек. Используемые данные получены учеными организации «ICPR», которая занимается анализом статистики осуждённых лиц со всего мира [2].

Стоит заметить, что необходимость содержания такого большого количества заключённых создаёт массу проблем связанных, как с нехваткой финансирования учреждений отбывания наказаний, так и с соблюдением прав заключённых, поскольку в режиме перегрузки представляется почти невозможным оперативно реагировать на возникающие нарушения.

В последние годы ФСИН сталкивается с высоким статистическим показателем лиц, осуждённых по статьям 228 УК РФ и 228.1 УК РФ. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации приводит сводные статистические данные за 2018 год, в которых сообщается о 93 924 вынесенных приговорах только по этим двум статьям. Условно осуждены лишь 30 990 человек, что является внушительным числом. Однако, оставшиеся 62 934 человека получили реальный срок и будут находиться в местах лишения свободы, оказывая невероятную нагрузку на всю систему ФСИН. Более того, значительная часть осуждённых условно, может совершить свои преступные де-

яния повторно и попасть тем самым в статистику за следующий год, и на этот раз попасть в места лишения свободы.

Наркомания неспроста называется заболеванием. Наркоман как лицо зависимое, желающее удовлетворения потребности в наркотических средствах, с высокой вероятностью продолжит употреблять, хранить или продавать наркотики с целью извлечения прибыли. По этой причине большие показатели и статистические данные по назначению условных приговоров, приводимые департаментом Верховного Суда Российской Федерации, не свидетельствуют об уменьшении нагрузки ФСИН в будущем, а лишь дают на это надежду [3].

Общая ситуация в РФ, связанная со статьёй 228 УК РФ, нашла отражение в СМИ. Так, например, данную статью русская служба «Би-Би-Си» и телеканал «НТВ» окрестили «народной» по причине того, что по ней выносятся настолько большое и очень существенное количество приговоров.

Последние новости в публичном поле, заставляют всё большее количество юристов задумываться об возможности частичной либерализации данной статьи. Дело Ивана Голунова способствовало пристальному взгляду на статистику. Ранее опубликованные материалы, в которых содержится информация о подозрительной статистике нахождения наркотических средств в размерах, достаточных для квалификации их как значительных или крупных. В основном аналитиками делается два вывода. Первый заключается в том, что так называемая палочная система оказывает на сотрудников давление, заставляя идти на преступление и завышать размер найденных наркотических средств. Второй в сознательном должностном преступлении с целью лишить свободы неугодных лиц [4].

Правительство Российской Федерации занимается совершенствованием уголовного законодательства в сфере оборота наркотиков. Однако, недочётов и узких мест, в которых возможны махинации, по-прежнему остаётся множество. Одним из наиболее проблемных мест является весовая квалификация, которая хоть и динамично изменяется, однако отстаёт от предъявляемых запросов со стороны практики и окружающей действительности, о чём говорит нам статистика ФСИН.

Использование абстрактной казуистической терминологии в статье 228 УК РФ представляет собой большую правовую проблему. Так, например, в статье используется термин «сбыт». Закон закладывает в этот термин не только продажу наркотических средств, но и их безвозмездную передачу или перевозку. На бытовом уровне это означает, что если лицо безвозмездно передаст знакомому каннабис, оно может быть обвинённым в сбыте и отправиться в колонию по причине более тяжкой квалификации деяния.

В последнее время всё больший резонанс набирают истории, когда обвиняемыми по 228 статье УК РФ выступают дачники. Для обвинения владельца участка достаточно обнаружить дикорастущий мак или куст конопли без доказательства употребления, сбыта или выращивания. Недобросовестные сотрудники полиции используют такой метод для увеличения личных показателей, в конечном счёте дискредитируя себя и органы МВД в целом в глазах общества.

Медицинские работники тоже становятся жертвами недобросовестного применения 228 статьи УК РФ. Ошибка в написании рецепта, случайная утеря препарата или выписанного рецепта, может стать основанием для дальнейшего судебного процесса. На прямой линии 2019 г. Владимир Владимирович Путин (Президент Российской Федерации) заявил о своём принципиальном несогласии с возможностью либерализации статьи. Однако, он выразил глубокую озабоченность проблематикой её недобросовестного использования заявив, что готов начать процесс по созданию дополнительного, специального органа контроля за сотрудниками различных спецслужб, занимающихся проблематикой оборота наркотических средств [5].

Невозможность быстрой декриминализации статьи заключается не только в позиции избранного президента, но и в проблеме наличия развитой наркомании в РФ. Декриминализация может негативно повлиять на статистику и свести на нет многолетние усилия по противостоянию наркомании. Наркотический бизнес всё больше уходит в интернет, создавая существенную угрозу, которая заключается в упрощении возможного доступа к наркотикам детей, чего, разумеется, нельзя допускать.

На протяжении последних лет мир столкнулся с массовым ростом наркомании и лиц, употребляющих наркотики на непостоянной основе. Основная группа подверженная этой тенденции подростки и молодые люди до 30 лет. Нежелание ставить клеймо на своей молодежи (наличие уголовной судимости является негативным фактором, вводящим правовые огра-

ничения во всех странах, иногда пожизненные) и неспособность победить наркомафию, заставило западных правоведов массово легализовать легкие наркотики (в основном производные каннабиса) вводя их в гражданский оборот, и значительно смягчив наказание за хранение и употребление тяжелых видов наркотических средств (опиоиды, амфетамины и т.д.). Страны южной и северной Америки, а также Европы не имеют единого законодательства, регулирующего оборот наркотиков. Но частичная или полная декриминализация легких наркотиков произошла в течение последних лет в этих странах, а именно: США, Канаде, Грузии, Испании, Чехии, Израиле, Финляндии, Австрии, Португалии, Австралии, Хорватии, Польше, Греции.

Либеральная идея сегодня не видит в употреблении каннабиса значительного преступления. Проблема массового привлечения молодых людей в Нью-Йорке США за употребление легких наркотических средств была решена декриминализацией, и выводом на рынки легальной продукции (сертифицированные медицинскими учреждениями наркотические средства), что способствовало борьбе с потоком нелегальных наркотиков из Мексики [6]. Введение легких наркотиков в гражданский оборот по началу вызвало ажиотаж, но в дальнейшем ситуация стабилизировалась, не вызвав необратимую волну негативных последствий массовой наркомании. Снижение ответственности за употребление тяжелых наркотиков способствовало созданию реабилитационных центров, в которых государству легче контролировать и помогать наркозависимому населению [].

Проблема недобросовестного применения статей решилась в тех странах, где каннабис получил полную декриминализацию, так называемый «подброс наркотиков» со стороны стражей порядка потерял смысл.

Зарубежный опыт может предоставить нам данные, при изучении которых наши правоведы будут в состоянии установить возможные негативные последствия декриминализации, а также установить позитивные факторы и с учётом возможных ошибок, совершённых западными коллегами предложить новые решения.

Стоит заметить, что в развивающихся странах Азии подход к декриминализации наркотических статей не получил своё распространение. Законодательство может подразумевать даже смертную казнь за обнаружение незначительного количества запрещенных веществ.

Российская Федерация находится в положении, когда идти вслепую нет необходимости. Можно оценить опыт различных стран и правовых систем. В качестве предложения представляется интересным воспользоваться федеративным устройством нашей страны и продумать создание территориальных зон аналогичных «игорным зонам», где можно поставить правовой эксперимент по частичной декриминализации статьи 228 УК РФ, если это необходимо, не ввергая всю страну в хаос последствий ошибочного решения.

Литература:

1. ФСИН Российская Федерация: // URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (Дата обращения: 20.10.2020).

2. Institute for Crime & Justice Policy Research: //URL: https://www.prisonstudies.org/highest-to-lowest/prison_population_rate?field_region_taxonomy_tid=All (Дата обращения: 14 октября 2020).
3. СУДЕБНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ при Верховном Суде Российской Федерации: //URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (Дата обращения: 9 октября 2020).
4. Вадим Волков. «Палочная» система хотя бы минимально дисциплинирует правоохранителей // «Ведомости», 19.02.2010.
5. «Комсомольская правда» Полная стенограмма прямой линии с Владимиром Путиным — 2019: //URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/26992/4052814/> (Дата обращения: 9 октября 2020).
6. The Economic journal US crime: //URL: onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/eoj.12521 (Дата обращения: 9 октября 2020).
7. Шайдукова Л. К., Халабуда Л. Н. Модель реабилитации наркозависимых в современном реабилитационном центре // Псих. здоровье. — 2011. — № 9. — С. 25–29.

Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка и разграничения смежных составов преступлений

Сивова Александра Витальевна, студент магистратуры

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В настоящей статье рассмотрены проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 106 УК РФ, проведено отграничение от смежных составов преступлений, а также высказаны предложения в части устранения пробелов и коллизий, возникающих при применении ст. 106 УК РФ.

Ключевые слова: убийство, убийство матерью новорожденного ребенка, специальный субъект преступления, квалификация, Уголовный кодекс Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации в статье 2 устанавливает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Указанное положение лежит в основе существующего конституционного строя в Российской Федерации. Как указано в Конституции РФ, защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства, которая также закреплена в ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Закрепленные в основном законе положения наглядно отражены в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации, поскольку особенная часть УК РФ начинается именно со ст. 105 — убийство, наиболее опасного, с точки зрения законодателя, преступления. Пунктом «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а статьей 106 УК РФ регламентировано привлечение к ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка.

Согласно данным, опубликованным на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за период с 2011 года по первое полугодие 2021 года по ст. 106 осуждено 488 человек. По сравнению с иными составами преступлений, предусмотренными действующим УК РФ, официальное количество осужденных лиц является относительно небольшим. Однако не стоит забывать, что рассматриваемая категория преступлений обладает высокой латентностью, особенно в городской местности, соответственно, приведенная статистика не отражает реальное количество совершаемых убийств новорожденных детей [1, с. 105].

Наибольшее количество вопросов возникает при рассмотрении и применении ст. 106 УК РФ, поскольку в указанной

статье содержится ряд терминов, не имеющих легальных определений. Данный состав преступления является привилегированным ввиду наличия психотравмирующей ситуации, а также наличия психического расстройства, не исключающего вменяемости женщины. Однако конкретных параметров, которым должна соответствовать психотравмирующая ситуация, в настоящее время не существует. Как правило, законодатель к таким ситуациям относит тяжелые материальные условия, чувство стыда за рождение внебрачного ребенка, отношение к ребенку как к помехе карьере, наркоманию, алкоголизм, неблагоприятную обстановку в семье, страх отказа отца от ребенка, беременность в результате изнасилования и т.д. [2, с. 135]. Поскольку список не является исчерпывающим, а анализ современной социально-экономической ситуации в стране показывает наличие высокого уровня безработицы среди женщин, нестабильных заработных плат, высокого уровня разводов, то практически каждое убийство матерью новорожденного ребенка можно рассматривать как деяние, совершенное в условиях психотравмирующей ситуации. В связи с отсутствием детализации указанного критерия ряд ученых-правоведов полагает, что необходимо убрать убийство матерью новорожденного ребенка из числа привилегированных составов преступлений [3, с. 436], однако данный подход представляется не совсем верным, поскольку видоизменение ст. 106 УК РФ позволит преодолеть существующие пробелы в уголовном праве и даст правоприменителю больше «инструментов» для качественного и справедливого осуществления правосудия. Стоит отметить, что послеродовая депрессия (в соответствии с Международной классификацией болезней [4, с. 5]) является суще-

ствующим заболеванием, в связи с чем данный состав преступления должен оставаться привилегированным.

Зачастую в правоприменительной практике встает вопрос: возможно ли смягчить ответственность матери, если у нее отсутствовала психотравмирующая ситуация? Ответ очевиден: нет. Именно наличие особого состояния женщины, ее постродовая депрессия, являются условием для смягчения наказания, но никак не родительский статус. Матери, совершившие убийство своего новорожденного ребенка, прибывавшие в нормальном психическом и физиологическом состоянии, подлежат привлечению к ответственности за совершение убийства малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии (п. «в» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Субъектом данного преступления является лицо женского пола, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Таким образом, лица, совершившие убийство новорожденного ребенка до достижения 16 лет, уголовной ответственности, не подлежат. Законодатель, определяя возрастной порог, исходил из невозможности осознания лицом в полной мере всей степени значимости материнства, а также совершенного деяния, в силу психоэмоциональной незрелости [5, с. 11].

Относительно критерия возраста наступления уголовной ответственности (не только по ст. 106 УК РФ) в научном сообществе отсутствует единая точка зрения, поскольку регулярно поднимается вопрос о снижении возраста уголовной ответственности. В настоящее время наблюдается тенденция более раннего созревания лиц, как физиологического, так и психологического, в связи с чем лица способны осознавать характер и степень общественной опасности деяния при достижении меньшего возраста. Лицо, не достигшее возраста 16 лет, совершившее убийство новорожденного ребенка, не является субъектом преступления в соответствии со ст. 106 УК РФ, однако, если лицо достигло четырнадцатилетнего возраста, оно потенциально может быть субъектом преступления по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Выходит, что для четырнадцатилетней девушки за убийство новорожденного ребенка предусмотрено лишение свободы на срок от восьми до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо пожизненное лишение свободы, а для девушки, достигшей 16 лет, предусмотрена санкция в виде ограничения свободы на срок от двух до четырех лет, либо принудительных работ на срок до пяти лет, либо лишения свободы на тот же срок. Судебная и следственная практика показывают, что лицо, совершившее убийство новорожденного ребенка до достижения им шестнадцатилетнего возраста при условиях, предусмотренных ст. 106 УК РФ, не является субъектом преступления. Поскольку инцидентов подростковой беременности с каждым годом становится все больше, а возраст юных матерей активно снижается [6, с. 71], подобный подход не позволяет должным образом защитить новорожденных детей и не способствует восстановлению социальной справедливости. На наш взгляд, для устранения данного пробела необходимо понизить возраст уголовной ответственности по ст. 106 УК РФ до 14 лет.

Новорожденность — еще один критерий, от которого зависит, какая статья УК РФ подлежит применению. Новоро-

жденность непосредственно связана с началом уголовно-правовой охраны жизни ребенка и по данному вопросу также отсутствует однозначное мнение. Большинство теоретиков, а также правоприменители в рамках уголовно-правового поля, под новорожденным ребенком понимают живорожденного ребенка (в соответствии с медицинскими критериями рождения) в период с его рождения до 28 дней жизни. Временной промежуток в 28 дней установлен в педиатрии, поскольку именно за такой срок младенец способен адаптироваться к условиям внешней среды [7, с. 10]. Соответственно, ребенок, проживший более 28 календарных дней, перестает быть новорожденным (становится малолетним), в случае совершения убийства ребенка деяние следует квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Мы согласны, что при определении новорожденности следует руководствоваться установленными медицинскими критериями, однако во избежание неоднозначного толкования указанный срок следует закрепить в ст. 106 УК РФ.

Отдельно стоит рассмотреть совершение убийства матерью новорожденного ребенка в соучастии. В ч. 4 ст. 34 УК РФ указано, что лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника. Соответственно, лица, помогавшие матери осуществить свой преступный замысел, должны привлекаться к уголовной ответственности в соответствии с п. «в» ч. 2 ст. 105, поскольку они не отвечают критериям специального субъекта, указанного в ст. 106 УК РФ. Сама мать, являющаяся соучастником убийства новорожденного, в зависимости от выполняемой ею роли, может быть привлечена как по ст. 106 УК РФ, так и по ст. 105 УК РФ. Данное положение представляется весьма необоснованным, поскольку мать, являющаяся организатором, подстрекателем или пособником, однако самостоятельно не совершавшая убийство, в соответствии с п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ получит более строгое наказание, чем при совершении убийства ребенка собственными руками. Указанное положение противоречит принципу справедливости, а также логике. На законодательном уровне стоит рассмотреть отнесение соучастия матерью в убийстве новорожденного ребенка к привилегированному составу при условии возникновения преступного замысла в момент или после родов, поскольку именно они вызывают психотравмирующую ситуацию для женщины. Если будущая мать, находясь в состоянии беременности, начала подготовку к совершению преступления в качестве соучастника, ее действия следует квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Еще один вопрос, вызывающий ряд споров, заключается в том, может ли быть привлечена к уголовной ответственности по ст. 106 УК РФ суррогатная мать. Поскольку суррогатная мать в процессе вынашивания плода и родов могла получить психологическую травму, несмотря на тот факт, что на биологическом уровне она не является матерью данного ребенка, к ней вполне можно применять привилегированный статус. Данная позиция не является однозначной. Ряд авторов полагает, что суррогатную мать следует привлекать по ст. 105 УК РФ, поскольку женщина, заключая договор с генетическими родителями, фак-

тически отказывается от материнства и обязуется передать ребенка после родов его матери и отцу. По нашему мнению, для устранения выявленного пробела следует в ст. 106 УК РФ заменить термин «мать» на «роженица» («родильница»).

Если преступление будет совершено биологической матерью при наличии суррогатной матери, наступит ответственность в соответствии с п. «в» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, поскольку биологическая мать в данном случае не была подвержена родовому процессу, беременности, из-за которых могло развиваться нестабильное психоэмоциональное состояние.

Преступление, предусмотренное статьей 106 УК РФ, схоже с рядом иных противоправных деяний, предусмотренных действующим УК РФ. Так, следует отличать убийство матерью новорожденного ребенка от убийства, совершенного в состоянии аффекта. Аффектом признается состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения, которое вызвано насильем, издевательствами или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего. Новорожденный ребенок в силу своего физиологического развития не способен совершить в отношении субъекта преступления вышеперечисленные действия. Помимо указанного, убийство в состоянии аффекта не может быть умышленным, в то время как субъективная сторона убийства матерью новорожденного ребенка характеризуется наличием прямого умысла. Соответственно, квалификация убийства новорожденного как преступления, совершенного в состоянии аффекта, исключена.

Литература:

1. Антонян Ю. М., Гончарова М. В., Кургузкина Е. Б. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы//LexRussica.— 2018.— № 3 (136).— С. 94–114.
2. Королев В. С. Особенности расследования убийства матерью новорожденного ребенка// Инновационная наука.— 2019. № 4.— С. 134–136.
3. Мальцева С. Н., Кузьмин С. П., Геранин В. В. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка// Бюллетень науки и практики.— 2019.— № 5.— С. 435–439.
4. Аргунова А. И. Послеродовая депрессия. На стыке общей врачебной практики, акушерства и психиатрии//Российский семейный врач.— 2010.— № 1.— С. 4–11.
5. Авилова Л. Д. Убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ)// Евразийский Союз Ученых.— 2020.— № 4–10 (73).— С. 11–15.
6. Плаксина Т. А. Наказание за убийство матерью новорожденного ребенка// Вестник Томского государственного университета. Право.— 2017.— № 24.— С. 67–79.
7. Дядюн К. В. К вопросу о критериях состояния новорожденности применительно к составу ст. 106 УК РФ// Пенитенциарная наука.— 2014.— № 2 (26).— С. 10–12.

Иным, граничащим с убийством матерью новорожденного, преступлением является оставление в опасности (ст. 125 УК РФ), однако данные составы преступлений различны по субъективной стороне и объекту преступления. Объектом преступления, предусмотренного в ст. 106 УК РФ, выступает жизнь ребенка, в то время как в ст. 125 УК РФ объектом является безопасность жизни и здоровья. Различия в объекте непосредственно влияют на субъективную сторону преступлений. Убийство новорожденного ребенка, как уже отмечалось ранее, совершается с прямым умыслом. Оставление в опасности означает наличие прямого умысла относительно создания для ребенка условий, в которых субъект преступления не сможет оказать ему помощь и необходимый уход, и при этом подразумевает безразличное отношение к дальнейшей жизни ребенка, то есть имеет место косвенный умысел по отношению к наступлению смерти.

Таким образом, анализ данной проблематики выявил пробелы в законодательстве, которые в настоящее время не устранены. Статья 106 УК РФ должна быть доработана, на законодательном уровне необходимо регламентировать такие дефиниции, как «мать новорожденного», «новорожденный», «психотравмирующая ситуация», подлежит снижению возраст уголовной ответственности. Во исполнение указанных задач предложена следующая редакция ст. 106 УК РФ: «Убийство роженицей (родильницей), достигшей возраста 14 лет, своего ребенка во время, сразу же после родов, или в течение первых 28 дней жизни, в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, наказывается ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок».

Понятие и виды административных правонарушений в таможенной сфере

Скуридина Ольга Олеговна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Цель статьи заключается в определении понятия и видов административных правонарушений в таможенной сфере. Методологическую основу исследования составили: диалектический метод, формально-юридический метод, метод толкования правовых норм. В статье представлены выводы по анализу понятия и видов административных правонарушений в таможенной сфере.

Ключевые слова: административные правонарушения в таможенной сфере, нарушение таможенных правил.

The concept and types of administrative offenses in the customs sphere

Skuridina Olga Olegovna, student master's degree
Moscow University of Finance and Law

The purpose of the article is to define the concept and types of administrative offenses in the customs sphere. The methodological basis of the study consisted of: dialectical method, formal legal method, method of interpretation of legal norms. The article presents conclusions on the analysis of the concept and types of administrative offenses in the customs sphere.

Keywords: administrative offenses in the customs sphere, violation of customs rules.

Административные правонарушения в таможенной сфере являются самостоятельной разновидностью административного правонарушения. Составы данного рода правонарушений сконструированы в главе 16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [3]. В частности, российский законодатель включил в нее: незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза товаров и (или) транспортных средств международной перевозки (ст. 16.1. КоАП РФ); недекларирование либо недостоверное декларирование товаров (ст. 16.2. КоАП РФ); несоблюдение запретов и (или) ограничений на ввоз товаров на таможенную территорию Евразийского экономического союза или в Российскую Федерацию и (или) вывоз товаров с таможенной территории Евразийского экономического союза или из Российской Федерации (ст. 16.3. КоАП РФ) и др.

Легальная дефиниция административного правонарушения сосредоточена в ч. 1 ст. 2.1. КоАП РФ, а законодательное определение отдельных разновидностей административных правонарушений, в том числе и таможенных, в КоАП РФ отсутствует. При этом анализ наименования главы 16 КоАП РФ позволяет сделать вывод о том, что российский законодатель рассматривает административные правонарушения в таможенной сфере как нарушение таможенных правил. Здесь можно дополнить это положением о том, что это любое нарушение таможенных правил, предусмотренное нормами КоАП РФ.

Попробуем выделить особенности именно нарушений таможенных правил в общей системе административных правонарушений.

Общим для всех видов нарушений таможенных правил является то, что все они в той или иной степени посягают на урегулированные нормами таможенного права общественные отношения — таможенно-правовые отношения. В данном контексте под таможенно-правовыми нарушениями следует понимать отношения, возникающие в связи и по поводу пере-

мещения товаров и транспортных средств через таможенную границу.

Различаются административные правонарушения в таможенной сфере также по степени общественной опасности, по направленности на причинение вреда тем или иным аспектам таможенного дела, по способу, месту и времени их совершения (то есть по признакам объективной стороны), а в ряде случаев по субъектам, которые их осуществляют, а также по некоторым другим критериям.

Стоит подчеркнуть, что, в отличие от советского времени, сегодня нарушения таможенных правил занимают самостоятельное место в общепринятой структуре административных правонарушений [4, с. 39]. Это объясняется тем, что для всех нарушений таможенных правил общим является объект посягательства, а именно: общественные отношения, возникающие в области государственной таможенной политики и таможенного дела.

Государственная таможенная политика представляет собой систему принципов и направлений деятельности государства в сфере защиты таможенных интересов и обеспечения таможенной безопасности Российской Федерации, регулирования внешней торговли, защиты внутреннего рынка, развития экономики Российской Федерации и ее интеграции в мировую экономику. Государственная таможенная политика является составной частью государственной экономической политики [2, с. 335].

Государственное таможенное дело следует рассматривать как установленные порядок и условия перемещения товаров через таможенную границу Российской Федерации, их таможенный контроль и таможенное оформление, применение механизмов тарифного и нетарифного регулирования внешнеэкономической деятельности, взимания таможенных платежей, ведение таможенной статистики, обмен таможенной информацией, ведение российской классификации товаров внешнеэко-

номической деятельности, осуществления в соответствии с законом государственного контроля пищевой продукции при ее ввозе на таможенную территорию Российской Федерации, предотвращение и противодействие контрабанде, борьба с нарушениями таможенных правил, организация и обеспечение деятельности органов доходов и сборов и другие мероприятия, направленные на реализацию государственной политики в сфере государственного таможенного дела, составляют государственное таможенное дело.

Первый признак, который является характерным для любого административного правонарушения, в том числе и нарушение таможенных правил, это действие или бездействие. То есть это сознательный акт поведения человека, который всегда является следствием познавательной деятельности, отражением в сознании человека объективного мира. Именно деяния, а не мысли, желания или иные подобные проявления психической деятельности людей. Действие — это активное невыполнение законных требований, а также нарушение установленных нормами права запрета (например, нарушение режима зоны таможенного контроля, предусмотренное ст. 16.5. КоАП РФ). Бездействие — это пассивная форма поведения, которая проявляется в невыполнении предусмотренных законодательными и нормативными актами обязанностей, которые она должна и должна выполнять вследствие возложенных на нее обязанностей (например, недекларирование товаров, закрепленное ст. 16.2. КоАП РФ).

Признак противоправности административного правонарушения следует из того, что оно находится под запретом конкретной законодательной нормы, ибо его осуществление может иметь своим последствием наступление вреда или угрожать опасностью индивиду, группе индивидов или государству. Противоправность позволяет отделить административные правонарушения от тех поступков, в отношении осуществления которых действующим законодательством не закреплен запрет. Так, противоправность не характерна для моральных поступков, иных нарушений общественных норм и правил.

Противоправность включает в себя те деяния, которые имеют своим последствием наступление прямого ущерба индивиду, группе индивидов, материальным вещам, а также те, которые, хоть и не имеют такого последствия, скрывают в себе только угрозу появления такого ущерба. В ситуации, когда происходит нарушение таможенных правил, противоправность предполагает, что конкретная норма КоАП РФ прямо устанавливает запрет на осуществление определенного поведения, например нарушать порядок помещения товаров на хранение (ст. 16.14. КоАП РФ).

Виновность административного правонарушения предусматривает наличие у лица самостоятельного психического отношения к соответствующему поступку и его последствиям. Совершение лицом нарушения таможенных правил выражается как сознательное проявление воли лица и должно быть всегда виновным, то есть совершенным намеренно или по неосторожности. В случае отсутствия этого признака деяние не может быть признано как правонарушение.

Следующим признаком является административная наказуемость. Она выражается в том, что конкретное неправомерное деяние признается нарушением таможенных правил лишь в тех ситуациях, когда его осуществление имеет своим последствием применение меры административной ответственности, сконструированной в КоАП РФ.

Еще один признак — это антиобщественная направленность, которую следует рассматривать как диалектическое соотношение общественной вредности (апостериорный признак правонарушения) и общественной опасности (априорный признак правонарушения). Каждое нарушение таможенных правил, посягая на закрепленный правопорядок, влечет тот или иной вред, нарушает упорядоченность, согласованность, гармоничность общественных отношений в области государственной таможенной политики и государственного таможенного дела. И необходимо отметить, что в данном случае результат такого рода нарушения может проявляться как в виде реального ущерба (например, недопоступление средств в государственный бюджет вследствие неуплаты таможенных платежей в срок, установленный законом), так и в создании необходимых условий с целью наступления определенного вреда. По степени социальной значимости деяния, причиняющего вред законным интересам общества и государства, является антиобщественным [1, с. 12].

Итак, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что административное правонарушение в таможенной сфере представляет собой противоправные, виновные (умышленные или по неосторожности) действия или бездействие, посягающие на установленный российским законодательством порядок перемещения товаров, транспортных средств через таможенную границу Российской Федерации, предъявления их таможенным органам для проведения таможенного контроля и таможенного оформления, а также осуществления операций с товарами, находящихся под таможенным контролем или контроль за которыми возложен на таможенные органы российским законодательством, и за которые КоАП РФ предусмотрена административная ответственность.

Литература:

1. Грушевая Т. Д., Колмык К. А. Таможенные правонарушения // Тенденции развития науки и образования.— 2016.— № 21–2.— С. 11–15.
2. Ишбулдин Р. В. Таможенная политика как приоритетное направление государственной политики России // NovaInfo.Ru.— 2016.— Т. 2.— № 44.— С. 334–338.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ.— 2002.— № 1 (ч. 1).— Ст. 1.
4. Лашук В. С. Административная ответственность юридических лиц за нарушение таможенных правил // Научный аспект.— 2017.— № 2–1.— С. 38–44.

Объективные признаки административных правонарушений в таможенной сфере

Скуридина Ольга Олеговна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Цель статьи состоит в установлении объективных признаков административных правонарушений в таможенной сфере. Методологическую основу исследования составили: диалектический метод, формально-юридический метод, системный метод, метод толкования правовых норм. В статье сформулированы выводы по объективным признакам административных правонарушений в таможенной сфере.

Ключевые слова: административные правонарушения в таможенной сфере, объективная сторона, объективные признаки, объект.

Objective signs of administrative offenses in the customs sphere

Skuridina Olga Olegovna, student master's degree
Moscow University of Finance and Law

The purpose of the article is to establish objective signs of administrative offenses in the customs sphere. The methodological basis of the study consisted of: dialectical method, formal legal method, system method, method of interpretation of legal norms. The article formulates conclusions on objective signs of administrative offenses in the customs sphere.

Keywords: administrative offenses in the customs sphere, objective side, objective signs, object.

Для наступления административной ответственности любое нарушение таможенных правил должно содержать объективные признаки состава административного правонарушения. Факт их наличия в совокупности с субъективными признаками позволит привлечь лицо, совершившее правонарушение, к административной ответственности.

Объективные признаки административных правонарушений в таможенной сфере образуют объект и объективная сторона.

Объект является имманентным признаком административных правонарушений в таможенной сфере, раскрывающим сущность общественных отношений, на которые посягает данное правонарушение, а также характер и степень общественной опасности этого деяния.

Вопрос об объекте административных правонарушений в таможенной сфере в науке административного права [3, с. 246] уже много лет является дискуссионным. Это можно объяснить тем, что: во-первых, в законодательстве отсутствует прямое указание на виды общественных отношений, которые выступают как объект административных правонарушений в таможенной сфере; во-вторых, тем, что данный вид правонарушений может причинить вред одновременно нескольким охраняемым общественным отношениям.

Под объектом правонарушения понимается то, на что это деяние посягает. Противоправного поведения вне связи с конкретным правонарушением в природе быть не может. Каждое нарушение законодательства, выражается ли оно в действии или бездействии, всегда является посягательством на определенный объект.

Объекты административных правонарушений в таможенной сфере можно классифицировать на следующие виды: 1) общий объект; 2) родового объекта; 3) видовой объект; 4) непосредственный объект.

Под общим объектом принято считать определенные общественные отношения, которые урегулированы нормами права и находятся под охраной мер административной ответственности, в нашем случае — под охраной норм главы 16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [1]. Категория общего объекта деликта имеет чисто теоретическое значение и не влияет на юридическую квалификацию. На практике при разработке административно-деликтных норм, структурировании Особенности части КоАП РФ или квалификации конкретных фактических посягательств гораздо важнее четко установить родовую, видовую и непосредственный объекты. Общий объект всегда известен, его не нужно предварительно устанавливать, он не поможет квалифицировать деяния по определенной административно-деликтной норме.

Родовым объектом административных правонарушений в таможенной сфере являются общественные отношения в сфере таможенных правил, которые должны основываться на принципах свободы экономической деятельности, добросовестной конкуренции, законности и добропорядочности.

Видовым объектом административных правонарушений в таможенной сфере следует считать общественные отношения, содержанием которых являются: во-первых, свободная внешнеторговая экономическая деятельность субъектов данных отношений, а также экономическая безопасность государства.

Экономическая безопасность Российской Федерации — это независимость государства в формировании и развитии собственной экономической системы. Материальной основой такой независимости есть собственность народа на национальное богатство (совокупность созданных и накопленных в Российской Федерации трудом всего общества материальных и духовных благ, интеллектуального потенциала общества, природных ресурсов и т.п.).

Суть экономической безопасности можно определить как состояние экономики и институтов власти, при которой обеспечиваются гарантированная защита национальных интересов; социальная направленность политики, достаточный оборонный потенциал даже при неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов, иными словами, экономическая безопасность — это не только защищенность национальных интересов, но и готовность и способность институтов власти создавать механизмы реализации и защиты национальных интересов развития отечественной экономики, поддержания социально-политической стабильности общества. Экономическая безопасность является, по сути, важнейшим гарантом обеспечения экономического суверенитета страны и экономического здоровья нации.

В специальной литературе [4, с. 86] под «экономическим здоровьем нации» понимается сформированная и развитая система экономических общественных отношений, позволяют создавать материальные и духовные блага для улучшения жизнедеятельности людей, нейтрализации неблагоприятных факторов, подрывающих экономическое и социальное здоровье народа, духовный и нравственный потенциал нации. Отметим, что основной угрозой экономическому здоровью нации является тенезация экономики, одним из элементов которой является деятельность, связанная с нарушением таможенных правил.

Последним в классификации объектов нарушения таможенных правил является непосредственный объект. Непосредственный объект административного правонарушения служит одним из основных критериев отграничения одного административного правонарушения от другого. Это конкретный вид общественных отношений, на которые посягает одно или несколько административных правонарушений, предусмотренных статьями нормативно-правового акта.

Многие ученые [2, с. 266] высказывают мнение, что непосредственным объектом административных правонарушений в таможенной сфере является установленный законодательством Российской Федерации порядок перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу Российской Федерации.

Мы не отрицаем, что административные правонарушения в таможенной сфере нарушают указанный порядок, но при этом придерживаемся мнения о необоснованности такой трактовки, а именно — ее непосредственного объекта. Такая трактовка носит формальный, нормативистский характер. В результате административного правонарушения в таможенной сфере несет убытки не норма КоАП РФ, не установленные ею правила, а реальные общественные отношения, блага и ценности, охраняемые КоАП РФ.

Эти общественные отношения, по сути, являются управленческими. Их структуру образуют отдельные, относительно обособленные, более узкие группы общественных отношений, которые отражают специфику управления той или иной составной частью таможенного дела. Если спроецировать на них таможенные правонарушения, то окажется, что каждое из них направлено на одну из этих групп общественных отношений — которые и являются их непосредственными объектами. Таким

образом, основным непосредственным объектом исследуемых административных правонарушений в таможенной сфере, на наш взгляд, выступают общественные отношения в сфере установленного порядка перемещения товаров и транспортных средств коммерческого назначения через таможенную границу Российской Федерации. Как составная часть таможенного дела они связаны с реализацией целей и задач таможенной политики государства.

Объективная сторона административных правонарушений в таможенной сфере — это система предусмотренных нормами административного права признаков, характеризующих его как акт внешнего поведения нарушителя. Объективная сторона административных правонарушений в таможенной сфере характеризуется внешним проявлением посягательства на объект, который охраняется административно-правовой санкцией и заключается в нарушении таможенных правил.

Обязательным признаком объективной стороны состава административных правонарушений в таможенной сфере является деяние человека, которое может выражаться в действии или бездействии. Под действием следует понимать активное поведение лица. Сложное деяние может состоять из нескольких альтернативных действий, совершение любого из них достаточно для признания поведения лица правонарушением. В отличие от действия, бездействие выражается в пассивном поведении лица, в невыполнении возложенных на него обязанностей. Например, объективная сторона административного правонарушения в таможенной сфере, описанного в ст. 16.11. КоАП РФ, включает в себя действия, которые выражаются в уничтожении, удалении, изменении либо замене средств идентификации, используемых таможенным органом, без разрешения таможенного органа или повреждение либо утрата таких средств идентификации.

Для квалификации объективной стороны ряда составов административных правонарушений в таможенной сфере важное значение имеет термин «таможенный контроль» (например, ст. 16.5. КоАП РФ).

В литературе по таможенному праву [4, с. 87] принято различать таможенный контроль в широком и узком смыслах. Таможенный контроль в широком смысле трактуется как специфический процесс, осуществляемый таможенными органами в специальных местах и в определенное время. Перемещение товаров через таможенную границу Российской Федерации осуществляется в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации. Сам же таможенный контроль осуществляется должностными лицами таможенных органов в специально созданных пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации, на территориях морских и речных портов, аэропортов, на железнодорожных станциях и на территориях предприятий, свободных таможенных зон, таможенных складов, складов временного хранения, а также в других местах, зонах таможенного контроля. Зоны таможенного контроля являются средством осуществления таможенного контроля, обеспечивая необходимые условия для осуществления контрольных мероприятий.

Итак, основным непосредственным объектом исследуемых административных правонарушений в таможенной сфере, на

наш взгляд, выступают общественные отношения в сфере установленного порядка перемещения товаров и транспортных средств коммерческого назначения через таможенную границу

Российской Федерации. Как составная часть таможенного дела они связаны с реализацией целей и задач таможенной политики государства.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ.— 2002.— № 1 (ч. 1).— Ст. 1.
2. Сейсембаева Г. Р., Махметжанова Ж. Ж. Административные правонарушения в сфере таможенного дела // Вестник Омского регионального института.— 2018.— № 1.— С. 265–268.
3. Сергиенко А. А. К вопросу об административной ответственности за правонарушения в таможенной сфере // Молодой ученый.— 2017.— № 46 (180).— С. 246–249.
4. Юркина А. В. Административные правонарушения в сфере таможенного дела // Аллея науки.— 2018.— Т. 1.— № 5 (21).— С. 85–89.

Роль прокурора в возбуждении дел об административных правонарушениях о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма

Тлимахова Светлана Аслановна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается роль прокурора в возбуждении дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 15.27 КоАП РФ.

Ключевые слова: прокурор, меры прокурорского реагирования, терроризм, финансирование, постановление.

The role of the prosecutor in initiating cases of administrative offenses on combating the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism

The article discusses the role of the prosecutor in initiating cases of administrative offenses under Art. 15.27 Administrative Code of the Russian Federation.

Keywords. prosecutor, prosecutor's response measures, terrorism, financing, ruling.

Законодатель обращает пристальное внимание к вопросам контроля и надзора за деятельностью финансового рынка в связи с тем, что его развитие воздействует на экономику внутри государства.

Приоритетным направлением деятельности органов прокуратуры Российской Федерации является защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение единства правового поля.

Реализуя названную выше задачу, прокуратура Российской Федерации уполномочена возбуждать дела об административных правонарушениях и проводить административное расследование в соответствии с полномочиями, установленными Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [1] (далее — КоАП РФ) и другими федеральными законами.

Производство по делам об административных правонарушениях находит нормативное выражение в нормах КоАП РФ, в котором установлено правовое положение участников производства, определены общие правила процессуальной деятельности в рамках производства и т.д.

В соответствии со ст. 25 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [2] (далее — Закон о прокуратуре), ст. 25.11, 28.4 КоАП РФ прокурор вправе возбудить дело о любом административном правонарушении, предусмотренном КоАП РФ или законами субъектов РФ.

По мнению исследователя Жубрина Р. В., деятельность прокурора в ходе осуществления им профилактических мероприятий и прямого надзора за исполнением законов о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, направлена не только на выявление и предупреждение правонарушений в данной сфере, но и разрешению задач по оздоровлению российской экономики, защите прав предпринимателей, укреплению правового поля государства [6].

Осуществление прокурорского надзора в изучаемой нами сфере обеспечивается также приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 08.02.2017 № 87 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере про-

тиводействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию экстремистской деятельности и терроризма» [3].

При возбуждении производства по делам о привлечении к административной ответственности судам необходимо учитывать положения пункта 2 статьи 22 Закона о прокуратуре, предоставляющие прокурору и его заместителю право возбуждать производство об административном правонарушении, а также положения статей 28.4 и 28.8 КоАП РФ, определяющие полномочия прокурора по возбуждению дел об административных правонарушениях и направлению материалов в суды, уполномоченные рассматривать соответствующие дела.

Данные полномочия ставят прокурора в особое положение, индивидуализируя персональную сферу осуществления им административного преследования.

По мнению Н.Н. Головина, роль прокуратуры в данном случае заключается в роли надзорного органа, призванного скомпенсировать недостатки работы административно-юрисдикционного аппарата государства, в случае проявления пассивности в пресечении административных правонарушений [4].

На наш взгляд, такая позиция является обоснованной, поскольку процессуальный статус прокурора обусловлен его исключительным правом принятия решения о возбуждении отдельных категорий дел об административных правонарушениях, в том числе ч. 4 ст. 15.27 КоАП РФ.

Прокурор вправе в зависимости от характера правонарушения принять соответствующие меры реагирования:

- возбудить производство об административном правонарушении;
- внести представление об устранении нарушений закона;
- обратиться в суд с иском (заявлением) в защиту прав, свобод, законных интересов другого лица, неопределенного круга лиц или интересов России, муниципальных образований;
- принести протест на противоречащий закону правовой акт;
- вынести постановление о передаче в следственный орган (орган дознания) материалов прокурорской проверки для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства.

Анализ практического применения актов прокурорского реагирования свидетельствует о возрастающей роли постановления прокурора о возбуждении производства по делу об административном правонарушении.

И. А. Галаган подчеркивал, что возбуждение дел об административных нарушениях не на основании протоколов, а посредством иных документов весьма ограничено... функцию возбуждения дела об административном нарушении выполняют также постановления прокуратуры об административном преследовании [5].

Так, например, прокуратурой г. Абакана проведена проверка исполнения хозяйствующими субъектами Федераль-

ного закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

В ходе проверки в деятельности 20 коммерческих организаций, осуществляющих деятельность в сфере купли-продажи имущества, скупки-продажи ювелирных изделий, выявлены нарушения при организации и осуществлении мероприятий внутреннего контроля.

По результатам проверки прокурор в адрес руководителей организаций внес представления об устранении нарушений законодательства, а также возбудил дела об административных правонарушениях по ч. 1 ст. 15.27 КоАП РФ (неисполнение требований в части организации и (или) осуществления внутреннего контроля). Меры прокурорского реагирования находятся на рассмотрении [7].

На официальном сайте Генеральной прокуратуры Российской Федерации размещены сведения об итогах работы за 2020 органами прокуратуры Пензенской области. Так, за истекший период времени выявлено 65 нарушений в указанной сфере, внесены протесты по 8 локальным правовым актам, 22 представления, по результатам рассмотрения которых 11 должностных лиц привлечены к дисциплинарной ответственности, по постановлениям прокуроров 17 должностных и юридических лиц привлечены к административной ответственности по ч. 1 ст. 15.27 КоАП РФ. Кроме того, направлено 19 исковых заявлений в судебные органы, возбуждено 3 уголовных дела по материалам прокурорских проверок по фактам незаконного обналичивания денежных средств с использованием судебных решений и решений комиссий по трудовым спорам.

Мерами прокурорского реагирования исключается практика возбуждения Росфинмониторингом дел об административных правонарушениях одновременно в отношении должностных лиц и организаций с последующим прекращением производства в отношении одного из лиц, необоснованное и незаконное привлечение к ответственности, уменьшилось количество нарушений прав участников производства по делу об административном правонарушении.

Принимая во внимание механизм противодействия легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма, который внедрен в российскую правовую систему, а также требования ФАТФ о даче оценки финансовым институтам репутации контрагентов на основе анализа публично доступной информации, на наш взгляд, необходимо разграничить в КоАП РФ правонарушения, связанные с легализацией (отмыванием) доходов от тех нарушений, которые связаны с организацией и осуществлением внутреннего контроля и взаимодействием с надзорными органами, определив тем самым исключительность полномочий прокурора по возбуждению дел об административном правонарушении по ст. 15.27 КоАП РФ.

Литература:

1. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // «Российская газета», № 256, 31.12.2001

2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.12.2020) «О прокуратуре Российской Федерации» // «Российская газета», № 39, 18.02.1992
3. Приказ Генпрокуратуры России от 08.02.2017 № 87 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию экстремистской деятельности и терроризма» // «Законность», № 4, 2017
4. Возбуждение дела об административном правонарушении по инициативе прокурора: актуальные проблемы // <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/pravo/2012/01/2012-01-31.pdf>
5. Галаган И. А. Участие прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях // <https://elibrary.ru/item.asp?id=43026906>
6. Жубрин Р. В. Основы профилактики легализации преступных доходов. дисс., к.юр.н., 2013, С. 105.
7. Статистические сведения Генеральной прокуратуры Российской Федерации // https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_19/mass-media/news/reg-news?item=59549747
8. Статистические сведения Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>
9. Гриценко, Д. В. Возбуждение дела об административном правонарушении по инициативе прокурора: Актуальные проблемы / Д. В. Гриценко.— Текст: электронный // Cyberleninka: [сайт].— URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozvuzhdenie-dela-ob-administrativnom-pravonarushenii-po-initsiative-prokurora-aktualnye-problemy> (дата обращения: 30.10.2021).

Правовые последствия неисполнения требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма

Тлимахова Светлана Аслановна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются актуальные вопросы применения мер административной ответственности за неисполнение требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Ключевые слова: легализация, отмывание доходов, закон, штраф, терроризм, финансирование.

Legal consequences of non-compliance with the requirements of the legislation on combating the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism

Tlimakhova Svetlana Aslanovna, student master's degree
Moscow University of Finance and Law

The article discusses topical issues of the application of measures of administrative responsibility for failure to comply with the requirements of the legislation on combating the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism.

Keywords. legalization, money laundering, law, fines, terrorism, financing

В современном мире терроризм и легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем представляют собой социальные негативные явления, создающие угрозу для всех сообществ. А география распространения терроризма охватывает не только Европу и Ближний Восток, но и отрицательно сказалась на экономике, политике и обеспечении безопасности населения России.

В течение всей истории становления нашего государства можно отметить тенденцию роста совершения террористи-

ческих актов, а также попыток легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем.

В соответствии с Комплексным планом противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы, утвержденным Президентом Российской Федерации 28 декабря 2018 года № Пр-2665 «...число преступлений, характеризующих террористическую активность в субъектах Российской Федерации, в том числе за счет указанной работы, уменьшилось с 2013 года более чем в восемь раз. Увеличилось

количество лиц, склоненных к отказу от террористической деятельности. Разобщены организованные источники распространения идеологии терроризма внутри страны» [8].

Мы полагаем, что основу для существования террористической деятельности является создает возможность его финансирования из различных источников, в том числе посредством легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем.

В связи с этим пресечение каналов финансирования терроризма, а также попыток легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, мерами административного наказания является достаточно актуальной темой.

В России меры административной ответственности за неисполнение требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансирование терроризма, установлены в ст.ст. 15.27, 15.27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [1].

Непосредственно прямая обязанность за осуществление контроля за соблюдением положений Федерального закона от 07.08.2011 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма» возложена на Федеральную службу по финансовому мониторингу (далее — Росфинмониторинг).

Применяемый Росфинмониторингом в ходе проверок риск-ориентированный подход позволил установить в деятельности поднадзорных субъектов правонарушения, предусмотренного ст. 15.27 КоАП РФ около 98% нарушений в виде неисполнения требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансирование терроризма, что в последующем повлекло за собой возбуждение дел об административных правонарушениях.

В рамках взаимодействия с органами прокуратуры территориальными органами Росфинмониторинга рассмотрено более 300 материалов дел об административных правонарушениях, возбужденных органами прокуратуры по результатам проверок поднадзорных Росфинмониторингу субъектов, с последующим вынесением постановлений о назначении административных наказаний [8].

В целях пресечения административных правонарушений в виде неисполнения требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансирование терроризма, на субъектов указанного правонарушения применяются такие меры ответственности как предупреждение, административный штраф и приостановление деятельности.

Наиболее эффективным, на наш взгляд, являются такие меры ответственности как штраф и приостановление деятельности, поскольку влекут за собой наиболее негативные последствия для субъекта правонарушения.

Вместе с тем, в ходе рассмотрения дел об административных правонарушениях в течение 2020 года были учтены и внешние обстоятельства, вызвавшие изменения условий работы поднадзорных Росфинмониторингу субъектов — эпидемия COVID-19. Как следствие, в ходе рассмотрения дел об административных правонарушениях были приняты решения о назначении такой

меры наказания как предупреждение, а не штраф или приостановление деятельности.

В ходе обжалования в судебном порядке постановлений административных органов, более 80% жалоб субъектов административных правонарушений были остановлены без изменения либо административный штраф также заменялся на предупреждение.

Так, например, решением Симоновского районного суда г. Москвы от 31 июля 2020 года жалоба должностного лица (сведения о правонарушителе обезличены) на постановление ГУ Банка России по ЦФО № 19–23940/3110–1, которым должностное лицо признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 15.27 КоАП РФ и назначено наказание в виде административного штрафа в размере сумма — оставлено без изменения, жалоба должностного лица — без удовлетворения [3].

Такая мера наказания как предупреждение, на наш взгляд, является достаточно мягкой, принимая во внимание диспозицию ст. 15.27 КоАП РФ и подлежит исключению из санкции данной статьи.

Данное мнение не будет идти вразрез с позицией, выраженной в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2009 года № 919-О-О, согласно которой административное наказание должно назначаться с учетом характера совершенного административного правонарушения, личности виновного, имущественного и финансового положения, обстоятельств, смягчающих и отягчающих административную ответственность, возможности назначения одного из нескольких видов административного наказания, установленного санкцией соответствующей нормы закона за совершение административного правонарушения, установления законодателем широкого диапазона между минимальным и максимальными пределами административного наказания, возможностью освобождения лица, совершившего административное правонарушение, от административной ответственности в силу малозначительности [2].

Полагаем, что необходимая дискреция юрисдикционных органов при применении административных наказаний будет соблюдена в полном объеме.

Следует отметить, что исследователи обращают особое внимание на вопрос о том, возможно ли прекратить дело об административном правонарушении указанной категории, в связи с малозначительностью деяния.

По мнению Янчева К. В., установить вину субъекта правонарушения и размер причиненного нарушением, предусмотренным ч.ч. 1,2 ст. 15.27 КоАП РФ, весьма сложно, ввиду отсутствия понимания о последствиях, которые могут наступить в случае представления сведений по операциям юридического лица на несколько дней позже установленного срока, если период его деятельности составляет менее трех месяцев [6].

По мнению А. С. Иванова, основными причинами нарушения сроков направления сообщений в уполномоченный орган субъекты правонарушений называют технический сбой, невнимательность сотрудников, выявления нарушения, например, кредитной организацией, самостоятельно и так далее [5].

Исходя из анализа судебной практики рассмотрения жалоб на постановления юрисдикционных органов о привлечении к административной ответственности по ч. 1-ч. 4 ст. 15.27 КоАП РФ, мы пришли к выводу о том, что в большинстве случаев дела, в силу малозначительности, не прекращаются, ввиду характера противоправного деяния, посягающего на установленный законом порядок осуществления противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма организациями.

Так, например, в решении Московского городского от 04.06.2019 по делу N7-6528/2019, прямо указано, что административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 15.27 КоАП РФ относится к разряду наиболее опасных правонарушений и не может быть малозначительным [4].

Проанализировав практику применения ст. 15.27 КоАП РФ, нами было установлено, что в случае неоднократного нарушения требований законодательства в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма могут повлечь за собой и более жесткие последствия для субъекта правонарушения. Так, например, Банк России отозвал лицензию на осуществление банковских операций у кредитной организации Банка ООО «Нейва» [7].

Для государства основной целью является не сам факт выявления «подозрительных сделок», а соблюдение законодательства с целью обнаружения таких операций, которые могут свидетельствовать о подготовке к совершению преступления.

Анализ российской системы административного противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма показал, в настоящее время система назначения наказаний в данной сфере хоть и унифицирована, но требует изменений.

Так, мы полагаем, что необходимо ужесточить меру ответственности к субъектам правонарушения — юридическим, физическим и должностным лицам, не допуская возможности применения такого вида наказания как предупреждение.

Также, необходимо внести изменения в ст. 2.9 КоАП РФ, указав, что административное правонарушение, предусмотренное ст. 15.27 КоАП РФ, не может быть признано малозначительным в силу того, что является наиболее опасным видом противоправного деяния, посягающего на установленный законом порядок осуществления противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма организациями.

Литература:

1. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // «Российская газета», № 256, 31.12.2001
2. Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 г. N919-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Коробейниковой Светланы Ивановны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 4, 1, частью 1 статьи 18.16 и статьей 23.67 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1692769>
3. Решение Симоновского районного суда города Москвы по жалобе на постановление ГУ Банка России по ЦФО № 19-23940/3110-1// <https://mos-gorsud.ru/rs/simonovskij/services/cases/appeal-admin/details/937536b9-ccd3-407b-806667d97819b-b7c?documentMainArticle=15.27&formType=fullForm>
4. Решение Московского городского суда от 04.06.2019 по делу № 7-6528/2019 <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/review-not-yet/details/7c2882de-ad47-4cf1-b692-1321c71aa5e3?formType=shortForm&caseNumber=7-6528%2F2019&participant=&uid=&year=&caseDateFrom=&caseDateTo=&caseFinalDateFrom=&caseFinalDateTo=&codex=&publishingState=&baseDecision=&judge=&hearingRangeDateFrom=&hearingRangeDateTo=&sessionRoom=&sessionRangeTimeFrom=&sessionRangeTimeTo=&documentType=&documentStatus=&docsDateFrom=&docsDateTo=>
5. Иванов А. С. Актуальные проблемы применения ст. 15.27 КоАП РФ // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18112126>
6. Янчев К. В. О применении ст. 15.27 КоАП РФ // eLIBRARY ID: 19371663
7. Отзывана лицензия на осуществление банковских операций у Банка Нейва // https://arb.ru/b2b/news/tsb_otozvana_litsenziya_na_osushchestvlenie_bankovskikh_operatsiy_u_bank_neyva_o-10466420/?sphrase_id=548968
8. Доклад Росфинмониторинга за 2020 год // СПС Консультант-Плюс

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 44 (386) / 2021

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 11.11.2021. Дата выхода в свет: 17.11.2021.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.